

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ (1755–1991)

© 2016 И.Я. Павлинов

Зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова; igor_pavlinov@zmtu.msu.ru

В статье на основании анализа опубликованных и архивных данных представлена обновлённая краткая версия истории Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова от основания Московского университета (1755 г.) до начала 1990-х гг. Выделены пять основных периодов развития Зоомузея, внесены уточнения в некоторые даты, события, официальные названия, персоналии, так или иначе связанные с его историей.

Оглавление

Предисловие

Предыстория

Вторая половина XVIII века: начало

Первая половина XIX века: вызревание

Вторая половина XIX века: «эпоха Богданова»

Первая половина XX века: великие потрясения

Вторая половина XX века: между «складом» и ремонтом

Эпилог

Предисловие

Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова, которому в 2016 г., согласно официальной версии, исполняется 225 лет, имеет достаточно развитую историографию, хотя едва ли исчерпывающую.

Первый исторический обзор университетского собрания предметов натуральной истории, из которого вырос наш Музей, появилось в первое десятилетие XIX в. (Fischer, 1806). Следующими были краткие описания как «допожарного», так и ближайшего «послепожарного» состояния Кабинета натуральной истории в ряде публикаций того же столетия (Указатель..., 1826; Рулье, 1855; Шевырёв, 1855; Щуровский, 1855a). Некоторые эпизоды из его истории несколько позже были воспроизведены в большой работе А.П. Богданова о К.Ф. Рулье и его предшественниках в Императорском московском университете (Богданов, 1885).

Кроме этих известных источников, в диссертации В.В. Панова, посвящённой истории ВУЗовских музеев (Панов, 2002), указана небольшая книга А.П. Богданова под названием

«Зоологический музей Имп. московского университета» (1869 г.). Однако мне не удалось найти ни саму эту книгу, ни указания на неё в других источниках.

В середине XX в. было издано несколько очень кратких и достаточно популярных изложений истории Зоомузея (Туров, Дементьев, 1940; Туров, 1956).

Наиболее продуктивными в этом отношении стали три последних десятилетия, когда были изданы обзоры истории Зоомузея — полные (Россолимо, 1991; Любарский, 2009; Бурлыклина, 2015) или охватывающие недавний период (Михайлов, 2002). К ним можно добавить небольшую популярную книгу автора этих строк (Павлинов, Иванов, 2005), а также список публикаций по истории и коллекциям Музея (Костылева, 1991). Книга Ю.Г. Любарского примечательна тем, что рассматривает историю Зоомузея МГУ в контексте развития московской школы классической зоологии; однако её автор не обращался к архивным документам (Михайлов, 2009), поэтому, к сожалению, книга содержит довольно много неточностей в части

*Настоящий текст представляет собой препринт статьи, которая вероятно будет опубликована ближе к концу 2016 г. в выпуске «Зоологические исследования», посвящённого 225-летию названного Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова

фактологии. В книге М.И. Бурлыкиной наш Музей рассматривается в контексте развития всего комплекса музейных институций при Московском университете, поэтому в ней отсутствуют некоторые примечательные детали, касающиеся именно Зоомузея, особенно на более поздних этапах его истории.

Основными информационными ресурсами, использованными при написании настоящей статьи, кроме ранее опубликованных обзоров, были: 1) печатные годовые отчёты о деятельности Московского университета на протяжении большей части XIX в. и первой трети XX в.; 2) хранящиеся в архивах Зоомузея машинописные тексты годовых отчётов и иные документы, относящиеся к его истории начиная с 1930-х гг. (к сожалению, без надлежащей архивной кодификации и поэтому далее обозначаемые просто как [архЗМ]); 3) Интернет-портал «Летопись Московского университета» официального сайта МГУ им. М.В. Ломоносова (Летопись..., 2016а); впрочем, в записях на этом ресурсе также отмечены досадные неточности и «внутренние» расхождения, касающиеся некоторых событий; 4) публикации, относящиеся ко времени рассматриваемых событий или (если более поздние) добросовестно воспроизводящие документы соответствующего времени; 5) различные Интернет-ресурсы, на которых размещены документы, имеющие то или иное касательство к истории Зоомузея. К разного рода мемуарам, в которых зачастую бывает трудно отделить достоверные факты от «анекдотов», я практически не обращался; исключение составляют записанные Е.А. Дунаевым фрагменты воспоминаний директора Зоомузея О.Л. Россолимо (записи от 2003 г.). По этой причине я сам старался воздерживаться от такого «мемуаристического» способа представления истории и по максимуму исключать разного рода бытовые детали и «оценочные суждения»: основное внимание уделено изложению «служебных» фактов. В связи с этим я по мере возможности скрупулёзно указываю в тексте статьи использованные мною источники, особенно в случаях расхождений в представлении исторической фактологии. Опубликованные источники и Интернет-издания сведены в стандартный список литературы, заимствованные из архивов Зоомузея указаны в основном тексте.

По результатам работы с указанными источниками было внесено значительное количество

поправок в даты и названия, в акцентирование событий в истории Зоомузея, которые представлены в её опубликованных современных обзорах. Таким образом, получившийся довольно объёмный текст можно рассматривать как некую краткую (и, как я полагаю, предварительную) сводку фактических материалов, имеющих отношение к этой истории.

Этот текст дополняют два справочных материала, помещённые в Приложения. Приложение 1 включает хронику Зоологического музея от 1755 до 1991 гг. Приложение 2 включает краткие биографические сведения о большинстве персон, упомянутых в основном тексте.

* * *

В представленном здесь кратком изложении истории Зоологического музея она поделена на полувековые периоды, которые, впрочем, не следует принимать слишком буквально. Границы между ними более или менее естественно обозначены некими рубежными вехами, связанными с существенным переустройством жизни именно нашего Музея. Последнюю оговорку следует иметь в виду в связи с тем, что возможна и иная схема периодизации развития университетских естественнонаучных музеев в России (Бурлыкина, 2001).

Начало первого периода определено основанием Московского университета и при нём Минералогического кабинета, из которого в конечном итоге вырос наш Музей. Это 1755–1759 гг. — самое начало второй половины XVIII в. и одновременно первой «полувековины» в истории нашего Зоомузея. К этому периоду относится начальное становление Музея, связанное с превращением его из Минералогического кабинета в Кабинет (Музеум) натуральной истории (1791 г.).

Первые годы XIX в. обозначают начало следующего полувекового периода: при Университете была утверждена Демидовская кафедра, во главе которой и всего университетского собрания натуральной истории был поставлен Г.И. Фишер; другим его началом можно считать возрождение Музея после пожара 1812 г. Этот период протянулся до конца 1850-х гг.: на него (в расширенном толковании) пришлось только что упомянутая трагедия 1812 г., переезд восстановленного Музея из одного университетского корпуса в другой (1837 г.), затем слияние Музея естественной истории и Кабинета сравнительной анатомии, ранее принадлежавшего Медико-хирургической академии (середина 1840-х гг.).

Третий период открывается с 1960-ми гг. назначением А.П. Богданова главой университетской Кафедры зоологии и одноимённого Кабинета при ней. В начале этого периода значительную часть университетских собраний естественной истории передали в Публичный музей, но вскоре почти все их возвращают обратно. Под руководством Богданова Зоологический кабинет при «полумифическом» Музее естественной истории (об этом см. далее в разделе, посвящённом первой половине XIX в.) превращается в нынешний Зоологический музей.

Начало четвёртого периода обозначено переездом Музея во вновь выстроенный Зоологический корпус Московского университета (1901 г.), его завершение — переездом большей части Университета в новое здание на Ленинских (Воробьёвых) горах (1953 г.). Этот период — один из самых тяжёлых в жизни Зоомузея: освоение новых помещений, послереволюционные преобразования всего и вся на протяжении 1920-х гг., попытки отстоять свою «самость» под организационным и идеологическим давлением 1930-х гг., прохождение через разруху Великой Отечественной войны (первая половина 1940-х гг.) и наконец через «оккупацию» здания Зоологического корпуса всяческим университетским хозяйством в ходе подготовки к упомянутому переезду.

Наконец, пятый период — последний из рассматриваемых в данной статье — начинается в середине 1950-х гг. и завершается рубежом 1980–1990-х гг. Его начало связано с освобождением здания Музея от большей части не имеющих к нему отношения организаций и их имущества и приведением в относительный порядок коллекций. Одновременно с этим Музей лишается значительной части ведущих научных сотрудников, потом штатные дела как-то утрясаются. В начале 1970-х гг. Музей погружается в тяжёлый всеобъемлющий капитальный ремонт, продолжившийся почти 20 лет. Завершение ремонта, освоение новых помещений и наконец укрепление Музея в его организационном и научном статусе обозначает финал этого этапа.

Шестой период начался вместе с 1990-ми гг.: его открывают очередные радикальные преобразования в стране, давшие возможность Зоомузею попытаться организовать существование по-новому. Но — это уже современность, выходящая за рамки «истории» в её узком понимании, а тем самым и за рамки настоящей статьи.

Предыстория

В XVI в. в Европе началась первая научная революция — стала складываться наука Нового времени. Одной из её ключевых черт, в отличие от предшествующих средневековой (схоластической) и возрожденческой познавательных схем, был эмпирический способ обоснования получаемых знаний. Эта революция по-разному сказалась на двух основных разделах наук о Природе, как их в то время классифицировал Ф. Бэкон. В «естественной философии» (физика, химия и др.) она породила научные эксперименты, в «естественной истории» (биология, геология и др.) — научные коллекции.

Такое рассмотрение двух основных ветвей естествознания с точки зрения эпистемологии означает, что коллекции в «естественной истории» по своему фундаментальному значению вполне аналогичны экспериментам в «естественной философии»: и те, и другие служат средством получения, воспроизведения и верификации научного знания (Павлинов, 2008, 2016). Поэтому «естественная история» не может обходиться без коллекций, точно так же как «естественная философия» — без экспериментов. А собрания научных коллекций «обречены» на постоянное развитие точно так же, как лаборатории, в которых проводятся физические и иные эксперименты.

* * *

Первые намёки на такие «собрания», вероятно, имевшие отношение к «неутилитарным» (познавательным, эстетическим и проч.) устремлениям людей, известны с незапамятных веков: палеоантропологи датируют их чуть ли не временем появления представителей вида *Homo sapiens*, археологи — самыми ранними цивилизациями Китая, Месопотамии, Египта (Lourenço, 2003; Грицкевич, 2004).

Ближе к современности важную роль в их развитии сыграла раннеантичная культура с её акцентом на рациональное познание окружающего мира. Среди многого из того, чем новейшая цивилизация обязана греческой Античности и что имеет прямое касательство к нашей истории, — «музейон» (μουσεῖον): первоначально он буквально означал «дом муз», сиречь обитель мифических покровительниц разных искусств, а также истории. Особо значимыми (в перспективной оценке) среди такого рода ранних институций были два, причём оба — детища величайших философов человечества.

Первый из них — «мусейон», который учредил Платон при своей Академии, второй — учреждённый Аристотелем при своём Ликее (Фролов, 2002).

Стремление Аристотеля всё «пощупать руками» стало особой побудительной причиной его увлечённого собирательства предметов натуральной истории. Воодушевлённый Аристотелем, его воспитанник и гениальный воитель царь Александр Македонский приказал своим подданным, как прирождённым, так и вновь завоеванным, слать тому всё сколько-нибудь примечательное из животных и растений, остатки коих философ-естествоиспытатель сохранял в своём Ликее, размещая в определённом систематическом порядке — т. е. вполне «научно» (Шахермайр, 1986; Грицкевич, 2004). И хотя такого рода собрания отчасти имели сакральный характер, будучи неким таинственным образом связанными с источниками «музейских искусств», Аристотель в одном из своих трактатов назвал ликейскую коллекцию «музеем природы» (Александрийский..., 2016). Чуть позже Птолемей I, полководец и последователь Александра, учредил в основанном им стольном граде Александрии знаменитейшую «учёно-сохранительную» институцию, получившую официальное название «Мусейон», выбитое на фронте здания: в нём в разное время трудились Эратосфен, Евклид, Архимед и другие великие умы Античности (Фролов, 2002; Грицкевич, 2004; Alexander, Alexander, 2008).

В Средние века, однако, в связи с утратой античной познавательной традиции, «учёный» характер такого рода собраний отошёл на задний план: вместо этого возобладали иные интересы и мотивы. Одни из собраний представляли собой некие «лавки чудес», где собирались и демонстрировались всяческие диковины Природы — «кунштюки» (Kunststücken); поэтому такие собрания стали обыкновенно называться «кунсткамерами». Другие служили преимущественно практическим целям: в них лекари собирали всевозможные образцы растений и животных для изготовления снадобий, т. е. фактически они были частью ранних «апотек». В позднее Средневековье при начавших формироваться крупных учебных центрах, особенно так или иначе связанных с медициной, предметы натуральной истории собирались и хранились в качестве наглядных пособий.

Существенные подвижки в начальном развитии современного музейного дела начались

в эпоху Возрождения. Благодаря открытию и освоению новых земель и их животного и растительного мира европейские собрания стали пополняться чуть ли не в массовом порядке до того неведомыми предметами. Это вызвало новый интерес к такого рода собраниям как познавательным средствам. А этот интерес, в свою очередь, возродил античный термин, теперь в латинском звучании, — «музей» (museum).

На рубеже Нового времени исторический тренд становления «естественной истории», как одного из ключевых разделов естествознания, привёл к превращению прежних «курьёзных» или утилитарных собраний в систематизированные музейные (в широком смысле) коллекции, особым образом собираемые, хранимые, исследуемые и демонстрируемые. Первые из них появились в XVI–XVII вв. при университетах в сев. Италии, Германии, Франции, Англии. В XVIII в. музеи естественной истории стали учреждаться и функционировать уже как самостоятельные научно-просветительные институции: одним из первых и наиболее крупных среди них был Британский музей (Boylan, 1999; Imrey, Macgregor, 2001; Панов, 2002; Юренева, 2003; Lourenço, 2003; Грицкевич, 2004; Alexander, Alexander, 2008; Сотникова, 2011).

* * *

По тому, как эти систематизированные собрания хранились и демонстрировались, их изначально делили на категории, каждая со своим обозначением; зачинателями тут были итальянцы (Alexander, Alexander, 2008). Если предметы естественной истории и/или искусств размещались вдоль коридора или анфилады комнат, это называлось галереей. Единственная комната, в которой были собраны такого рода предметы, обыкновенно называлась кабинетом: этот термин на какое-то время стал нарицательным для обозначения соответствующих собраний. Если основным назначением предметов была демонстрация на занятиях и лекциях, их собрание называлось театром (такowymi были прежде всего «анатомические театры»). Наконец, если предметов было много и они занимали несколько смежных комнат и тем более если под них отводилось отдельное здание, такое собрание называли собственно музеем.

По мере того, как коллекционное дело развивалось, а коллекции разрастались в объёме и занимали всё большие помещения, их всё реже называли «кабинетами» и всё чаще и с большим основанием — «музеями». Так к концу XVIII в.

в Европе и Сев. Америке, а несколько десятилетий спустя и в России, этот последний термин стал основным.

* * *

В Россию элементы науки и образования вместе с прочими явлениями европейской культуры (в широком смысле) стали активно внедряться в начале XVIII в. во время правления Императора (впрочем, тогда ещё царя) Петра I. С точки зрения основного предмета настоящей статьи особой заслугой самодержавного реформатора стало учреждение первой в России музейной институции естественноисторического профиля.

Собирать анатомические («натуральные») препараты Пётр начал ещё в «московский» период своего царствования, сохраняя их в Аптекарской канцелярии, где они находились под надзором императорского лейб-медика Р. Арескина (Эрскина) (Беляев, 1800; Станюкович, 1953). После перенесения столицы в Санктпетербург (тогда писали слитно) Пётр распорядился перевезти туда и всё своё личное «натуральное» собрание вместе с библиотекой. Присовокупив к ним купленные им же в Европе несколько частных коллекций анатомических, медицинских и иных препаратов, учёных книг и инструментов, а также коллекцию «натуралий» Аптекарской канцелярии, Пётр в 1714 г. учредил «Библиотеку с Куншт и Натурал Каморами» (в данном случае камора — комната с экспонатами; то же, что «кабинет» европейцев, см. выше); во главе неё был поставлен тот же Арескин (Беляев, 1800). Для всего этого собрания были отведены так называемые «Кикины палаты» (здание сохранилось до сих пор), в кои после оных поправления и приведения в надлежащее состояние предметы и были перевезены в 1718 г. Достоинно особливового упоминания, что эта музейная институция изначально была предназначена для просветительства: согласно специальному предписанию Петра, «поелику всё в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи». Несколько позже название институции сократили до принятой в Европе «Кунсткамеры»; в 1724 г. она была передана в ведение вновь учреждённой Академии наук, переехала в новое помещение на стрелке Васильевского острова и к началу XIX в. превратилась в крупное научно-просветительное учреждение. В таком «комплексном» виде Кунсткамера просуще-

ствовала до 1836 г., когда её согласно новому академическому Уставу разделили на несколько самостоятельных музейных заведений, её же историческая часть была сохранена как «Кабинет Петра Великого» (Станюкович, 1953; Вернадский, 1988; Кунсткамера..., 2014; Заключение..., 2014). Петровская Кунсткамера послужила родоначальником двух нынешних академических музеев в Санкт-Петербурге: один из них — Антропологии и этнографии (Кунсткамера..., 2016), другой — Зоологический (Слепкова, 2015, 2016).

Важной частью петровского замысла «европеизации» России стало введение светского образования на университетской основе. Как видно из предыдущего, к тому времени университеты уже существовали во многих крупных политических и историко-культурных центрах Европы — и вот пришёл черёд России. Разумеется, в ней и тут проявилась её «особенная статья»: если в Европе университеты первоначально формировались по большей части как некие вольные корпорации (Ridder-Symoens, 2003), то в самодержавной России, где всяческие такого рода инициативы «снизу» были почти что обречены на неудачу, они могли появиться только по высочайшему волеизъявлению.

Это, надо полагать, понимал достославный немецкий философ и естествоиспытатель Готфрид Лейбниц, который на протяжении 1710-х гг. выступал при Петре I негласным советником по делам науки и просвещения (Рождественский, 1902). Он представил своему высококордонному патрону несколько проектов о развитии в России европейских институций, результатом деятельности коих объявилось бы «общество учёных людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств и наук» (op. cit., с. 6). В таковых проектах, в частности, предлагалось начать с того, чтобы учредить особый орган высшей администрации — «Коллегию народного просвещения», или «Учёную коллегию», коей препоручалась бы роль «насаждения» в Российской империи европейских идеалов науки и просвещения.

По замыслу Лейбница, российская система университетского образования должна была выстраиваться по германскому образцу. Это касалось как общих принципов её организации и управления, так и внутреннего устройства самих университетов — факультетов, кафедр, при них учебных кабинетов и прочих «вспомогательных пособий» (Андреев, 2001). Сре-

ди последних, имеющих тесное касательство к нашему повествованию, обязаны были быть кабинеты натуральной истории. Но получилось так, что проекту Лейбница не суждено было воплотиться: названная Коллегия с разветвлённой системой подведомственных ей учебных учреждений в то время не была создана.

Вместо этого Пётр I затеял устройство иной «учёной институции» — Академии наук и при ней Университета с гимназией. Проект устройства Академии, разработанный Л. Блюментростом (до того был преемником Арескина в заведовании Петровской кунсткамерой, стал первым президентом Академии), Император утвердил особым Указом в конце 1724 г. Этот год ныне считается датой учреждения Российской академии наук, хотя официальное её открытие состоялось по особому Указу Императрицы Екатерины I 1-го января 1726 г. (т. е. в конце декабря 1725 г. по новому стилю) (Пекарский, 1870; Левшин, 1998).

«Академический» университет, в силу организационных и иных обстоятельств испытывая явный недостаток слушателей, просуществовал почти что номинально несколько десятков лет, так и не превратившись в полноценное образовательное учреждение высшего ранга. Его не спасло даже то, что в 1758 г. на заведование учебной частью Академии был официально поставлен М.В. Ломоносов. В 1760-е гг., после кончины последнего, этот Университет фактически прекратил своё бытие, так ни во что и не воплотившись: он остался в истории лишь как первая и при этом не вполне удачная попытка введения университетского образования в России (Лунин и др., 1999; Андреев, 2001; Петров, 2002).

* * *

Следующий (по очереди, но первый по значению) российский университет был учреждён в 1755 г. в Москве, на этот раз вне связи с Академией, Указом Императрицы Елизаветы на основании «Проекта об учреждении Московского университета» (Проект..., 2016). Утверждённый ею же в том же году «Устав Императорского московского университета и при нём гимназии» определил статус и задачи Университета, его структуру, порядок управления и обучения в нём (Пенчко, 1952; Андреев, 2001; Петров, 2002). Инициаторами создания Московского университета и авторами выше-названного Проекта были камергер И.И. Шувалов и академик М.В. Ломоносов; последний,

занимавшийся университетскими делами по долгу службы в Академии, стал автором административной структуры учреждаемого Университета (op. cit.).

Вышеозначенными Проектом и Уставом в Университете (§ 5) были определены три факультета: юридический, медицинский и философский; при них было назначено десять кафедр, каждая со своим профессором. При Медицинском факультете числились три кафедры: а) химии физической и особенно аптекарской, б) натуральной истории и в) анатомии. При этом предписывалось, что «доктор и профессор натуральной истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных». Нельзя не отметить, что § 6 этого же Проекта предусматривал, что «каждый профессор должен по крайней мере два часа в день... в университетском доме публично и не требуя за то от слушателей особой платы о своей науке лекции давать» — так в России в директивном порядке продолжило (см. выше о Кунсткамере) формироваться просветительство.

Вновь учреждённый Университет занял здание бывшей Главной аптеки (Аптекарский дом) у Воскресенских ворот на левом берегу Неглинки, построенное во второй половине XVII в. Проект по его переоборудованию для университетских нужд подготовил архитектор Д.В. Ухтомский (Шевырёв, 1855).

[Можно упомянуть, что после переезда Университета в новое здание (см. следующий раздел) Аптекарский дом заняло Городское правление; в конце XIX в. на его месте выстроили и поныне возвышающееся краснокирпичное здание Исторического музея.]

Из-за нехватки помещений для нужд Университета уже в 1756 г. на противоположном берегу Неглинки на углу улиц Моховой и Никитской (на её правой стороне) по ходатайству И.И. Шувалова была куплена городская усадьба князя Н.В. Репнина (Шевырёв, 1855; История..., 1955а; Белявский, Сорокин, 1970; Моховая..., 2015; Одолламская, 2016). Чтобы подчеркнуть новое назначение здания, его фронтон был украшен большими деревянными позолоченными фигурами муз — покровительниц наук и искусств. Первоначально в нём разместились университетские типография и книжная лавка, затем туда поселили казённых студентов и гимназистов, перенесли ряд аудиторий и классов (Шевырёв, 1855; Белявский, Сорокин, 1970; Одолламская, 2016). Эта небольшая начальная

экспансия стала «зародышем» всего будущего университетского комплекса на Моховой (см. следующий раздел).

* * *

Завершая краткий обзор предваряющих обстоятельств формирования музейного дела в России вообще и при Московском университете в частности, следует особо отметить, что важной и неотъемлемой частью петровского «проекта европеизации» было развитие отечественного меценатства (Боханов, 1989). Многие богатые вельможи, купцы и промышленники, ориентируясь на европейские образцы, стали почитать делом чести содействовать финансово и организационно развитию в России культуры, науки и просвещения — а тем самым и всех тех институций, которые являются их фактически носителями и распространителями. Понятно, что на первом месте всегда было увлечение культурой в её обыденном узком понимании, т. е. как совокупности разного рода «изящных искусств»; но и науку — точнее, в то время образование (без коего наука невозможна) — благодетельствующие меценаты не обходили своим вниманием.

И здесь, несколько забегаая вперёд, следует особо указать династию Демидовых — богатейших российских промышленников, сановников и дарителей, которые на протяжении четырёх поколений, начиная с середины XVIII и до конца XIX вв., регулярно жертвовали Московскому университету (и не только ему) свои фамильные накопления — от собраний предметов натуральной истории и книг до денег, тем самым служа примером другим богатым россиянам в благородном деле содействия развитию образования, науки и просвещения (Демидов, 1910; Ульянова, 2004).

Вторая половина XVIII века: начало

Сразу же после учреждения Московского университета при нём возникло первое же в России университетское собрание предметов натуральной истории.

Начало ему положила замечательная коллекция редкостей, которую один из основателей династии заводчиков и меценатов Демидовых, Акинфий Никитич, поехав в начале 1740-х гг. в Европу набираться основам «горного дела», купил у фрейбергского профессора И.Ф. Генкеля. Таким манером А.Н. Демидов первым в своём роду начал собирание «раритетов»; благодаря стараниям его самого и его сыновей, склонных к

постижению трёх царств Натуры, первоначальный «кабинет Генкеля» был многократно умножен минералами, засушенными и заспиртованными остатками животных и растений, а также книгами. Этот кабинет на протяжении второй половины 1750-х гг. усилиями сыновей и прямых наследников заводчика — братьями Прокофием, Григорием и Никитой — несколькими частями поступил в Московский университет.

Причина этого важного события в первоначальной истории нашего Музея совершенно понятна. Будучи увлечёнными натуралистами и просветителями (Григорий состоял в письменных сношениях с К. Линнеем и посылал ему редкие сибирские растения), братья вполне естественным для них образом — благодетельствованием наук и просвещения — не могли не откликнуться сразу же на знаменательное учреждение Московского университета.

Первым даром стала та третья часть «славного кабинета господина Генкеля», кою унаследовал младший из братьев, Н.А. Демидов, пожертвовавший её Университету в самый год его основания (Летопись..., 2016в). Этот дар, включавший главным образом минералы и раковины, был специально отмечен в «Санкт-Петербургских ведомостях». Наиболее примечательные предметы демидовского подношения были размещены в центральной части университетского здания в помещении только что открытой библиотеки. Последней заведовал известный словесник М.М. Херасков, по печению коего и была поручена выставленная напоказ коллекция.

Несколькими годами позже братья Демидовы печатно через те же «Санкт-Петербургские ведомости» объявили о своём намерении пожертвовать Университету всю оставшуюся часть своего семейного собрания предметов натуральной истории вкупе с книгами того же рода. Подводы с богатыми демидовскими дарами при содействии И.И. Шувалова (который некоторое время хранил их в своей усадьбе) в 1759 г. прибыли в Москву и поступили в распоряжение университетской профессуры (Демидов, 1910; Бурлыкина, 2015; Летопись..., 2016г).

Таким образом в 1759 г. образовался весьма известный в своё время Минералогический (иногда также Минеральный) кабинет, приписанный к Кафедре натуральной истории Московского университета и ставший первым в России университетским музейным (в современном понимании) собранием. Согласно «чис-

ловому инвентарию», представленному в «Родословной рода Демидовых», в нём значилось до 6 тыс. предметов (Демидов, 1910). Тогда же при Кабинете была заведена особая «Шнуровая книга» для записи предметов, хранящихся в университетском Кабинете. Впрочем, в том не было особой заслуги начальства Московского университета: такая форма учётной документации была обязательной для всех университетских музейных институций (Бурлыкина, 2001).

По-видимому, первоначальное название «Минералогический» сохранялось за этим Кабинетом недолго: в некоторых вполне официальных документах середины 1760-х гг. он обозначается уже как «Натуральный кабинет». Так, в направленном Екатерине II в 1765 г. от имени нескольких университетских профессоров «Мнении об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве» (Андреев, 2001) в числе «публичных при университете учреждениях» указывается «Натуральный кабинет, в котором всякие природные и чужестранные ископаемые вещи, четвероногие животные, птицы, рыбы, раковины и насекомые, или части оных, для изъяснения натуральной истории хранятся»; здесь же он упоминается и как «Императорский кабинет» (Ходецкий, 2004). Примечательно, что в этом же «Мнении...», в полном согласии с подспудно владеющей российскими умами «табелю о рангах», профессора, пекущиеся о приращении собраний Кабинета, пишут, что таковое «легко умножено быть может, если Её Императорское Величество всемилостивейше повелеть изволят, чтоб из всех в Российской Империи обретаемых натуральных вещей, которые ей присылаются, должно несколько и в университетский натуральный кабинет отдавано было» (ibid.).

Это всепокорнейшее обращение не прошло бесследно. В позже опубликованном описании «Кабинетов и других заведений» Московского университета специально отмечено, что «учебные его пособия обогащены дарованным Екатериною II Музеем и Минералогическим и Зоологическим кабинетами, доставшимися от Кн. Голицына и Графа Строганова» (Указатель..., 1826, с. 5). В частности, А.С. Строганов пожертвовал Университету свою примечательную коллекцию рыб и земноводных, позже неоднократно упоминавшуюся в разных источниках.

[Следует отметить, что помимо названного Кабинета при Императорском московском университете приблизительно в то же время

появилась ещё одна институция музейного образца. Речь идёт об Анатомическом театре при Кафедре анатомии Медицинского факультета: он был устроен для показа «строения тела человеческого». Этот Театр упомянут в том же § 5 университетского Проекта (откуда цитата), но учреждён был в 1765 г. (Летопись..., 2016д).]

Первым официальным (по должности) хранителем Кабинета стал профессор натуральной истории И.Х. Керштенс, приглашённый в Московский университет из Лейпцига в 1758 г. читать медицину, натуральную историю и физику (Шевырёв, 1855). Оный заведовал Кабинетом с момента его основания до 1770 г., при этом, однако, как пишет Г.Е. Щуровский (1855б, с. 408) со ссылкой на рапорт М.И. Афонина о приёме Минералогического кабинета, не слишком интересуясь им и даже не внося ни одной записи в «Шнуровую книгу», но оставив после себя собрание «в некотором беспорядке и без всякой описи, только общим счётом», да и то едва ли полным, присовокупив к сему весьма пространную объяснительную записку о причинах нерадения своего.

Преемником Керштенса в заведовании Кафедрой натуральной истории, а с ней и Кабинетом, в 1770 г. стал профессор М.И. Афонин. Он до того подготовил под руководством Линнея и защитил докторскую диссертацию по ботанике в Уппсальском университете, в Московском же университете профессорствовал в 1770–1777 гг., преподавая преимущественно зоологию и ботанику (Щуровский, 1855в). Афонин был заметной личностью в университетской деятельности и, как можно полагать, впервые навёл систематический порядок в вверенном его попечению Кабинете. Видимо, на этом основании М.И. Бурлыкина (2015) награждает Афонина званием «создателя Кафедры натуральной истории», коего он, однако, при всех его достоинствах, едва ли заслужил: названная Кафедра, как указано выше, была учреждена с первых же дней Московского университета. Впрочем, тут мы рискуем углубиться в достаточно бесплодные рассуждения о том, кого и почему надлежит почитать за «создателя», «учредителя» или «основателя» той или иной университетской институции...

Место Афонина в должности профессора университетской Кафедры натуральной истории, по уходу того в отставку в 1777 г., занял экстраординарный профессор И.А. Сибирский, по специализации физиолог. Заведовал, про-

чем, он недолго — до 1783 г., когда болезнь преждевременно свела его в могилу (Щуровский, 1855г).

С 1783 г. во главе названной Кафедры были поставлены молодые экстраординарные профессора Ф.К. Курика и Ф.Г. Политковский, прошедшие, как было в то время заведено, обучение в нескольких ведущих университетах Европы (Щуровский, 1855а). Этот «дуумвират» продлился совсем коротко — до 1785 г., когда в связи с неожиданной смертью Ф. Курики его коллега Политковский сделался полным единоличным заведующим Кафедры и Кабинета, читая студентам из зоологии, ботаники и минералогии. Примечательно в связи с этим отметить, что Политковский, излагая свои предметы на русском языке, вместо «натуральной» предпочитал говорить о «естественной» истории. Отчасти это нововведение прижилось не только в обиходной речи, но и в официальных документах: именно так в конце XVIII и на протяжении первой половины XIX вв. обычно обозначался наш Музей (впрочем, чаще как Кабинет).

* * *

К середине 1770-х гг. Аптекарский дом пришёл в ветхость, к тому же его помещений стало катастрофически не хватать для университетских нужд, на выделяемые же Университету скудные казённые деньги удавалось лишь призраивать флигели да прикупать близ расположенные домишки (История..., 1955а). В связи с этим Совет Университета в 1775 г. подготовил и подал в Правительствующий Сенат для представления Екатерине II особую записку «О недостатках и нуждах Московского университета» с просьбой «отвести для университета другое способное место, на котором бы расположить и совсем вновь построить для оногo дом [...] например, на Воробьёвых горах» (Вулисанова, 2002; Летопись..., 2016е). Этой просьбе не вняли; взамен Совету было предложено и далее осваивать территорию на углу Моховой и Никитской улиц, что было начато 10 лет назад (см. предыдущий раздел). Архитектор В.И. Баженов подготовил проект здания, предназначенного для возведения на месте подлежавшей сносу упоминавшейся усадьбы Репниных, но против него резко высказался П.А. Демидов, объявивший о своём намерении профинансировать обустройство Университета на новом месте (Белявский, Сорокин, 1970). По этой причине Совет Университета отказался от баженовского проекта, а вместо строительства были приобре-

тены и частью взяты в наём усадебные владения князей Барятинских и Волконских, некоторые другие городские усадьбы и участки на Моховой и за старым (ныне не существующим) Леонтьевским переулком. Однако очень скоро идея возведения нового здания Московского университета на Моховой была возрождена, его проект заказали архитектору М.Ф. Казакову, в 1786 г. по Указу Екатерины II для этого выделили нужные деньги, в том же году строительство было начато и в 1793 г. завершено (Шевырёв, 1855; История..., 1995а; Кириллов, 1997; Вулисанова, 2002; Сорокин, 2006; Моховая..., 2015; Летопись..., 2016ж; Одолламская, 2016).

Где именно в 1780-е гг. годы размещался Натуральный кабинет, по доступным мне источникам доподлинно установить не удалось. Возможно, отсутствие явных упоминаний о нём в сводах университетской истории того времени косвенно показывает, что Кабинет всё это время по-прежнему оставался в Аптекарском доме. Он (вместе с библиотекой) переехал в новый «казакский» корпус в 1791 г. незамедлительно после того, как была отстроена средняя часть здания (Летопись..., 2016з). Там для Кабинета было отведено специальное помещение, занимавшее часть галереи справа от Большой аудитории (т. е. по данному формальному признаку «кабинет» был обращён в «галерею», об этом см. предыдущий раздел). Сохранился ли архитектурный план этого помещения, доподлинно не известно; согласно словесному описанию предметы Кабинета в нём расположились так: «под хорами, по окнам, стояли большие белые со стёклами шкафы, а по середине галереи, вдоль, поставлены были столы, также белые и под стеклами. В шкафах размещались чучела, скелеты, спиртовые препараты животных, кораллы и проч.; в столах же были расположены большею частью раковины и несколько минералов, и притом столь редко, что этот излишний простор был очень заметен» (Щуровский, 1855а, с. 283; текст воспроизводит описание, сделанное в начале XIX в. тогдашним ректором Университета П.И. Страховым).

* * *

Последнее десятилетие XVIII в. для истории нашего Музея стало некоторой «зоной турбулентности»: разные (а порой и не очень разные) источники дают несогласную картину того, каким образом он назывался и кто в какое время его возглавлял. Поэтому наверное имеет смысл здесь несколько подробнее остановиться

на этом примечательном с исторической точки зрения отрезке.

Начать следует с того, что на официальном сайте «Летопись Московского университета» в обзоре событий за 1791 г. отмечено, что по инициативе профессора Политковского на базе коллекций Минералогического кабинета был основан Музей естественной истории (Летопись..., 2016з). В просмотренных мною публикациях на сей предмет, более близких по времени к рассматриваемому периоду, я не встретил прямого указания на таковое преобразование. Как представляется, поводом для подобной аттестации послужили два обстоятельства: во-первых, в указанном году свершился переезд Кабинета в новое университетское здание (см. выше) и, во-вторых, именно «Музеем естественной истории» называл университетское собрание в первые годы XIX в. его новый глава Г.И. Фишер (см. следующий раздел статьи). Видимо, на этом основании Политковский в его биографии назван «директором университетского Музея естественной истории» (Щуровский, 1855а, с. 282; курс. мой. — ИП). Такая аттестация университетских собраний многократно повторена в соответствующей историографической литературе (включая вышедшую за авторством сотрудников Зоомузея). Далее всех пошла М.И. Бурлыкина (2015), которая вообще все университетские собрания, представляющие три царства природы, объединила под общей шапкой «Музей естественной истории». Как бы там ни было, есть достаточные основания считать, что в указанный год Минералогический (он же Натуральный) кабинет был действительно и окончательно переименован в Кабинет естественной (естественной) истории, что едва ли случайно совпало с переездом его в новое помещение.

[Этот год, как указано в вводном разделе настоящей статьи, считается официальной датой «рождения» Зоологического музея МГУ. Примечательно, что его «брат-близнец» Геологический музей им. В.И. Вернадского, выросший из того же Минералогического кабинета, ведёт своё летоисчисление от 1755 г. (Зарождение..., 2016), когда самого Кабинета официально ещё не существовало (см. выше).]

В конце 1780-х гг. в развитии университетской естественной истории появляется весьма значительная фигура А.А. Антонского-Прокоповича (также нередко пишется как Прокопович-Антонский). Согласно его биографическому очерку (Шевырёв, Щуровский, 1855), он с

1787 г. преподавал естественную историю в университетском Вольном благородном пансионе и в 1791 г. был назначен его инспектором. В том же году Антонский возглавил только что учреждённую на Философском факультете Кафедру энциклопедии и натуральной истории, на которой преподавание этой дисциплины велось «без применения к медицинским наукам» (Шевырёв, 1855, с. 237).

Одновременно учёная судьба Антонского оказалась связанной с Кафедрой естественной истории и одноимённым Кабинетом на Медицинском факультете. Авторы биографического очерка о нём пишут, что в 1788 г. он «сделал описание Кабинету Естественной Истории и привёл его в систематический порядок» (Шевырёв, Щуровский, 1855, с. 13). А 1791 г. там же обозначен как год его «определения на новую кафедру» (op. cit., с. 16), под каковой подразумевается только что названная Кафедра «медицинского подчинения»: это видно из пояснения, согласно которому «по кафедре Естественной Истории предшественником Антонского был известный в Москве врач, Фёдор Герасимович Политковский» (Шевырёв, Щуровский, 1855, с. 16). Данный пассаж едва ли можно понимать иначе как то, что названная Кафедра (повидимому, вместе с её Кабинетом) в 1791 г. была отдана попечению Антонского.

Однако вот какая заковыка: в выше упомянутых биографических очерках о Политковском и Антонском указываемые факты, имеющие отношение к нашей истории, едва ли вполне совместимы. Про первого сказано, что он оставался ординарным профессором Кафедры естественной истории Медицинского факультета вплоть до 1802 г., а сверх этого ещё год руководил Кабинетом естественной истории, тогда как про Антонского — что он всё это время сохранял за собой Кафедру энциклопедии и натуральной истории на Философском факультете. В «Истории...» Шевырёва, там, где описывается деятельность университетских профессоров в конце 1780-х и начале 1790-х гг., в очерке Медицинского факультета упомянут Политковский, в очерке Философского факультета — Антонский.

Эта интрига усугубляется ещё одним обстоятельством. В 1785 г. Политковский в публичном собрании Университета представил «Речь о происхождении и пользе истории естественной», в которой подчёркивал значение линнеевской Системы природы, полагая её «ключом от свя-

тилища природы, и оною точкою, от которой все те начинать должны вести линию своего натурального учения, которые желают познать природу, её сокровища и её глубочайшие таинства» (цит. по: Вихман, Генералова, 2008, с. 23). Несколькими годами позже, а именно в «рубежном» 1791 г., на торжественном собрании Университета, посвящённом началу освоения его нового здания, уже Антонский произнёс «Слово о началах и успехах наук, и в особенности естественной истории». В ней он воспел хвалу «кабинетам естественной истории», полагая, что сии «сооружаемые хранилища существ, рассеянных по разным странам обитаемого нами шара [...] в наши просвещённые времена [...] наиболее споспешествуют [...] возвышению» естественных наук (цит. по: Прокопович-Антонский, 2010, с. 423).

Таким образом, статус этих двух университетских профессоров — Политковского и Антонского — в отношении Кафедры натуральной истории Медицинского факультета, к которой относился одноимённый Кабинет, в период, охватываемый 1790-ми гг., представляется не вполне ясным. Он требует более внимательного изучения архивных документов того времени, фиксирующих перемещения и назначения университетских профессоров.

В 1798 г. к Кабинету в звании смотрителя был приписан молодой адъюнкт И.А. Двигубский (Рулье, Спасский, 1855) — пожалуй, первый в истории Московского университета естествоиспытатель, занимавшийся зоологией и ботаникой не попутно, но сделавший эти дисциплины своей основной специализацией. Он опубликовал целый ряд значительных работ по названным дисциплинам, в том числе первое описание известных тогда животных Московской губернии под характерным названием «Fauna Mosquensis» — оно будет воспроизводится в аналогичных публикациях вплоть до начала XX в. При Кабинете натуральной истории Двигубский оставался в указанном качестве до 1803 г. — до того самого момента, когда в истории Московского университета произошли коренные перемены (см. следующий раздел).

Коллекции Кабинета на протяжении 1780-х и 1790-х гг. постоянно обогащались новыми поступлениями благодаря щедрым дарам меценатов и естествоиспытателей. Так, сыновья Прокофия Демидова преподнесли в дар Университету весьма значительный гербарий, который их отец собирал долгие годы; своим вниманием

это ботаническое собрание удостоил П. Паллас (Павлов и др., 1978; Сытин, 2014; Бурлыкина, 2015). Интересные и разнообразные материалы поступили от петербургского академика Э.Г. Лаксмана. Благодаря таким жертвованиям Кабинет довольно быстро стал превращаться из преимущественно минералогического в комплексный естественноисторический, в котором были представлены предметы всех трёх царств Природы — «ископаемых» (т. е. минералов и фоссилий), животных и растений.

В рассматриваемые времена Кабинет натуральной истории, как и весь Университет, служил преимущественно образовательным целям. Но вместе с тем в нём регулярно проводились публичные лекции («курсы») по естественной истории с демонстрацией музейных предметов. Для сего эти предметы один день в неделю были доступны для осмотра не только студентами, но и широкой публикой. Лекции с показом музейных материалов увлекательно читали опекавшие Кабинет Политковский и Антонский, оба прирождённые популяризаторы. Последнее обстоятельство отразилось, в частности, в издательской деятельности Антонского: он учредил в 1788 г. и недолго издавал первый в России периодический журнал по естествознанию «Магазин натуральной истории, физики и химии...», в котором для просвещения публики печатал статьи из французских энциклопедий в собственном переводе (Магазин..., 2002). Примечательно, что в первом выпуске своего «Магазина...» Антонский поместил статью «Естественная история» с изложением соображений по обустройству кабинетов натуральной истории (Шевырёв, Щуровский, 1855).

Читаемые университетскими профессорами и адъюнктами публичные лекции по естественной истории способствовали росту интереса к ней у публики. В этом проявлялась высокая миссия и специфика университетских кабинетов, которые изначально формировались как «открытые», в отличие от сугубо академических призванные не только обучать, но и просвещать народ (Бурлыкина, 2001).

Однако в отношении более узких дисциплин в «музейной» сфере университетской деятельности особого прогресса в то время не отмечалось. По этому поводу почти столетие спустя А.П. Богданов (об этом выдающемся деятеле будет рассказано далее) с горечью отмечал, имея в виду состояние европейского естествознания, что «университету не посчастливилось

относительно зоологии [...] До Фишера по естественной истории были образованные и трудолюбивые чиновники, но не специалисты, сделавшие её своею наукой» (Богданов, 1885, с. 12). Впрочем, в отношении Двигубского эта характеристика едва ли верна: его «Primitiae Faunae Mosquiensis...» (1802) и «Prodromus Faunae Rossicae» (1804) являют собой яркие образчики классической естественной истории того времени.

Первая половина XIX века: вызревание

Начало XIX в. ознаменовалось значительными событиями в истории России, кои были связаны с благородными устремлениями только что восшедшего на престол Императора Александра I. Побуждаемый своим либеральным окружением (организованным в знаменитый в своё время «Неофициальный комитет») к достаточно решительным реформам, он в 1802 г. особым Манифестом «Об учреждении министерств» среди прочих назначил Министерство народного просвещения (в первоначальном проекте — «образования»), поручив ему попечение над всеми учебными заведениями России, а также над Академией наук; к ведению этого Министерства были отнесены также «натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук быть могут» (Рождественский, 1902, с. 36). Названным Манифестом новоиспечённому Министерству предписывалась разработка уставов и правил подведомственных ему учреждений.

Начать живописание этого важного этапа в начальной истории нашего Музея следует с упоминания о том, что Императорский Манифест содержал, среди прочего, призыв к пожертвованиям на дело образования в России (Шевырёв, 1855). Не ограничившись одним лишь только призывом, Император личным примером решил подвигнуть своих состоятельных подданных на этом благородном поприще, удобным случаем к чему представилось приобретение и передача в дар Университету так называемого Семятичского кабинета.

Этот последний был одним из самых крупных и интересных частных собраний в натуральной истории, имевшим европейскую известность. Кабинет принадлежал именитым польским вельможным князьям Яблоновским и хранился в их родовом имении в местечке Семятичи (польск. Siemiatycze = Семятыче) — отсюда и название (Ананьев, 2009). В 1802 г. Импера-

тор Александр выкупил Кабинет у наследников незадолго до того упокоившейся княгини А.П. Яблоновской за огромную по тем временам сумму в 50 тысяч голландских гульденов и подарил его Московскому университету. Согласно описи, изложенной на 36 листах, коллекция состояла из следующих частей: 1) царство минералов, 2) царство растений, 3) царство животных, 4) древности. О значимости этого события свидетельствует тот факт, что в приобретении и доставке в Москву предметов, составлявших Семятичский кабинет, были задействованы: петербургский академик В.М. Севергин, виленский генерал-губернатор Л.Л. Беннигсен, старший куратор Московского университета М.М. Херасков и некоторые другие высокие чины (ор. cit.). Собрание Яблоновских привезли в Москву на 10 подводках под соответственной охраной и в сопровождении чучельного мастера Ришара, с тем поступившего на службу в Университет (Щуровский, 1855а). Как писали вскоре «Московские учёные ведомости», Император «чрез то находившееся прежде при Университете небольшое собрание некоторых минералов и нескольких банок с животными в спирте возвысил в число известных в Европе Музеев» (цит. по: Ананьев, 2009, с. 321).

Примеру монарха сразу же последовали другие жертвователи, одним из первых среди коих стал Павел Демидов — сын уже упоминавшегося Г.А. Демидова, высокообразованный натуралист (учился в Гёттингенском университете, затем слушал лекции у К. Линнея) и меценат. В том же 1802 г. (Летопись..., 2016и) или в 1803 г. (Бессуднова, 2005) он безвозмездно передал в университет своё весьма значительное личное собрание предметов естественной истории и артефактов, а также библиотеку, оценённые в совокупности в 250 тыс. руб. Зоологическая часть демидовской коллекции, впрочем, была не слишком большой: включала 15 чучел млекопитающих (среди них обезьяны, муравьед, дикая свинья), 115 чучел птиц (представители всех известных в то время отрядов и семейств), 30 рыб и пресмыкающихся (в том числе крокодил, рыба-меч, рыба-пила), по несколько тысяч раковин моллюсков, насекомых и кораллов. Вместе с этим собранием П.Г. Демидов пожертвовал в сохранный казну Университета 100 тыс. руб. с тем, чтобы «часть процентов с этой суммы употреблялась на содержание студентов, часть на отправление достойнейшего из них в иностранные университеты и часть на содержание

кафедры натуральной истории с поручением её иностранному профессору, пока эта важная часть наук дойдет у нас до большего совершенства» (цит. по: Шевырёв, 1855, с. 320). Это событие отражено во 2-м выпуске официально издаваемого университетского сборника «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» за 1803 г. (Летопись..., 2016и).

Особливое внимание преобразователей Российской империи к необходимости просвещения её подданных выразилось в том, что изданные в начале 1803 г. «Предварительные правила народного просвещения» прямо предписывали университетам чтение публичных лекций (курсов). На это немедленно откликнулись наши профессора — всё те же Политковский и Антонский, расширившие чтение лекций по естественной истории с показом музейных предметов, о чём свидетельствует 3-й выпуск только что упомянутого «Периодического сочинения...». В нём объявлялось о том, что для публичных лекций профессора натуральной истории Ф.Г. Политковского «открыт будет почтенной публике Семятичский натуральный кабинет, известный во всей Европе [...] Преподавание начнётся сентября 7 числа и будет продолжаться каждую неделю по тем же дням, кроме праздничных» (цит. по: Щуровский, 1855а, с. 282).

* * *

Поворотным в начале этого этапа нашей истории стал 1804 г., на протяжении которого Императорскими Указами были учреждены: «Предварительные правила для университета и подведомственных ему учреждений (народных училищ)», затем типовой «Устав университетов Российской империи» и наконец «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». Этими указами была определена система всего образовательного дела в России: были созданы учебные округа, определены система управления, структура и задачи учебных институций четырёх разрядов. Ключевое значение имела высочайше утверждённая типовая структура университетов, предусматривавшая, среди прочего, обязательное учреждение при каждом из них кафедры и кабинета натуральной истории (Петров, 2002). В этом общеуниверситетском Уставе просматривались всё те же основные признаки устройства университетов германского образца, кои с большим или меньшим успехом насаждались в России на протяжении XVIII в. (Рождественский, 1902).

Согласно учреждённому на этой основе Уставу Московского университета (Летопись-Устав..., 1804), в нём согласно § 24 были выделены четыре отделения (или факультета), среди них Отделение врачебных или медицинских наук с шестью кафедрами и Отделение физических и математических наук с восемью кафедрами (в общем списке), в том числе ботаники, «минералогии с сельским домоводством» и др. В добавление к этим кафедрам в § 25 особо оговаривалось, что «в отделении Физических и Математических наук, Университет будет иметь особенную кафедру Натуральной Истории, под названием Демидовской, с тем, чтобы на содержание оной употребляема была часть доходов с капитала, принесенного в пользу Московского Университета благотворителем наук Павлом Григорьевичем Демидовым».

Важно отметить, что в новом Уставе не упомянута Кафедра натуральной истории, ранее приписанная к Медицинскому факультету (см. предыдущий раздел). Можно полагать, по-видимому, что её преобразовали в новую Демидовскую кафедру в составе Физико-математического отделения, каковое подчинение (при изменённом статусе и названии Кафедры) будет сохраняться на протяжении всего XIX в.

Следует обратить внимание на то, что среди «учебных пособий и институтов», утверждённых новым Уставом «для распространения наук и просвещения» и имеющих отношение к нашему повествованию, указан (§ 76) только Кабинет естественной истории, который (§ 85) «состоит в ведении Профессора Естественной Истории». Демидовское же собрание, пожертвованное в Университет в 1802 г. и фактически положившее начало Демидовской кафедре, в Уставе не упомянуто вовсе. На основании того, каким образом университетское собрание предметов натуральной истории представлено в каталоге Г.И. Фишера (см. далее настоящий раздел), можно полагать, что «уставной» Кабинет естественной истории — ни что иное как ранее существовавший Натуральный (Минералогический) кабинет, теперь получивший иное название, тогда как коллекция П.Г. Демидова была неотъемлемой частью Демидовской кафедры натуральной истории и потому не требующей особо оговорённого статуса.

Новый университетский Устав отдалил от Кабинета естественной истории профессоров, опекавших его на протяжении последних десяти с лишком лет: ведь теперь он находился

в ведении профессора Демидовской кафедры, каковой, согласно одному из выше процитированных условий дарственной грамоты П.Г. Демидова, должен был быть непременно «иностранным». Ф.Г. Политковский, в 1803 г. перемещённый на Кафедру практической медицины, но вроде бы сохранивший (на один год) заведование названным Кабинетом, в новой структуре Университета возглавил Кафедру патологии, терапии и клиники (что более соответствовало его основной специализации как врача). А.А. Антонский-Прокопович, поскольку Философский факультет со всеми его подразделениями был упразднён, занял Кафедру минералогии и сельского домоводства. Наконец, И.А. Двигубского назначили профессором Кафедры технологии и наук. Достоинно особого упоминания, что две последние персоны в своей университетской карьере достигли знаменательной вершины — ректорской должности: проф. Антонский занимал её в 1819–1826 гг., проф. Двигубский — в 1826–1833 гг.

Для заполнения вакансии профессора Демидовской кафедры от имени Московского университета были разосланы приглашения в ведущие германские (как бы мы их сейчас назвали) университеты. Из откликнувшихся на предложение профессоров выбор пал на сравнительно молодого Иоганна Готтхельфа Фишера (Шевырёв, 1855). Это был уроженец саксонского города Вальдхайма (поэтому при возведении в потомственное русское дворянство к его фамилии был добавлен эпитет «фон Вальдгейм»), в русскоязычной среде известный под именем Григорий Иванович. Он обучался естественной истории в известнейшем Гёттингенском университете, по окончании коего некоторое время работал в Национальном музее естественной истории в Париже, составив его подробное двухтомное описание (Fischer, 1802–1803). Благодаря этому, а также достаточно тесному общению с выдающимися естествоиспытателями того времени — Александром фон Гумбольдтом, Жоржем Кювье, Этьеном Жоффруа де Сент-Илером, Жаном-Батистом де Ламарком — Фишер стал признанным в Европе знатоком естественной истории и музейного дела.

Эти обретенные в Европе знания и умения Г. Фишер в полной мере применил на новом поприще: университетские Демидовская кафедра и Кабинет естественной истории стали для него важнейшим делом следующих 20 лет жизни. Важно иметь в виду, что он знал цену

своим профессиональным достоинствам и той ответственности, которая на него возлагается новым назначением, и считал, что его новое начальство также должно осознавать и соответственным образом ценить это. Во всяком случае, ещё до прибытия в Россию оговаривая свои условия работы в Московском университете, Фишер сумел добиться у попечителя последнего М.Н. Муравьёва согласия на прибавку к годовому жалованию ординарного профессора (около 2000 руб.) ещё 500 руб. за исполнение обязанностей «директора демидовского музея» (Андреев, 2001).

Хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь, с лучшей стороны характеризующую Г.И. Фишера как полноценного музейщика. Уже освоившись на новом месте, он писал в 1805 г. в письме своему другу и коллеге, известному натуралисту Й. Блюменбаху: «мой главный принцип таков: тот, кто является хранителем огромной коллекции, тот не имеет права иметь собственную коллекцию» (цит. по: Соколов, Шишкин, 2005, с. 36). Годом позже он повторяет эту мысль: «руководимый преданностью к моим обязанностям, я убедил себя, что директор учреждения столь важного, как Московский музей, не должен делить своих трудов и забот между частною своею коллекцией и собраниями, предназначенными для общей пользы» (цит. по: Богданов, 1885, с. 18). Увы, этому «золотому правилу» следуют далеко не все музейщики — что современники Фишера, что нынешние...

* * *

Г.И. Фишер начал свою деятельность с того, что привёл вверенные его попечению коллекции в новый, привезённый из Европы порядок — согласно Естественной системе. Ибо, как полагал он вслед за своими европейскими учителями, натуральные коллекции, а равно и их описания должны быть «копией Натуры». Характеризуя свои хлопоты по приведению Кабинета (Музея) в надлежащий вид, Фишер подчёркивал, что «только будучи поставлены в соответствующем порядке, самые замечательные предметы могут сделаться действительно полезными, особенно если количество таких предметов [...] настолько велико, что их невозможно окинуть единым взглядом и удержать в памяти» (цит. по: Богданов, 1885, с. 18). Свои воззрения на общие задачи и принципы организации музейного дела он изложил в своего рода программной речи, произнесённой в июне 1805 г. по случаю 50-летия

Московского университета и названной «Об истинной цели кабинетов, состоящих из достопамятнейших предметов природы и о пользе их для народного просвещения»; эта речь была почти целиком опубликована в июльском выпуске «Московских ведомостей» (Бурлыкина, 2015).

На наведение надлежащего порядка и приведение коллекций в единую систему, почерпнутую главным образом из Музея естественной истории в Париже, Г.И. Фишеру понадобилось восемь месяцев; по всей очевидности, ему в этом помогал Ришар, упомянутый в вводном разделе первого тома изданного Фишером каталога Музея (о нём см. чуть ниже). В декабре 1805 г., что также было приурочено к университетскому юбилею, Кабинет открылся для студентов, которые допускались в его помещение по средам с 12 до 2 часов дня. В марте следующего года Фишер известил Совет Московского университета о полном завершении переустройства музейного собрания. Члены Совета, посетив после своего заседания Кабинет, нашли его в «весьма удовлетворительном состоянии» и постановили открыть в него доступ для публики по субботам от 11 до 2 часов дня.

Сразу после приведения в порядок всего университетского собрания предметов натуральной истории и относящейся к нему библиотеки Г.И. Фишер подготовил и в течение двух лет — 1806 и 1807 гг. — издал его первое систематическое описание. Этот каталог вышел в четырёх книгах и примечателен в нескольких отношениях: он позволяет представить, каким образом Фишер мыслил этот «Московский музей», а также оценить масштаб собрания.

Прежде всего, необходимо отметить, что для Фишера последнее заключало в себе два музея: один из них, неизменно называемый им «Императорским», восходит к Натуральному кабинету 1760-х гг.; второй музей — «Демидовский», в основе которого лежал дар П.Г. Демидова 1802 г. Это различие однозначно проявляется в названиях томов подготовленного Фишером каталога. Первый том титульно обозначен как «Muséum d'Histoire Naturelle de l'Université Impériale de Moscou», на его шмуцтитуле и в колонтитулах он значится как «Muséum Impérial d'Histoire Naturelle de Moscou»; первая глава этого тома называется «Histoire du Muséum Impérial d'Histoire Naturelle» (Fischer, 1806). В отличие от этого, посвящённые Демидовскому музею тома так и названы: «Muséum Demidoff»; его зоологическая часть отражена в третьем то-

ме каталога (Fischer, 1807). В своём послании-отчёте от 1806 г., адресованном уже упоминавшемуся ранее М.Н. Муравьеву, Фишер пишет, что он полагает «разместить [Императорский] музей так, чтобы от внимания публики не ускользнул знаменитый Демидовский музей, и вместе с тем представить его как естественное дополнение и продолжение уже существующих коллекций» (цит. по: Богданов, 1885, с. 17).

То, почему Фишер обозначает первый из описываемых им музеев как «Императорский», может быть понято из следующего. С одной стороны, ещё одно обозначение университетского Натурального кабинета, в самые первые десятилетия его существования, было — «Императорский кабинет» (см. предыдущий раздел). С другой стороны, хотя в вводном разделе 1-го тома своего каталога Фишер и отмечает самых первых дарителей — Демидовых, тем не менее основной акцент делает на Семятичском кабинете, особо отмечая, что тот был пожертвован Университету Императором Александром I (см. выше). Эту же мысль Фишер подчёркивает в только что упомянутом послании-отчёте от 1806 г., где он пишет про «музей, дарованный нашему университету Его Императорским Величеством», прямо называя последнего «основателем нашего музея» (цит. по: Богданов, 1885, с. 17).

Уместно также отметить, что Фишер с самого начала своей карьеры в Московском университете почти неизменно называл своё «ведомство» не Кабинетом, а именно Музеем. В этом несомненно отразилась его стажировка в Парижском музее, откуда он привёз не только знание и опыт, но и соответствующий «тезаурус». Под этим названием Музей фигурирует во многих университетских документах и изданиях (например, в ежегодных отчётах) первой половины и середины XIX в. Впрочем, в университетском уставе от 1835 г. он будет официально обозначен иным образом (см. далее).

Первый том сводного каталога обоих музеев Фишера начинается кратким очерком истории формирования университетского собрания вместе с планом и описанием его размещения на момент написания каталога. Русский перевод этого описания представлен в книге С.П. Шевырёва (1855), посвящённой 100-летию Московского университета. Согласно схематическому плану, университетское собрание предметов натуральной (естественной) истории занимало шесть смежных комнат, расположенных спра-

ва от Большой аудитории в центральной части университетского здания (по-видимому, там же, где они располагались при въезде в новое помещение в 1791 г., см. предыдущий раздел). Первая (центральная) из комнат, вход в которую вёл из аудитории, представляла собой большой зал, а прочие были примыкающими к нему небольшими помещениями. Центральный зал и первые два помещения занимали предметы Императорского музея, два следующих — предметы Демидовского музея, последний — пожертвованная П.Г. Демидовым библиотека. Расположение музейных предметов определённо отражало их «ведомственную» принадлежность: как видно из данного Фишером словесного описания, зоологические экспонаты одних и тех же систематических групп — высушенные насекомые, раковины моллюсков — были выставлены и в первой комнате (как часть Императорского музея), и в четвёртой (как часть Демидовского музея).

Как видно из этого плана, согласно приведённой в предыдущем разделе классификации, восходящей к итальянскому Возрождению, теперь это был уже действительно полноценный «музей» (пусть отчасти и составной), а не «кабинет» (как в Аптечном доме) и не «галерея» (как он был первоначально размещён в университетском корпусе). По объёму и значимости коллекций его вполне обоснованно приравнивали к европейским институциям аналогичного профиля (Шевырёв, 1855). Об этом, в частности, говорит тот факт, что краткая аннотация каталога Фишера сразу же появилась в лондонской «Литературной панораме», публикующей обзоры недавних важнейших экономических, политических, культурных и иных событий в Европе (Anon., 1807).

Всё это вместе взятое даёт мне право в дальнейшем тексте, где это более всего уместно, именовать всё университетское собрание, опекаемое Фишером, «музеем», а не «кабинетом», причём не деля его по «ведомствам».

Направляя свои организаторские способности и стремясь сделать Московский университет одним из центров естественной истории в России, Г.И. Фишер активно содействовал организации при нём Общества испытателей природы (с достаточно известной ныне аббревиатурой МОИП). Юридическим основанием для сего начинания послужил университетский Устав, § 11 которого провозглашал, что «к особливому достоинству Университета отнесётся

составление в недрах оного учёных обществ» (Летопись-Устав..., 1804). Названное Общество появилось на свет в 1805 г., а в 1807 г. получило звание «Императорского». Основной его целью определено было содействие изучению природных богатств и успехам естественных наук в России, при этом среди важнейших ближайших задач было изучение природы её центральных регионов, прежде всего Московской губернии (Липшиц, 1940; Варсанюфьева, 1955). В уставе Общества в § 7 было специально записано, что «все предметы, приобретаемые обществом, естественные ли то, или искусственные, а также все приготовления (препараты), делаемые членами для общества, будут храниться в Музее Естественной Истории Императорского Московского Университета» (цит. по: Богданов, 1885, с. 21). Благодаря этому ИМОИП на многие годы стало важным источником ценнейших коллекционных материалов для нашего Музея: об этом специально говорил Г.И. Фишер в своём выступлении на 25-летнем юбилее Общества (Fischer, 1832).

Российские меценаты в эти годы не оставляли своим благосклонным вниманием университетское собрание предметов натуральной истории (Шевырёв, 1855). В 1806 г. всё тот же П.Г. Демидов ещё раз пополнил названный в честь него Кабинет коллекцией, содержавшей несколько тысяч моллюсков и кораллов. Наиболее значительным стал дар княгини Е.Р. Дашковой, пожертвовавшей университету в 1807 г. свой собственный Кабинет натуральной истории. Это собрание, которое Дашкова накапливала три с лишком десятка лет, включало свыше 15 тысяч предметов «животных окаменелых, растений сухих, плодов, камней и руд, античных слепков», множество драгоценных камней и библиотеку. Всё пожертвование оценено было в 50 тыс. руб., для его размещения и показа отделили отдельный зал.

* * *

В 1812 г. развитие Музея было фактически отброшено к «нулевой точке» постигшей Россию бедой — наполеоновским нашествием. Через несколько дней после не слишком счастливой для российского оружия Бородинской битвы (26 августа), ввиду неминуемой сдачи Москвы неприятелю, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин отдал распоряжение об эвакуации университетского имущества. Но оно, увы, явно запоздало, подвод было выделено значительно меньше затребованного числа (все-

го 70 супротив 200), загружали их в большой спешке и лишь тем, что полагалось наиболее ценным, — университетской казной и архивом, особо примечательными предметами кабинетов и музеев, дорогой церковной утварью, приборами и хирургическими инструментами, библиотекой. В последний день августа обоз выехал из Москвы в сопровождении некоторых университетских профессоров, в том числе Г.И. Фишера: основная его часть направилась в Нижний Новгород, меньшая — во Владимир и некоторые другие города (Эйнгорн, 1912; Андреев, 1998; Бурлыкина, 2015).

Оставшаяся в Москве весьма значительная доля университетской коллекции натуральной истории была перенесена в университетские каменные подвалы и препоручена охране одного лишь смотрителя Ришара, уже упоминавшегося выше. Но почти всё это погибло 4 и 5 сентября в страшнейшем Московском пожаре, ставшем своего рода трагическим апофеозом всей военной кампании 1812 г. Адъютант П.М. Дружинин, вернувшись в город после позорного отступления незадачливых завоевателей, в своём отчёте ректору и попечителям Университета с горечью сообщал, что университетский «главный корпус сгорел весь до основания. От него остались только стены [...] как из библиотеки, так и из музея не спасено ни малейшей части» (цит. по: Эйнгорн, 1912, с. 43).

В середине 1813 г. особым предписанием министра просвещения графа А.К. Разумовского университетское имущество было возвращено в Москву (Эйнгорн, 1912; Андреев, 1998; Бурлыкина, 2015). Университет, а с ним и Музей естественной истории, стали возрождаться буквально из пепла.

Вернувшийся из Нижнего Новгорода Г.И. Фишер незамедлительно приступил к восстановлению своего разорённого хозяйства; ему посильно помогали многие радители о культуре и просвещении. Так, П.М. Дружинин через издаваемую им университетскую газету «Московские ведомости» в том же 1813 г. обратился ко всем «друзьям Московского университета» с просьбой помочь в восстановлении погибших в пожаре библиотеки и коллекций (Шевырёв, 1855).

Среди первых жертвователей опять оказался представитель семейства Демидовых: на этот раз свою коллекцию, включающую почти 3 тыс. музейных предметов — редких минералов, раковин, чучел животных и проч., в том же

1813 г. пожертвовал университету Н.Н. Демидов (Шевырёв, 1855; Демидов, 1910). В своём письме к А.К. Разумовскому, опубликованном в декабрьском номере «Московских ведомостей» от 1813 г., он писал: «Движимый [...] мыслию, что фамилия Демидовых всегда старалась содействовать пользам [...] Университета, я принял смелость предложить оному собрание разных произведений природы, которое [...] начато ещё отцом моим». В краткой описи щедрого дарения указано, что она «состоит из 14 шкафов, из коих шесть заключают в себе минералы, два разных рода раковины, столько же с полипами, один с животными в чучелах [...] и плодами редких растений. Сверх того мамонтов череп, китовая челюсть, значительной величины черепахи и др. редкие произведения Природы», всего на сумму 60 тыс. руб (цит. по: Шевырёв, 1855, с. 464; Липшиц, 1940, с. 127). В очерке Шевырёва, касающемся начального «послепожарного» восстановления Музея, перечислены, кроме того, следующие дарители: участник Бразильской экспедиции Г. Лангсдорфа — В. Фрейрейс (член ИМОИП) с коллекцией птиц и иных животных, Х.Х. Стевен с большой коллекцией насекомых с юга Малороссии (около 5 тыс. видов и вдвое больше экземпляров, см.: Богданов, 1885), А.К. Разумовский также с энтомологическим собранием, академик Х. Пандер, профессора Фишер и Двигубский, тобольский губернатор А.М. Тургенев; наконец, «купеческие дети В.С. и П.С. Алексеевы» купили у профессора Московского университета М.И. Адамса и передали коллекцию насекомых и растений, собранную тем во время путешествий по России.

Следует отметить, что активнейшую роль в восстановлении Музея естественной истории в первые послевоенные годы играло ИМОИП: все перечисленные и многие неназванные здесь дарители были действительными членами или членами-корреспондентами этого Общества (Липшиц, 1940). По сути оно служило своего рода ключевым посредником: жертвователи преподносили свои собрания Университету или самому Обществу, а уже последнее, согласно своему Уставу, передавало поступающие материалы в Музей.

В результате этих и иных поступлений, по свидетельству С.П. Шевырёва, к концу 1814 г. в возрождающемся Музее насчитывалось до 6 тыс. предметов — фактически столько же, сколько их было в Минералогическом кабинете Демидовых полувековой давности (см. пре-

дыдущий раздел). Они хранились в съёмном помещении близ сгоревшего университетского здания. Примечательно, что названный историограф Московского университета, характеризуя возрождающийся Музей, пишет о «возрастании его по трём царствам природы» — зоологическому, ботаническому и минералогическому (числа, впрочем, последнее за отдельным Кабинетом).

[Некоторая часть «допожарной» коллекции (по всей видимости, эвакуированная) всё же сохранилась. Так, отдельные «раритеты» самого начала XIX в. в своём мемуаре о А.П. Богданове упоминает Н. Зограф (1899). В 1980-е гг. в «старых коллекциях» Зоологического музея удалось отыскать раковины моллюсков из Демидовского кабинета и собрать их в единую мемориальную коллекцию «Демидовские раковины» (Иванов, Кантор, 1991). Наконец, в хранилищах Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН в 1997 г. было обнаружено небольшое число кораллов из того же Кабинета: они выставлены в зале этого Музея, предназначенном для показа исторических коллекций (Бессуднова, 2005).]

* * *

В 1818 г. прежнее здание Московского университета на Моховой было в основном восстановлено по проекту архитектора Д. Жилярди, в 1819 г. его торжественно открыли. В самом начале 1820-х гг. возрождённый Музей занял в его флигеле четыре зала, из коих два были отведены под экспонаты животных и ещё два — под «ископаемые» (минералы, фоссилии) (Указатель..., 1826). Таким образом, прежние «Императорский музей» и «Демидовский музей» фактически прекратили, недоброй волею судеб, своё раздельное существование, обратившись в действительно единый Музей естественной истории с двумя «кабинетами» — зоологическим и минералогическим; это будет отражено в последующих университетских отчётах (см. далее).

В 1822 г. Г.И. Фишер опубликовал (на учёной латыни, с вкраплением русских видовых названий) первый выпуск систематического каталога зоологических коллекций восстановленного Музея. Этот каталог назывался «Музей естественной истории Императорского московского университета», об отдельном «Демидовском музее» речи нет (Fischer, 1822). В каталоге указано без малого 10 тыс. экз. животных из самых разных типов и классов, не считая насеко-

мых: их перечень Фишер опубликовал вторым выпуском несколькими годами позже (Fischer, 1829). Три отдельных тома в 1824, 1827 и 1830 гг. вышло описание минералогической части Музея (Бурлыкина, 2015).

[Здесь следует сделать очередное небольшое отступление и обратить внимание на следующее. В изданном Фишером каталоге Музея отсутствует упоминание анатомических предметов, в том числе пожертвованной Университету в 1818 г. Александром I знаменитой анатомической коллекции, выкупленной им у университетского профессора Х. Лодера. Всё это означает, что Анатомический кабинет, как это явствует и из ежегодных университетских отчётов, с самого начала не был в составе «фишеровского» Музея естественной истории. Поэтому считать частью последнего названный Кабинет (Бурлыкина, 2015, с. 54) нет оснований.]

В середине 1820-х гг. был подготовлен и выпущен примечательный «Указатель Императорского московского университета», содержащий «описание Кабинетов и других заведений [...] с показанием всего достопримечательного в оных» (Указатель..., 1826). В доступном мне экземпляре этого «Указателя...» и в соответствующем годовом отчёте университета (Щепкин, 1827) его авторство не указано, но З.А. Бессуднова (2005) пишет, что он был составлен по поручению Г.И. Фишера сыном последнего А.Г. Фишером. В нём, кроме Музея естественной истории с двумя разделами — животных и минералов, значатся следующие «заведения»: Кабинеты физический и астрономический, химический, анатомический, технологический, врачебного веществословия, минц-кабинет, гербарий, ботанический сад (бывший Аптекарский огород на Мещанской), а также библиотеки. Почти все они без существенных изменений будут фигурировать в новом Уставе Московского университета, утверждённом в 1835 г. (см. далее).

Одним из наиболее интересных приобретений этого времени стала часть обширной зоологической коллекции, которую собирал в Бразилии на протяжении 1810-х и 1820-х гг. уже упоминавшийся российский посланник Г. Лангсдорф; как было отмечено выше, первая партия материалов от него поступила вскоре после начала «послепожарного» восстановления Музея. Следует упомянуть также собрание рано умершего российского естествоиспытателя и путешественника И. Эшшольца (в докумен-

тах той поры иногда упоминается как Эшголец, например, см.: Отчёт..., 1843). Он в качестве судебного врача участвовал в нескольких морских кругосветных походах, собрав большую коллекцию растений и животных. Значительная её часть, хранившаяся в Дерптском университете, погибла при пожаре, но кое-какие уцелевшие материалы при содействии ИМОИП в конце 1830-х гг. были приобретены у вдовы собирателя и попали в наш Музей, их перевёз сюда К. Рулье (Шевырёв, 1855). Общий объём его энтомологических коллекций, попавших в университетское собрание, составляет почти 20 тыс. экз. (Отчёт..., 1843).

* * *

В архивах Зоомузея хранится опись зоологической части Музея естественной истории, относящаяся к рассматриваемому периоду.

Данная опись фактически являет собой уже упоминавшуюся «Шнуровую книгу», её структура свидетельствует о том, что она — скорее систематический каталог коллекции, нежели её коллекционный поэкземплярный «инвентарий». Вся книга поделена на разделы, соответствующие основным систематическим группам позвоночных и беспозвоночных животных (без насекомых), последовательной или какой-либо иной нумерации музейных предметов нет. Сведения о сих предметах заключают только родовидовые биномены и количество экземпляров по каждому виду. Эти сведения представлены в двух форматах: для каждого таксономического раздела на соответствующих разворотах книги присутствуют а) вклеенные страницы из опубликованного в 1822 г. каталога и б) записи «от руки» об экспонатах, отсутствующих в опубликованном каталоге. При этом подавляющая часть записей выполнена одним человеком: возможно, это был уже упоминавшийся Ришар, имя которого фигурирует в университетских отчётах вплоть до середины 1830-х гг. (см. далее настоящий раздел).

Таким образом, можно полагать, что эта опись составлялась не последовательно по мере поступления новых коллекционных материалов. Скорее, заполнение данной «Шнуровой книги» (а другой в архивах, по-видимому, нет) представляло собой «разовую акцию», относящуюся, возможно, к последним годам служения Г.И. Фишера при Московском университете.

* * *

Побуждаемый деятельным характером к расширению сфер приложения своих талан-

тов, Г.И. Фишер, не оставляя университетской Демидовской кафедры, с 1817 г. приступил к преподаванию зоологии и некоторых других разделов естественной истории в Московской медико-хирургической академии. Она была утверждена в 1808 г. в качестве филиала Санкт-Петербургской академии и в то время размещалась в здании на Рождественке, построенном по проекту М.Ф. Казакова.

Вскоре после начала своего служения профессором при названной Академии Фишер организовал там Анатомический кабинет (Рулье, 1855). В отличие от университетского Анатомического театра, упомянутого выше, Фишер согласно своим научным интересам привлекал в новый Кабинет предметы не только медицинского, но и зоологического значения. Эта Академия затем станет частью Московского университета, названный Кабинет — частью университетского Зоологического кабинета (музея), а служившие при ней некоторые персоны сыграют важную роль в истории последнего (см. далее).

* * *

Одним из впечатляющих замыслов Г.И. Фишера была идея организации в Москве Отечественного музея естественной истории по образцу столичных европейских (таких как Парижский, Британский), который он попытался учредить в начале 1830-х гг.

[Надобно заметить в скобках, что вообще в те годы идея создания некоего Отечественного музея в России была весьма популярна, в чём немалую роль сыграл «европейский поход» русской армии, преследовавшей Наполеона; правда, обращена эта идея была главным образом на произведения искусства (Каулен, 2003).]

Ввиду определённых трений, возникших к этому времени между руководством Московского университета и Фишером, последний решил, что новому музею будет лучше вне университетских стен и что он должен составить единое целое с ИМОИП как важнейшим если не держателем, то собирателем коллекций в области зоологии, геологии и ботаники (Липшиц, 1940). При этом подразумевалось, что основную «материальную часть» предполагаемого музея должны составить собрания подведомственного Фишеру университетского Музеума, пополняемые в основном за счёт средств ИМОИП и с помощью его членов. Для осуществления этого замысла Фишер подготовил проект Устава будущего Отечественного музея и утвердил

его на заседании Правления ИМОИП в 1832 г. Для размещения нового Музея Фишер предложил использовать дом З.П. Зосимы, известного коллекционера и мецената, почётного члена многих научных обществ, в том числе ИМОИП, — «дачу, находящуюся в Пресненской части на Трёх горах» (на месте нынешнего дома № 5 по Нововаганьковскому переулку; см.: Менцин, Путря, 2013), пожертвованную по завещанию её владельца в 1827 г. Университету; Фишер же полагал, что именно Обществу, пребывавшему в оном до переезда в университетское здание на Моховой (Чайковский, 1997).

Все надлежащие документы от имени Правления ИМОИП были направлены в Министерство народного просвещения, откуда их спустили по «чиновным инстанциям» вплоть до Совета Московского университета. Тот дал на проект Фишера отрицательное заключение, настаивая на сохранении и Музеума, и Общества при Университете; с этим согласился попечитель Московского учебного округа С. М. Голицын. Среди оснований для отказа фигурировало и то, что Зосима завещал свою «дачу» Университету с вполне определённой целью — для обустройства в ней обсерватории, по каковой причине она не может служить пристанищем для Музея естественной истории; несколько лет спустя здание этой «дачи» действительно было оборудовано согласно пожеланию завещателя (Шевырёв, 1855; Ульянова, 2004; Менцин, Путря, 2013).

После этого отказа Фишер незамедлительно предпринял ещё одну попытку учредить свой новый музей, воспользовавшись на этот раз даром другого щедрого члена ИМОИП — отставного капитана А. Рюмина (возможно, это тот самый А.Г. Рюмин, о котором см. в: Коновалов, 2014), который специально для размещения и оборудования предполагаемого Музея пожертвовал Обществу принадлежавший ему дом на Смоленском рынке и некоторую сумму денег (Рулье, 1855; Липшиц, 1940). Однако начальствующие лица Московского учебного округа не позволили Фишеру воспользоваться этим обстоятельством, опять отказав ему и используя дом Рюмина под иные сугубо университетские нужды. Фишер попытался опротестовать это решение, подготовив письмо на имя С. М. Голицына, однако оно так и осталось неотправленным (Липшиц, 1940).

В знак протеста Г.И. Фишер фон Вальдгейм в том же 1832 г. подал в отставку с должности

профессора Демидовской кафедры и директора Музеума естественной истории. Так закончилась «эпоха Фишера» в первоначальной истории становления Зоологического музея Московского университета.

Покинув должность университетского профессора, Г.И. Фишер сосредоточился на деятельности президента ИМОИП и издании своей фундаментальной многотомной «Entomographia imperii rossici». На два года его преемником во главе Кафедры и Музея в Университете стал его сын — А.Г. Фишер фон Вальдгейм. Впрочем, недолгая деятельность последнего в качестве руководителя Демидовской кафедрой и Музеем естественной истории ничем особым не была отмечена.

* * *

В 1835 г. в устройстве российского высшего образования произошёл важный перелом — Указом Императора Николая I был утверждён новый Общий университетский устав, существенно ограничивший свободы и функции университетов. Следует отметить, что в числе этих ограничений оказалось явное понуждение университетам сосредоточиться на образовательном процессе («университет есть учебное заведение»), оставив «учёную разработку науки» Академии наук (Рождественский, 1902). Так в России было впервые официально установлено разделение общей системы научно-образовательной деятельности, пагубное как для одной, так и для другой её составляющих.

На основе этого Общего устава в том же году был принят новый Устав Московского университета (Общий устав..., 1835; Летопись-Устав..., 1835). Согласно общему предписанию, в нём (§ 11) в составе Физико-математического отделения восстановленного Философского факультета учреждалось несколько кафедр, среди которых — зоологии, минералогии с геологией, ботаники и др. (Общий устав..., 1835). В дополнение к кафедрам § 167 Устава определил так называемые «учебные и вспомогательные пособия и заведения», среди которых значились кабинеты — зоологический, минералогический, ботанический и др., а также анатомический и зоологический (зоотомический) театры. Хотя их факультетская и кафедральная принадлежность явно не была прописана, можно полагать, что они значились при одноимённых профильных кафедрах двух отделений — Физико-математического (зоология, минералогия, ботаника) и Медицинского (анатомия, зоотомия). Можно

упомануть, что единственным «вспомогательным заведением», официально именуемым «музей», в типовом Уставе оказался один лишь Музей изящных искусств и древностей. Всего же к концу 1850-х гг. при Московском университете значилось 14 различных «пособий и заведений» такого рода (История..., 1955а).

Как видно из предыдущего, новым университетским Уставом были фактически упразднены и единая Демидовская кафедра натуральной истории, и Музеум (Кабинет) естественной истории с представленными в нём предметами «трёх царств Природы». Их зоологический и минералогический разделы были обращены по «профильному» принципу в самостоятельные кафедры и приписанные к ним кабинеты. Казалось бы, Музею естественной истории, выпестованному Фишером в послевоенные годы, тем самым был положен конец — однако же этого не случилось. Во многих исторических свидетельствах того времени, касающихся Московского университета, в том числе в его ежегодных отчётах вплоть до начала 1860-х гг., предмет нашего повествования нередко обозначался именно этим традиционным названием, а только что упомянутые «профильные» кабинеты указывались как разделы этого Музея.

Такое несогласование между реальным (исторически сложившимся) статусом единого Музея естественной истории и официально утверждённым (согласно новому общеуниверситетскому уставу) статусом отдельных кабинетов как неких «вспомогательных заведений» при кафедрах заслуживает несколько более подробного освещения.

В отчёте о деятельности Московского университета в 1835 г. вся статистика хранимых предметов уже поделена по кабинетам и иным «вспомогательным заведениям». Среди занимающих нас институций такого рода числятся два Кабинета — минералогический (под началом Г.Е. Щуровского) и зоологический, при этом раздел с описью последнего начинается с указания того, что «Зоологический Кабинет составляет часть Музея Естественной истории, который состоит из следующих собраний: I. Животных и их частей, как живущих, так и ископаемых; II. Минералов [...] III. Искусственных изделий [...] V. Одежд разных народов» (Отчёт..., 1836, с. 25). И далее отмечается, что оный Музей «состоит под надзором директора орд. проф. Ловецкого» (ор. cit., с. 27). Достоин упоминания, что его помощником здесь указан

«Ф. Ришард» — вероятно, тот самый Ришар, который прибыл в Москву в начале XIX в. вместе с Семятическим кабинетом и был упомянут Г.И. Фишером в 1-м томе его каталога (1806 г.).

В нескольких последующих отчётах исследуемая нами институция значится как «Зоологический кабинет и Музеум естественной истории» (Отчёт..., 1837, 1839); затем ситуация несколько стабилизируется следующим образом. На протяжении 1840-х и 1850-х гг. Музей естественной истории значится в полных отчётах Московского университета, а Кабинеты зоологии и минералогии указываются как его подразделения (например, выборочно: Отчёт..., 1843, 1849, 1856, 1858). В кратких же отчётах в числе «учебных пособий», в полном согласии с официально утверждённой (уставной) структурой, названного Музея вовсе нет, а перечисляются и характеризуются только кабинеты (например, выборочно: Краткий отчёт..., 1841, 1847). Данное обстоятельство очевидным образом отражает постепенное размежевание зоологического и минералогического разделов Музея, которое усилилось при Рулье в 1850-е гг. и завершилось при Богданове в 1860-е гг.

* * *

Но вернёмся к текущим событиям середины и второй половины 1830-х гг., которые для нашего Музея оказались весьма значимыми.

В 1834 г. главой Кафедры (тогда ещё, т. е. до «николаевской реформы», — Демидовской) и Музея естественной истории вместо А.Г. Фишера, перешедшего на Кафедру ботаники, назначили только что упомянутого проф. А.Л. Ловецкого. Он начал служить под руководством Г.И. Фишера в Медико-хирургической академии, где читал зоологию и минералогию, а с 1828 г. также при Университете, помогая своему патрону и там, и там в налаживании музейного дела. В 1935 г. Ловецкий утверждён в должности профессора университетской Кафедры зоологии и заведующего Зоологическим кабинетом, на какой-то пребывал до своей преждевременной кончины в 1840 г. Вдобавок к этому в некоторых отчётах, как отмечено выше, он указывается как «надзирающий» над Музеем естественной истории; правда, официальный статус этого «надзора» не очень понятен, т. к. в университетских отчётах при Музее значатся только «хранитель» и «чучельщик» (например, Отчёт..., 1836, 1837).

В 1833 г. была начата и в 1837 г. завершена перестройка (архитектор Е.Д. Тюрин) город-

ской усадьбы Пашковых, приобретённой за год до того Николаем I для Университета — на той же Моховой, но по другую сторону Никитской улицы (Шевырёв, 1855; Кириллов, 1997). В этот корпус, названный Аудиторным, переместился Музей естественной истории: во флигеле, выходящем на Никитскую улицу, на втором этаже ему отвели одну большую залу с хорами, «где правую сторону занимают животные, левую минералы» (Шевырёв, 1855, с. 521–522). Тем самым, согласно выше упоминавшейся классификации музейных институций по характеру занимаемых ими помещений, наш Музей формально вновь обратился в «Кабинет». Примечательно, что для придания Музею большей функциональности в качестве публичного при входе в эту общую залу был вывешен указатель размещения в ней показных предметов (Отчёт..., 1839).

В том же 1837 г. Министерство народного просвещения, в развитие Общего университетского устава, предписало во всех музеях и кабинетах ввести должности хранителей, чтобы снять с профессоров обременительные заботы о коллекциях (Таран, 2005; Бурлыккина, 2015). Воспользовавшись этим, А.Л. Ловецкий взял себе в помощники молодого адъюнкта К.Ф. Рулье, который с 1836 г. служил в Медико-хирургической академии. По представлению Ловецкого его назначили хранителем Анатомического кабинета при Академии, а вскоре и Зоологического кабинета при Университете: последнее обстоятельство отражено в очередном ежегодном отчёте университета, где впервые появляется имя К. Рулье (Отчёт..., 1839).

Воспользовавшись переменами, связанными с освоением нового помещения, Ловецкий и Рулье ввели в организацию университетского Кабинета (Музея) новый принцип — разделили коллекции на большее по объёму «систематическое» и меньшее «отечественное» собрания (Отчёт..., 1839, 1843, 1849). Первое служило по преимуществу для учебных и просветительных целей, позволяя знакомить студентов и публику с разнообразием животного мира, второе отражало разнообразие животных в Российских пределах и предназначалось для их изучения.

Согласно этим отчётам, к началу карьеры Ловецкого в качестве профессора университетской натуральной истории зоологическая часть Музея содержала несколько более 24 тыс. экземпляров животных и их остатков (Отчёт...,

1836), к концу — более 41 тыс. экз. (Краткий отчёт..., 1841; Отчёт..., 1843).

* * *

С начала 1840-х гг. в судьбе университетской кафедры и кабинета зоологии, можно сказать, ключевую роль стали играть воспитанники Г.И. Фишера и отчасти А.Л. Ловецкого по Медико-хирургической академии. Этому способствовал перевод последней в 1840 г. в Министерство народного просвещения, сопровождаемый высочайшим предписанием министру С.С. Уварову «поставить Академию в ближайшую связь с Московским университетом» (Шевырёв, 1855, с. 497).

В том же 1840 г., в связи с кончиной Ловецкого, его фактическим преемником по университетской Кафедре зоологии стал выходец из названной Академии К. Рулье. Несмотря на молодость и отсутствие профессорского звания, он в начале 1840 г. по предложению Совета Университета стал читать лекции на указанной Кафедре. Тогда же, как записано в современной хронике Московского университета, его назначили «директором Музея натуральной истории» (Летопись..., 2016к); впрочем, это не вполне соотносится с действительным положением вещей (см. далее).

Не будучи профессором, Рулье не мог официально возглавлять названную Кафедру, на которую в 1842 г. назначили профессора Медико-хирургической академии И.Т. Глебова. В немалом числе современных источников указывается, что он был поставлен во главе Кафедры сравнительной анатомии и физиологии при Физико-математическом факультете. Вероятной причиной служит указание в биографии Глебова о его назначении «на Кафедру Сравнительной Анатомии и Физиологии в Физико-Математический и Зоологии в Медицинский факультеты» (Циммерман, 1855, с. 222). Однако, как отмечено выше, согласно Общему университетскому уставу от 1835 г. факультетская принадлежность названных кафедр была прямо противоположная (Общий..., 1835), так что в приведённой цитате содержится явная ошибка. Согласно этому и сообразуясь с «официальным» положением дел, наверное, следует считать, что ординарный профессор Глебов в указанном году был назначен на Кафедру зоологии всё-таки при Физико-математическом факультете. Что касательно его назначения на Медицинский факультет, я в этот вопрос здесь углубляться не буду; отмечу лишь, что при этом факультете в то время зна-

чилились раздельно кафедры анатомии и физиологии (Летопись..., 2016л); возможно, Глебов их соединил, когда был переведён в 1849 г. на названный факультет. В связи с этим новым назначением Глебов оставил Кафедру зоологии, на основании чего в 1850 г. её ординарным профессором был поставлен К. Рулье.

[В качестве очередного отступления и в продолжение начатого выше рассмотрения «границ» Музея естественной истории и особенно его зоологического раздела, хотелось бы отметить следующее. В конце 1840-х гг. произошла консолидация двух Минералогических кабинетов — «большого» и «малого» (учебного): оба значатся за указанным Музеем под началом проф. Щуровского (Отчёт..., 1849). При этом в результате некоторой перепланировки всего университетского комплекса зданий зоологическое и минералогическое собрания оказались разделёнными территориально. Зоологический кабинет остался во флигеле нового Аудиторного корпуса, «малый» Минералогический кабинет был перемещён в одно из центральных помещений последнего, а «большой» — в бельэтаж флигеля старого университетского корпуса (Щуровский, 1855а).

И.Т. Глебов в 1844 г., заведя Кафедрой зоологии, учредил Кабинет сравнительной анатомии и физиологии (Отчёт..., 1845); его судьба не вполне ясна. В ряде источников, включая летопись Московского университета за 1844 г., его числят при Физико-математическом факультете (Летопись..., 2016к1). В университетских отчётах 1840-х и 1850-х гг. самостоятельным «вспомогательным заведением» числится Анатомический кабинет, под который отведена часть помещения Анатомического театра в новом корпусе Университета. В этих отчётах его принадлежность прямо не указана, но отмечено, что в конце 1840-х гг. и позже этот Кабинет возглавляли по очереди профессора Л.С. Севрук и Н.А. Варнек, оба служащие при Кафедре анатомии Медицинского факультета (Отчёт..., 1849; Летопись..., 2016м). После Варнека руководителем Кабинета сравнительной анатомии был его ученик Я.А. Борзенков, также служивший профессором при только что указанной Кафедре (Летопись..., 2016м1). Таким образом, этот Анатомический кабинет, очевидно, относился к Медицинскому факультету, куда в 1949 г. перешёл И.Т. Глебов. Неясность заключается в соотношении не только двух только что названных кабинетов, но и их обоих с основанным

Г.И. Фишером Анатомическим кабинетом при Медико-хирургической академии (см. выше), которая в середине 1840-х гг. была объединена с университетским Медицинским факультетом. Возможно, что «глебовский» Кабинет сравнительной анатомии и физиологии был прямым преемником «фишеровского», при том, что отдельно существовал и Анатомический кабинет (оба они упомянуты в отчёте за 1844 г., см: Краткий отчёт..., 1844). Этот вопрос требует прояснения, т. к. он имеет видимое отношение к тому Музею сравнительной анатомии, который позже возглавляли М.А. Мензбир и А.Н. Северцов и который в 1930-е гг. был влит в наш Зоологический музей (см. один из следующих разделов), — а тем самым и к нашей истории.]

* * *

К. Рулье стал второй после Фишера весьма значимой фигурой в истории зоологической науки в России и особенно в Москве; впрочем, фигурой, не слишком любимой начальством. И то (значимость), и другое (нелюбовь) оказались возможными во многом благодаря его ярко выраженной самобытности (Богданов, 1885; Любарский, 2015).

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но молодого профессора, хотя и воспитанного в классических традициях Анатомического кабинета, не особо интересовали систематические описания животных, основанные на «мёртвых» коллекциях. Напротив того, Рулье более всего занимали связи живого организма с живой же средой, в которой он обитает (Богданов, 1885; Микулинский, 1979). Эти свои внутренние побуждения Рулье высказал достаточно горячо и определённо, вернувшись из обязательной научной стажировки в Европе, в раннем небольшом сочинении под характерным названием «Сомнения в зоологии как науке», изданном в 1841 г. В нём молодой естествоиспытатель, критикуя «фактологическую» часть принципа корреляций Кювье, отстаивал необходимость изучать «животное как нечто целое — полное животное, а не часть его» (цит. по: Рулье, 1954, с. 25), согласно чему надлежит рассматривать «животные тела в природе» вместо того, чтобы изучать «их в кабинетах по остаткам, шкуркам, чучелам и проч.» (op. cit., с. 24).

Благодаря таким мировоззренческим и научным наклонностям К. Рулье задал на вверенной ему Кафедре, а вместе с этим и почти во всей московской зоологии, в отличие от в то время доминировавшего систематического, эколого-

фаунистическое направление. Впрочем, в этом Рулье был едва ли оригинален: в европейском естествознании в середине XIX в. происходила заметная смена научных акцентов (сейчас бы сказали — «парадигм»). Та сухая систематизация и каталогизация, вершиной которой был К. Линней и в которой в России столь весомо преуспели наши Двигубский и Фишер, постепенно замещалась иными дисциплинами, связанными с изучением жизнедеятельности организмов и объединяемыми общим в то время понятием «физиология», — то, что на современном языке называется «экологией» (Sachs, 1906; Лункевич, 1960).

Согласно этому первейший интерес у Рулье-натуралиста вызывало всё то, что можно непосредственно наблюдать здесь, под боком, а не изучать по остаткам, привезённым откуда-то из-за морей. В упомянутом «Сомнении...» Рулье писал по этому поводу, что «украшать музей одними иностранными или красивыми экземплярами, значит унижать науку на степень её недостойную, делать из неё предмет любопытства и забавы» (Рулье, 1954, с. 11). И он убеждал своих коллег-соотечественников, что «естествоиспытатель, лишённый возможности приобретать новых [экзотических] животных, не лишён возможности делать полезные и важные наблюдения над животными своей фауны» (ор. cit., с. 27).

Поэтому Рулье придавал особое значение подробному изучению животного мира российских пределов, всячески приветствуя поступления в Музей сборов с территорий европейской России, Кавказа, Средней Азии, Сибири. Так, Г.С. Карелин, ученик известного натуралиста Э. Эверсмманна, по поручению и на средства ИМО-ИП много путешествовал по южным окраинам Российской империи для изучения их природы и местного населения и привозил интереснейшие зоологические и ботанические сборы из горных районов Алтая, Тарбагатая и Джунгарии (Липшиц, 1940). Часть своих научных материалов присылал финский натуралист А. Нордман, который в это время трудился на благо русского естествознания в причерноморской части Малороссии и описал оттуда много новых видов растений и животных. Весьма значимые в научном отношении материалы поступали в Музей от И.Н. Шатилова — известного русского агронома и лесовода, долгое время возглавлявшего Императорское московское общество сельского хозяйства (Перепёлкин, 1890).

Важнейшим пополнением Музея естественной истории в 1843 г. стала зоологическая и частью минералогическая коллекция Анатомического кабинета Московской медико-хирургической академии — а это было немалое собрание, включавшее более 16 тыс. предметов (Краткий отчёт..., 1844, 1846). Причиной было выше упомянутое «принудительное» сближение этой Академии с Университетом, которое завершилось в 1845 г. её окончательной ликвидацией и слиянием с Медицинским факультетом (Летопись..., 2016н).

Такие акцентированные и массивные поступления зоологических материалов способствовали тому, что Музей естественной истории при Рулье всё более превращался в Музей зоологии. Таковым он окончательно стал через полтора десятка лет при Богданове.

* * *

В те же начальные 1840-е гг. при Кафедре зоологии появляется фигура К.И. Ренара. Это был племянник Г.И. Фишера, переехавший по его приглашению из Германии в Россию в 1834 г. и поступивший на службу препаратором в Анатомическом кабинете Медико-хирургической академии (а также её библиотекарем). В таком же качестве Ренар вместе с Академией в 1842 г. перешёл в Университет.

Чтобы понять значение К. Ренара в истории нашего Музея, необходимо принять во внимание следующее. По-видимому, за К. Рулье, в качестве адъюнкта и затем профессора Кафедры зоологии, оставалось «введение» (как сказано в университетском Уставе) за одноимённым Кабинетом, а также за Музеем естественной истории. И всё же, радея о пополнении Музея разнообразными коллекционными материалами, Рулье не слишком интересовался хранительскими делами, основную заботу о музейном собрании зоологических предметов возложив на Ренара (Зограф, 1899). В 1847 г. Ренар уже официально числится в должности хранителя Кабинета зоологии (Отчёт..., 1849); возможно, он занял эту должность раньше — я не видел университетских отчётов за предшествующие несколько лет. Начиная с 1851 г. в этих отчётах он указывается также и как хранитель Музея естественной истории (напомню, что в официальном университетском Уставе этот музей не был указан) (Краткий отчёт..., 1851; Отчёт..., 1856, 1858). Наверное, по этой причине в Интернет-летописи Московского университета К. Ренар значится как «директор Музея натураль-

ной истории», причём либо с 1842, либо с 1858 гг. (Летопись..., 2016о,п). Первая дата соответствует приходу Ренара на университетскую Кафедру зоологии, вторая — кончине Рулье, после которой названная Кафедра осталась без профессорского надзора.

Заслуживает упоминания, что Ренар занимался не только университетскими музейными собраниями. Так, в годовом отчёте Московского университета за 1951 г. указано, что он «издал каталог насекомых Мочульского» (Краткий отчёт..., 1851, с. 14).

В архивах Зоомузея мне не удалось найти свидетельств того, каким образом проводился (и проводился ли вообще) учёт коллекций при Рулье и Ренаре. В университетских годовых отчётах того времени, в том числе полных, для собрания Зоологического кабинета данные о составе и новых поступлениях музейных предметов представлены по каждому из разделов его коллекций — отечественных, систематических и поступивших из Медико-хирургической академии (например, Отчёт..., 1849, 1856). В этих отчётах указывалось общее количество экземпляров и отдельные значимые экземпляры по основным систематическим группам (звери, птицы, гады, рыбы, разные таксоны беспозвоночных), а также по «ископаемым» (фоссилиям); кроме того, отмечались особо крупные дарения (ор. cit.).

К концу 1850-х гг. в Зоологическом кабинете насчитывалось уже более 65 тыс. экз. животных (Отчёт..., 1858, 1860).

* * *

Музей в эти годы продолжал исправно служить делу просвещения. Так, в университетском отчёте за 1856 г. отмечено, что его «Зоологический кабинет посетили более 3500 особ» (Отчёт... 1857, с. 55). Таким образом, суждение о том, что при Рулье наш Музей «был закрыт для публики» (Иксанова и др., 1991а, с. 210), можно относить лишь к первым годам его деятельности в качестве главы Кафедры зоологии.

Вторая половина XIX века: «эпоха Богданова»

В начале 1860-х гг. Российская империя в очередной раз встала на путь достаточно либеральных перемен, связываемых с деятельностью Императора Александра II. Они были призваны серьёзно смягчить давление государственно-административной системы, сложившейся за время царствования Николая I. Важной

их частью и в этот раз, подобно истории начала рассматриваемого столетия, стала реформа образования: в 1863 г. императорским Указом был утверждён новый Общий устав Императорских российских университетов. Он предназначался для университетов Петербурга, Москвы, Казани, Харькова и Киева и даровал им существенно более широкую свободу и самоуправление (впрочем, лишь в весьма малой степени приближающиеся к «германскому идеалу») (Волосникова, 2006).

Согласно принятому вслед за этим Уставом Московского университета (Летопись-Устав..., 1863), при Физико-математическом факультете была утверждена (§ 14) Кафедра зоологии с двумя отделениями — а) сравнительной анатомии и систематики животных, б) анатомии человека и физиологии животных. В числе уставно-утверждённых «учебных пособий, заведений и собраний» значились различные кабинеты (§ 121), из числа имеющих касательство к нашей истории указаны: минералогический, зоологический, зоотомический и некоторые другие. Следует особенно отметить, что упомянутый в предыдущем разделе «глебовский» Кабинет сравнительной анатомии и физиологии в списке этих «учреждений» не значится; но указан некий Музей физиологической анатомии с амфитеатром и рабочими комнатами. Многие из перечисленных «учреждений», согласно Уставу, обзавелись каждый своей лабораторией; в случае Зоологического кабинета она предназначалась, согласно Уставу, «для препарирования и набивания животных».

Как видно, этим Уставом, как и предыдущим (от 1835 г., см. выше), в Университете официально не был предусмотрен единый Музей естественной истории. Более того, в отличие от предыдущих лет, указание о нём перестало присутствовать в годовых университетских отчётах 1860-х гг. — не только в кратких, но и в полных (например, выборочно: Отчёт... 1863, 1866, 1868). В связи с этим здесь имеет смысл приостановиться и рассмотреть, несколько забегая вперёд в нашем повествовании, каким образом реально существующий Зоологический кабинет, как подразделение всё более «полумифического» Музея естественной истории, постепенно стал превращаться — сначала подспудно, а затем уже и явно — в самостоятельный Зоологический музей.

[Впервые это знаменательное для нашей истории словосочетание появляется несколько

раньше нового университетского Устава: так, в полном отчёте за 1858–1859 гг. стандартно указан Музей естественной истории с Зоологическим и Минералогическим кабинетами, но в конце отчёта по Зоологическому кабинету он упомянут уже как «Зоологический музей» (Отчёт..., 1860, с. 35). Уместно заметить, что это едва ли случайным образом совпадает с началом административной карьеры А.П. Богданова (о нём см. чуть ниже). На рубеже 1860–1870-х гг. в полных отчётах уже отсутствует какое-либо упоминание о Музее естественной истории; имеющий к нашей истории раздел озаглавлен «Зоологический кабинет», а начинается оный раздел так: «Зоологический музей к концу [цифры] года...» (например, выборочно: Отчёт..., 1867, с. 59; Отчёт..., 1872, с. 58; Отчёт..., 1874 г., с. 63; Отчёт и речь..., 1876 г., с. 72). Наконец, с 1877 г. и далее в университетских годовых отчётах фигурирует, в том числе титульно, только Зоологический музей (например, выборочно: Отчёт..., 1878, с. 61; Речь и отчёт..., 1884, с. 197.)]

* * *

Либеральные преобразования начала 1860-х гг. открыли молодым инициативным людям возможность не только задумывать, но и претворять в жизнь животворные идеи по новому устройству России, развитию её общественных институтов, науки, образования, просвещения.

Одним из таких людей стал А.П. Богданов, первые годы активной организационной, научно-преподавательской и просветительной деятельности которого счастливо совпали с началом реформ. Это был одарённый учёный, лектор, просветитель; вдобавок ко всему судьба наделила его особым организационным даром (Юровская, 2004; Любарский, 2015). По завершении университетского учения Богданов, как было заведено в те времена, прошёл обязательную двухгодичную стажировку в ведущих европейских музеях и лабораториях, живо интересовался тамошними зоосадами. Он вернулся из ознакомительных странствий исполненный новыми идеями о способах организации научной и просветительной работы в России вообще и в Московском университете в особенности, а равно и стремлением воплотить их в жизнь.

В 1858 г. А.П. Богданов защитил в Московском университете диссертацию на магистерское звание, был назначен читать лекции на Кафедру зоологии, опустевшую после кончины его учителя и покровителя К. Рулье, и «полу-

официально» (поскольку не был профессором) возглавил её. Отчасти повторилась история начала 1840-х гг., когда названную Кафедру на какое-то время также не вполне официально возглавил не имевший профессорского звания К. Рулье после кончины А.Л. Ловецкого (см. предыдущий раздел).

Этот выбор, возможно, стал несколько неожиданным: ведь в небольшой, но блестящей плеяде учеников Рулье, объединившей Н.А. Северцова, Я.А. Борзенкова, С.А. Усова и А.П. Богданова, последний был самым младшим; Северцов к тому же прежде него (в 1854 г.) защитил магистерскую диссертацию. И всё же назначение Богданова едва ли было случайным, если принять во внимание следующее. Северцова более всего влекли экспедиционные исследования, а не административная рутинная; Борзенков же и Усов к тому времени ещё не были «остепенёнными» и в этом отношении несомненно проигрывали своему более молодому коллеге в глазах университетского начальства. Понятно, что и умудрённый опытом К. Ренар, многолетний спутник Рулье, не имея не только магистерской степени, но даже соответствующего образования, не мог претендовать на заведование: за ним оставили должность хранителя Кабинета зоологии (Отчёт..., 1863).

В 1863 г. А.П. Богданов (по нынешним возрастным меркам «потянувший» бы лишь на «молодого учёного») получил профессорское звание и официально возглавил университетскую Кафедру зоологии с Кабинетом при ней. Так в истории московской зоологии, а с ней и университетского Зоологического музея, началась весьма плодотворная «эпоха Богданова», продлившаяся 30 с лишним лет.

* * *

Началу университетской карьеры А.П. Богданова предшествовала «чёрная полоса» в судьбе нашего Музея, по счастью довольно краткая и потому не оставившая особых последствий.

История эта такова.

Ближе к концу 1850-х гг. попечитель Московского учебного округа Е.П. Ковалевский задумал создать некий Публичный музей, соединив различные собрания Московского университета; отчасти это было запоздалым развитием идей 1820–1830-х гг. (в том числе Г.И. Фишера), о которых упоминалось в предыдущем разделе. Его преемник в указанной должности Н.В. Исаков в 1860 г. стал активно воплощать в жизнь эту задумку, дополненную

живейшим участием в деле спасения Румянцевского музеума: основанный в Санкт-Петербурге в 1828 г., к рассматриваемому времени он из-за безденежья влачил достаточно жалкое существование в составе Императорской публичной библиотеки (Пятидесятилетие..., 1913). Результатом деятельности Исакова стало утверждённое Комитетом министров в мае 1861 г. «Постановление о создании первого Публичного музея в Москве и вхождении в его состав Румянцевского Музеума Санкт-Петербурга», на основании чего в 1862 г. Император Александр II утвердил («в виде опыта на три года») «Положение о Московском Публичном музее и Румянцевском музее» (Отчёт по..., 1864; Пятидесятилетие..., 1913; Иванова, 2002). Под этот новый музейно-библиотечный комплекс отвели известный белокаменный дом Пашкова, возвышающийся на Ваганьковском холме против Троицкой башни Кремля.

Руководствуясь названным постановлением, Н.В. Исаков, под началом которого по служебному регламенту находился Московский университет, безо всяких проволочек распорядился перевезти в дом Пашкова предназначенные для новой институции коллекции нескольких университетских кабинетов, что и случилось осенью 1861 г. В организованные в Публичном музее отделы зоологии и минералогии было передано, соответственно, почти 67 тыс. и 25 тыс. предметов, их хранителями от Университета были назначены магистр зоологии А.П. Богданов и профессор геологии И.Б. Ауэрбах (Отчёт по..., 1864; Игнатович, 2000). В университетских отчётах за эти годы Зоологический кабинет (музей) указывался в двух «отделениях» — одно числилось за Московским университетом, другое за Публичным музеем, причём оба независимо пополнялись вновь поступающими коллекционными материалами (Отчёт..., 1863). Отчёт по названному Кабинету (обозначен как «Зоологический музей») за 1962 г. в последний раз был подписан К. Ренаром (op. cit.).

А.П. Богданов, с самого начала своей административной карьеры встревоженный возможными тяжёлыми последствиями начинания Н.В. Исакова для университетской зоологии, в том же 1861 г. стал предпринимать решительные шаги к возвращению отнятых у Университета зоологических коллекций из Публичного музея в стены *Alma mater*. Для осуществления этого он (по-видимому, совместно с Я.А. Борзенковым) в

указанном году представил на имя тогдашнего декана Физико-математического факультета Г.Е. Щуровского, весьма благосклонно относившегося к организационным начинаниям молодого учёного и администратора, докладную записку, где изложил свои идеи по поводу роли университетского Музея в обучении студентов и предложил пути его реорганизации. В этой записке Богданов писал: «главная цель Музеума состоит в том, чтобы служить необходимым пособием для чтения Зоологии, ибо без правильно устроенного Музеума невозможно вполне научное и соответствующее назначению Университета преподавание этой последней, и потому с усовершенствованием Музеума надо связывать и повышение уровня преподавания Зоологии» [Архив МГУ, Ф.241, О.1, Л.1].

Усилия А.П. Богданова вскоре принесли свои результаты — на протяжении 1864–1865 гг. зоологические коллекции были возвращены на своё «законное» место. После их приведения в надлежащее состояние Зоологический музей (пока ещё официально всё-таки «Кабинет») вновь получил возможность полноценно функционировать в качестве основы для преподавательской, научной и просветительной деятельности. В 1866 г. Музей открыли для публичных посещений по воскресным и праздничным дням (Отчёт..., 1866, 1867, 1868).

[В скобках хотелось бы отметить, что в таком акцентировании внимания на учебном значении Музея с некоторой долей вероятности можно предполагать влияние одной из основных идей «николаевской реформы» образовательной системы (см. предыдущий раздел), в контексте которой Богданов вырос и начинал свою карьеру. Однако это не помешало ему в дальнейшем всячески содействовать вовлечению музейных коллекций в исследовательскую работу и воспитывать своих учеников, которые все без исключения проходили «музейную школу», именно как учёных, а не просто (как бы их обозначили современные студенты) «тупых преподав». И, очевидно, совсем неслучайно в своего рода жизненном девизе Богданова, выбитом на его надгробии, обозначены три его великие любви — к России, к Университету, к Науке (Спасская, Павлинов, 2015).]

* * *

Сердцевиной всей бурной деятельности А.П. Богданова-администратора была специфическая «организационная технология», заключавшаяся в следующем (Любарский, 2015).

В начале «технологической цепочки» лежала, как правило, временная выставка, инициированная самим Богдановым. Для её организации он привлекал меценатов, организовывал экспедиционные и иные сборы с целью наполнения выставки показным материалом. Наконец, после завершения выставочной работы на основе остающихся после неё экспонатов он основывал постоянно действующие институции. Важное место в этой «технологии» была отведена обществам, которые организационными и финансовыми средствами содействовали воплощению замыслов Богданова.

Чтобы понять грандиозность сделанного А.П. Богдановым, благодаря его организационному гению, давайте просто перечислим все удавшиеся ему начинания (Юровская, 2004).

Начать следует с того, что он многократно развил учреждённый ещё при К. Рулье Комитет акклиматизации, превратив его в авторитетное Императорское русское общество акклиматизации животных и растений.

При Московском университете в 1863 г. Богданов, опираясь на его новый Устав, создал Общество любителей естествознания. Оно довольно быстро разрослось, расширило круг своих членов и проводимых ими исследований, получило общественное признание и в 1868 г. стало Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (его известная аббревиатура — ИОЛЕАЭ) с многочисленными отделениями, комиссия и комитетами. Общество это стало своеобразной «параллельной альтернативой» двум другим, более чем авторитетным и по стилю сугубо академическим, — уже упоминавшемуся ИМОИП и Императорскому русскому географическому обществу (ИРГО). Одна из ключевых задумок Богданова и других соучредителей Общества состояла в том, чтобы посредством членства в ИОЛЕАЭ привлечь к участию в научной и просветительной деятельности как профессионалов-учёных, так и любителей (отсюда и название), причём желательным не только интересующихся живой природой, но и располагающих финансовыми средствами для поддержания деятельности самого общества и учреждаемых им институций. На средства, поступающие от состоятельных членов ИОЛЕАЭ, с 1866 г. стали издавать многотомные «Известия...» — очень живое издание с довольно сложной структурой, в котором печатались научные статьи, отчёты о заседаниях, экспедициях и их коллекционных

сборах, планы поездок, мероприятий, дебаты по разным темам. В 1881 г. при Обществе было учреждено отделение зоологии, начавшее выпускать свои «Труды...» и «Дневник...» (Богданов А., 1888а; Богданов В., 1915). Это «Богдановское общество» в последней трети XIX в. значительно превзошло по продуктивности ИМОИП, которое к тому времени оказалось близко к исчерпанию своих организационных и финансовых возможностей (Липшиц, 1940). Однако в последующем «заочном соревновании» ИОЛЕАЭ и ИМОИП, длившемся столетия с лишком, победителем вышло всё-таки второе (см. следующий раздел).

[Пожалуй, здесь нелишне отметить, что в 1916 г. на основе «Дневника зоологического отделения...» был создан «Русский зоологический журнал», действующий по настоящее время. Таким образом, в 2016 г., когда Зоомузей отмечает 225-летие, это периодическое издание — теперь просто «Зоологический журнал» — встречает свой столетний юбилей (Любарский, 2016).]

Во многом благодаря финансовым и организационным возможностям ИОЛЕАЭ и усилиям самого Богданова были подготовлены и проведены первые в России грандиозные публичные научно-популярные выставки, пользовавшиеся огромным успехом, — несколько Акклиматизационных (в 1858, 1863 и 1878 гг.), Пчеловодческая и Этнографическая (обе в 1867 г.), Политехническая (1872 г.), Антропологическая (1879 г.).

На основе коллекций, демонстрируемых на этих выставках, в Москве появились постоянно действующие институции в основном публичного профиля. Первым из них стал Зоологический сад (1864 г.) — «живой музей на открытом воздухе», основа для работы Общества акклиматизации (Костина, 2015). Далее последовал Этнографический («Дашковский») музей (1867 г.), который вскоре стал подразделением уже упоминавшегося Румянцевского музеума. В ходе подготовки Политехнической выставки особым Указом Александра II был учреждён Музей прикладных знаний (1870 г.), в настоящее время известный как Политехнический музей (Морозова, 2015).

Важным достижением Богданова, отразившим его собственные научные интересы, стало учреждение в Московском университете кафедры антропологии и при ней одноимённого Кабинета. Разрешение на это было получено от Министерства народного просвещения в 1876 г.,

на их организацию значительную сумму тогда же пожертвовал российский предприниматель и меценат К.Ф. фон Мекк (Юровская, 2004). О планируемом открытии этого Музея и сборе для него коллекций объявлено было в университетском отчёте за 1877 г. (Отчёт..., 1878). Официальной же датой рождения Антропологического музея считается 1883 г., когда, по соглашению между Советом Университета и дирекцией основанного тогда же Исторического музея, в последнем для хранения антропологических и археологических коллекций был создан антропологический отдел, подчинённый Университету (Юровская, 2004; Балахонова, 2015). Вскоре, правда, согласно в очередной раз обновлённому типовому Уставу российских университетов от 1884 г., преподавание антропологии было исключено из системы высшего образования (Общий устав..., 1884), а вместе с этим при Московском университете оказалась упразднённой и соответствующая Кафедра (будет восстановлена в 1919 г.), но Антропологический кабинет сохранился (Отчёт..., 1885).

* * *

Все эти важные и разносторонние дела, занимавшие внимание А.П. Богданова, не вытеснили на задний план его заботы о Зоологическом музее, которому он отводил особую роль в университетском преподавании зоологии.

Сразу после официального и окончательно назначения профессором Кафедры зоологии А.П. Богданов провёл в своём небольшом ведомстве некоторую «административную реформу». По его настоянию, изложенному в выше упомянутой записке, Музей (Кабинет) зоологии перешёл в его прямое подчинение и стал фактически частью Кафедры. Это позволило Богданову учредить особое «штатное разделение» между двумя взаимосвязанными структурами. Теперь при Кафедре числились профессора и доценты (прежде называвшиеся адъюнктами), при Музее, кроме хранителя коллекций, — ассистенты, оставленные для подготовки диссертаций.

Такое тесное единение Кафедры и Музея позволило устранить некоторые недостатки прежнего «двоевластия», когда первой заведовал Рулье, а вторым фактически Ренар. В частности, стало возможным наладить полноценное научное курирование коллекций, в том числе правильное определение музейных экспонатов, а также обеспечить надлежащее их использование в качестве учебных пособий (Тихомиров, 1897).

В 1863 г. университетский Совет, по представлению А.П. Богданова, назначил хранителем Зоомузея (взамен К. Ренара, занявшего должность хранителя Этнографического кабинета в Публичном музее, см.: Отчёт по..., 1862) его молодого ученика Н.К. Зенгера, пребывавшего в этой должности до своей безвременной кончины в 1877 г. (Богданов, 1888б). Затем хранителями музейных коллекций последовательно служили другие богдановские ученики — Н.Ю. Зограф (1877–1889 гг.), Н.М. Кулагин (1889–1894 гг.), А.Н. Корчагин (1895–1897 гг.), им помогали приписанные к Музею ассистенты Ф.Ф. Каврайский, Н.В. Насонов, А.А. Тихомиров, Г.А. Кожевников, некоторые другие (сведения почерпнуты из годовых отчётов Московского университета за указанные годы).

Пользуясь некоторыми открывшимися возможностями, А.П. Богданов в 1864 г. частично реорганизовал помещения Кафедры и Музея. Он обустроил лекционную аудиторию, смог добавить помещений для более сохранного и удобного размещения коллекций, выделил также особую комнату для лаборатории.

Важной частью наведения должного порядка в зоологическом собрании после возвращения его большей и чуть ли не утраченной части в Университет из Публичного музея стало его деление согласно основному назначению коллекций. Восприняв эту общую идею от Ловецкого и Рулье, А.П. Богданов ввёл иной способ структуризации: вместо выделенных теми «систематического» и «отечественного» разделов, к которым со временем добавилось некое отдельное существование коллекций Медико-хирургической академии (см. предыдущий раздел), он в 1865 г. разделил все коллекции Зоомузея на научную (систематическую), показную (экспозиционную) и учебную (лекционную) части. По этому поводу, например, в университетском отчёте за 1875 г. специально отмечено, что «согласно решению Совета [Университета] из дублетов, собранных профессором Богдановым, составлена особенная коллекция, предназначенная для практических занятий» (Отчёт..., 1876, с. 70). Это разделение соответствовало разному участию Кафедры и Музея в учебном процессе: за первой числилось чтение лекций профессорами и доцентами, за вторым — практические работы со студентами, которые проводили главным образом ассистенты.

В научную часть коллекций Зоомузея включались только систематически определённые

материалы, а также «особенно замечательные по своему происхождению» (Речь..., 1884, с. 199). Для вновь поступающих и ещё не разобраных коллекций было выделено отдельное пространство. Учебная коллекция была перемещена в особое помещение, удобное для занятий со студентами (op. cit.).

* * *

Одновременно с обновлением структуры коллекционного фонда возобновлена систематическая работа по учёту музейных фондов (о том, как она проводилась при Рулье и Ренаре, достоверных сведений нет, см. предыдущий раздел).

В 1864 г. была начата новая единая «Шнуровая книга», которая содержала коллекционные описи, а также сведения по бухгалтерскому учёту Музея. В самом её начале помещено нечто вроде «оглавления»: указаны разделы книги и соответствующие им страницы. На последней странице книгу при её введении в действие завизировало руководство Университета (ректор и секретарь Совета), с указанием общего количества листов в ней — 874.

Эта «Шнуровая книга» в своей систематической части была организована наподобие «фишеровской» (см. предыдущий раздел): в ней были выделены разделы для основных групп позвоночных животных — млекопитающих, птиц, «гадов», рыб; для беспозвоночных выделены свои разделы (гельминты, моллюски, пауки, ракообразные и др.). Каждой такой группе была присвоена условная литера, указанная в начале соответствующего раздела книги. В пределах каждой выделенной «литерной» группы порядковая нумерация коллекционных предметов проводилась независимо («параллельно»). Каждому экземпляру (единице хранения) отныне присваивался порядковый номер, который заносился в книгу и одновременно на музейную этикетку и (при возможности) на экземпляр, с указанием соответствующей литеры. Все записи, сделанные в прежней «Шнуровой книге» 1820-х гг., были аккуратно перенесены во вновь заведённую согласно принадлежности к определённой «литерной» группе и соответственным образом пронумерованы. Эти «перенесённые» записи, судя по почерку, были сделаны Н.К. Зенгером, который в те годы служил хранителем Музея.

В дальнейшем «Шнуровая книга» заполнялась постепенно по мере поступления новых материалов; судя по некоторым годовым от-

чётам, в них, по-видимому, регистрировались только материалы, относящиеся к систематической (научной) коллекции и прошедшие полную «музеефикацию», т. е. отпрепарированные и снабжённые этикеткой с видовым определением (например, Речь и отчёт..., 1887). При этом по чисто техническим причинам в книге стала складываться «эстафетная» система записей: например, начальный раздел по млекопитающим занимает стр. 450–469, следующий — стр. 662–721; раздел по птицам — стр. 470–551 и 726–752; по рептилиям и амфибиям — 588–600 и 800–802.

Следует отметить, что данная книга, в отличие от «фишеровской», содержала и некоторые (очень скудные) сведения по энтомологическому собранию. Этот раздел был обозначен как «Систематическое собрание насекомых», включал описи (без нумерации экземпляров) *Hymenoptera phytophaga* и *Orthoptera*.

В конце «Шнуровой книги» ежегодно приводилась общая статистика по поступлениям новых коллекций, которая подавалась в университетские годовые отчёты: первая такая запись была сделана в 1865 г., последняя — в 1877 г.

Эта книга функционировала и как «Книга поступлений»: в неё записывались новые поступления коллекционных материалов. Например, на стр. 603–605 указана «коллекция микропрепаратов от проф. Лейкарта», приобретённая А.П. Богдановым в 1868 г.; на стр. 648 — партия американских рыб, поступивших из Музея сравнительной зоологии Гарвардского университета в 1876 г.

Наконец, она служила, как было отмечено, в качестве бухгалтерской: в ней указывались приобретения мебели, инструментов и прочих «материальных ценностей».

В 1864 г. в Зоомузее была заведена специальная «Дежурная книга», которая сначала велась просто как некий «дневник», а в 1865 г. приобрела официальный формат. В ней ежедневно фиксировалось всё, что происходит в стенах Музея: кто и в какие часы из сотрудников присутствовал, какие работы проводились, кто из студентов занимался с коллекциями, кто был в Музее из посторонних, что и от кого в Музей поступило. Книгу заполняли специально назначаемые дежурные ассистенты, ежедневные записи заверял сам Богданов. Забегая вперёд, следует отметить, что и после Богданова дежурства по Музею сохранились, причём имена дежурных указывались в годовых университет-

ских отчётах (например, Речь..., 1901); однако «Дежурную книгу» уже, по-видимому, не вели (во всяком случае, в архивах Зоомузея соответствующих томов нет).

* * *

В поддержании нормальной деятельности Зоологического музея до конца 1890-х гг. особую роль играло ИОЛЕАЭ (Богданов, 1888а; Тихомиров, 1898). В § 2 его Устава было записано, что «предмет занятий Общества составляет: а) собирание естественных предметов и произведений в губерниях Московского Учебного Округа и составление систематической коллекции оных при зоологическом и минералогическом музеях Московского Университета [...] с) приобретение коллекций животных и минералов, не достающих в систематических собраниях музеев и важных в научном отношении» (Устав..., 1866). Выделяемых Университетом денег Музею (всего 600 руб. в год) было совершенно недостаточно, поэтому он жил главным образом на средства названного Общества. Через ИОЛЕАЭ собрание Зоомузея пополнялось ценными коллекциями, поступавшими как от финансируемых Обществом экспедиций, так и от пожертвований его членов; на средства Общества пополнялась музейная библиотека; наконец, Общество выделяло средства на поездки сотрудников Музея в Европу, а также для поддержки талантливых студентов. «Дневник зоологического отделения Общества» в некоторых случаях выступал в качестве издания трудов Музея, официально называясь «Дневник зоологического отделения [...] и Зоологического музея» (например, см.: Щелкановцев, 1897).

В части коллекционной ИОЛЕАЭ во многом потеснил ИМОИП, который до того был одним из ключевых «поставщиков» научных материалов для Музея. По-видимому, дарения от ИОЛЕАЭ имели некий частично автономный статус: так, в одном из университетских годовых отчётов того времени отмечено, что «краниологическая коллекция Императорского Общества Любителей Естествознания, помещающаяся в Зоологическом музее, получила приращения...» — и далее идёт перечень «приращений» (Отчёт..., 1871, с. 81).

Тесная связь между Зоомузеем и ИОЛЕАЭ проявлялась и в том, что в работе по наведению порядка в систематических коллекциях Музея самое активное участие принимали члены зоологического отделения Общества. Для их поощрения была даже учреждена особая медаль

«за труды по научному описанию коллекций Зоологического музея» (Богданов, 1888а, с. 64). Особой заботой стало приведение в порядок значительно разросшегося энтомологического собрания, для чего при Обществе учредили специальную Энтомологическую комиссию под председательством А.П. Федченко. Причина была в том, что ранее поступавшие коллекции от различных жертвователей (Разумовский, Стевен, Фишер, Эшшольц и многие другие) хранились как некие «отдельности». С конца 1860-х гг. началось приведение этого разношёрстного собрания в единый систематический порядок, чем в основном занимался хранитель Зоомузея Н.К. Зенгер (Богданов, 1888а).

* * *

«Эпоха Богданова» в жизни Зоологического музея отмечена активной экспедиционной деятельностью как важного источника пополнения его коллекций. Причём, следуя заветам К. Рудье, особый акцент был первоначально сделан на полноценном представлении в Музее именно отечественной фауны. Таковой, собственно говоря, была ключевая задача ИОЛЕАЭ: § 1 его Устава гласил, что Общество создаётся «для изучения губерний Московского Учебного Округа в естественно-историческом отношении» (Устав..., 1866). Об этом в своей вступительной речи на первом годовом заседании ИОЛЕАЭ в 1867 г. говорил его президент Г.Е. Щуровский, желавший, чтобы «зоологический музей был по преимуществу богат русскими естественными предметами». В связи с этим он подчёркивал, что «экспедиции составляют коренную потребность нашего Общества. В них архимедов рычаг для движения русской науки» (цит. по: Богданов, 1888а, с. 5). Ему вторил А.П. Богданов, полагавший, что «такое направление, при котором музей будет [...] преимущественно русским по своему содержанию, — единственно возможное, и потому это направление положено в основание всего дальнейшего развития музея» (ор. cit., с. 9). Позже, а именно в 1889 г., с этой целью при Зоологическом отделении ИОЛЕАЭ была учреждена специальная Комиссия для исследования фауны Московской губернии.

[Пользуясь случаем, хотелось бы отметить, что в рассматриваемое время к сбору научных зоологических коллекций в России отношение было достаточно серьёзное; в частности, в академическом Зоологическом музее в Санкт-Петербурге научному коллектированию был придан особый «государственный» статус. Об

этом вспоминает Н.В. Тимофеев-Рессовский (2008, с. 39): сборщикам и поставщикам коллекций выдавалось официальное именное удостоверение за подписью президента Академии наук, в котором было записано: «Податель сего является препаратором и сборщиком материала Зоологического музея Императорской Российской Академии наук». Оно давало «подателю сего» право круглогодичной научной охоты в пределах всей Российской империи, а местным властям предлагалось оказывать ему всяческое содействие.]

Первыми полевыми работами, согласно намеченной ИОЛЕАЭ программе, стали энтомологические и гидробиологические исследования в центральном регионе России (А.П. Федченко, Н.К. Зенгер). Сам А.П. Богданов, увлечённый антропологическими и этнографическими исследованиями, организовал раскопки древнеславянских курганов в европейской части России, в чём ему активнейшим образом помогал археолог-любитель Н.Г. Керцелли. Добытые ими материалы сначала хранились в помещении Зоологического музея, в 1883–1884 гг. были перенесены во вновь выстроенное здание Исторического музея (Речь..., 1884), а затем составили первоначальную основу коллекции университетского Кабинета антропологии (Ефимова, 2015).

Разумеется, само ИОЛЕАЭ с самого начала постоянно нарушало первый параграф своего Устава, организуя значительно более дальние экспедиционные исследования (Богданов, 1888а). В их числе были, например, осуществлённые на средства Общества работы по сбору разнообразной фауны в морях — Балтийском (Н.К. Зенгер), Чёрном (В.Н. Ульянин), Белом и на Северной Земле (Н.Ю. Зограф, А.И. Кронберг), на островах Эгейского моря (Н.Ю. Зограф); активно исследовалась фауна в окрестностях Байкала (местный член Общества М.П. Пуцилло), Кавказа (Н.В. Насонов), Киргизской степи (К.А. Сатунин, Г.А. Кожевников, А.Н. Харузин), в Крыму и Бессарабии (Н.В. Насонов, А.Н. Корчагин). В 1886 г. А.П. Богданов начал готовить большую экспедицию от Общества в Сибирь, но затея не увенчалась успехом (Богданов, 1888а).

Важное направление экспедиционных исследований в российском естествознании в 1860-е и 1870-е гг. было задано начавшимся значительным расширением Российской империи на юг за счёт туркестанских земель, которое закончилось

присоединением в 1867 г. Западного Туркестана (ныне этот регион известен как Средняя Азия) к Российской империи. В связи с этим ИОЛЕАЭ незамедлительно организовало масштабную Туркестанскую учёную экспедицию под началом всё того же неутомимого А.П. Федченко. Она продолжалась с 1869 по 1872 гг., за это время были сделаны богатейшие зоологические сборы, уникальные как по объёму, так и по качественному составу. Основная их часть была передана в московский Зоомузей, отдельные экземпляры — также в Зоологический музей в Санкт-Петербурге. Результаты исследований этой экспедиции публиковались в серийном издании «Путешествие в Туркестан», выпускавшемся в «Известиях ИОЛЕАЭ». О значении их для зоологической науки говорит тот факт, что на основании привезённых материалов было описано более тысячи неизвестных ранее науке видов животных; особенно много среди них насекомых, сборы которых обрабатывали многие известные энтомологи (Антонова, 1991). После трагической гибели Федченко исследования Туркестана продолжил другой ученик А.П. Богданова — В.Ф. Ошанин, также собравший для Зоомузея весьма объёмные коллекции.

Одновременно с Туркестанской экспедицией ИОЛЕАЭ обширнейшие работы в тех краях проводил Н.А. Северцов. Основным организатором масштабных экспедиций, в которых он участвовал, было ИРГО, поэтому большая часть собранных коллекций осела в Санкт-Петербургском Зоологическом музее; но и в московский Музей также попало много его сборов.

Среди значимых поступлений за 1860-е, 1870-е и отчасти 1880-е гг., кроме только что указанных, хотелось бы отметить следующие: орнитологические материалы из Крыма от уже упоминавшегося И.Н. Шатилова, с Урала от Л.П. Сабанеева; разные водные беспозвоночные животные от Р. Лейкарта (Гиссен); паукообразные и насекомые от В. Розенгауэра (Эрланген); собрание рыб, наземных моллюсков и рептилий с Филиппинских островов от К. Земпера (Зенкенбергский музей); морские беспозвоночные из Средиземного моря от директора Неаполитанской биологической станции А. Дорна; тропические бабочки от К.М. Мазурина и из центральной России от Л.К. Альбрехта; коллекция пресноводных рыб из Индии от Дж. Буленджера (Отчёт..., 1870, 1871, 1874, 1888; Речь..., 1882, 1886; Антонова, 1991; Веригина, 1991; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Томкович, 1991).

А.П. Богданов и его ученики использовали неоднократные поездки в Европу (в том числе за счёт денежных средств ИОЛЕАЭ) для посещения ведущих научных и музейных центров во благо Зоомузея, причём разными способами. С одной стороны, во время рабочих визитов на биологические станции они сами коллектировали научные материалы: таким образом в Зоомузее попадали достаточно многочисленные сборы беспозвоночных животных из Виллафранка, Неаполя, Триеста (Богданов, 1888а). С другой стороны, Богданов покупал интересные материалы для пополнения как научного, так и показного разделов музейного собрания — главным образом в магазине естественнонаучных коллекций В. Фрича в Праге, в торговом доме Годефруа в Гамбурге. Весьма примечательна подборка мастерски сделанных чучел колибри на цветах, выполненных в живописном китайском стиле «цветы и птицы» известным германским натуралистом и художником-анималистом Л. Райхенбахом, который самолично иллюстрировал многие свои книги о природе (Иксанова и др., 1991б).

Со второй половины 1880-х гг. важным источником поступлений в Зоомузей ценнейших в научном отношении «экзотических» коллекционных материалов стали морские походы и рейсы. Для организации этой деятельности по поручению ИОЛЕАЭ в 1889 г. врач, натуралист и путешественник Н.В. Слюнин разработал специальную программу, согласно которой ключевыми фигурами в сборе и консервации коллекций, добываемых в походах, становились судовые врачи (что было не внове, см. об Эшшольце в предыдущем разделе). Для придания этому начинанию большего «административного веса» Морское министерство издало особый циркуляр, коим было официально предписано исполнение программы (Речь..., 1893).

Сам Слюнин был одним из таких врачей и неоднократно участвовал в морских походах и сложнейших экспедициях на Дальнем Востоке; собранные им в тех местах ихтиологические материалы хранятся в Зоомузее (Веригина, 1991). Служа на фрегате «Владимир Мономах» на протяжении 1884–1887 гг., он собрал очень интересные коллекции рептилий и птиц на Малаккском полуострове, а также довольно значительную коллекцию беспозвоночных в Японии (Отчёт..., 1888; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Томкович, 1991).

В рамках слюнинской программы, пожалуй, самые обширные зоологические коллекции со-

брал и доставил микробиолог и эпидемиолог В.И. Исаев, ходивший врачом на судне «Адмирал Нахимов» в трёхлетнюю (1888–1890 гг.) кругосветку. Участники похода посетили Мадагаскар, Цейлон и Яву, побережье Индокитая и Южной Африки, Японию, остров Святой Елены, многие другие заморские территории. Оттуда доктор Исаев (так он значится на многих музейных этикетках) привёз большую коллекцию позвоночных и представителей всех типов беспозвоночных животных: она достаточно подробно охарактеризована в отчёте за 1892 г., где записано, что коллекция Исаева «составлена весьма опытной рукой [...] все экземпляры отличаются замечательно удачной консервировкой» (Речь..., 1892, с. 105; см. также: Речь..., 1890; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Павлинов, Яхонтов, 1991).

Из других интересных поступлений второй половины 1880-х и начала 1890-х гг. хотелось бы указать следующие. В первую очередь заслуживают быть отмеченными сборы Н.М. Пржевальского и его спутников по экспедициям в Центральную Азию, организованным ИРГО: основная их часть поступала в музей Санкт-Петербурга, но и в Москву также попали некоторые интереснейшие и редчайшие материалы. В частности, ту часть коллекции птиц, которую Н.М. Пржевальский пожелал оставить у себя, после смерти знаменитого путешественника пожертвовал нашему Музею его брат В.М. Пржевальский (Речь..., 1893). От А.В. Селиванова поступило несколько сотен экземпляров многоножек из разных стран. Большая коллекция самых разных животных, собранных в Уссурийском крае, Японии, Индии, на о-вах Фиджи, была пожертвована П.А. Бурцевым. На средства С.П. фон Дервиза при содействии А. Мильн-Эдвардса была приобретена коллекция представителей ныне ставших очень редкими видов млекопитающих и птиц Мадагаскара. В 1892 г. в Зоомузее были пожертвованы материалы из крупнейших мировых собраний в связи с проведением в Москве Международного зоологического конгресса, к чему приложил немалые усилия А.П. Богданов. Что касалось представителей отечественной фауны, соответствующие многочисленные коллекции поступали в Музей через Зоологическое и Ихтиологическое отделения ИОЛЕАЭ; сборы по наземным позвоночным из центральных регионов России передавал К.А. Сатунин, приступивший к работе в вы-

ше упомянутой Комиссии по изучению фауны Московской губернии.

В наполнении Зоологического музея «экзотическим» коллекционным содержанием значимую роль играл Зоосад, на протяжении всей своей полуторастолетней истории сохранявший теснейшую связь с Зоомузеем. В рассматриваемый здесь период своего рода «посредником» между этими двумя родственными институциями выступало Императорское русское общество акклиматизации: на это есть прямое указание в одном из университетских годовых отчётов (Отчёт..., 1895). Среди экспонатов, олицетворяющих собой крепость этих связей, есть и вполне легендарные: один из них — самка индийского носорога по кличке Семирамида, а в просторечии Монька, подаренная Московскому зоосаду в 1863 г., чьи бранные останки в форме скелета и чучела поныне выставлены в экспозиции Зоо-музея (Спасская, 2015).

Как видно из этого кратчайшего очерка, сам А.П. Богданов и его ближайшие помощники, вопреки выше упомянутой идее создания «русского» Музея зоологии, очень многое делали для того, чтобы последний прирастал «экзотикой» и по составу своих коллекций становился вполне международным.

Благодаря такой многогранной собирательной деятельности коллекции Зоологического музея, руководимого А.П. Богдановым, росли довольно активно (разумеется, по тогдашним меркам). При этом важно отметить, что рост шёл не столько в количественном отношении (в некоторые годы новые поступления не превышали нескольких сотен экз.), сколько в качественном — за счёт приобретения редких представителей отечественной и мировой фауны. Перечислять таксономический состав вновь поступавших материалов здесь вряд ли уместно — достаточно сослаться на записи в «Шнуровой книге» Зоо-музея и на годовые отчёты Московского университета. Что же касается самых общих количественных показателей, они в этих записях и отчётах таковы: в 1863 г. указано около 73 тыс. экз., в 1873 г. — 77.5 тыс. экз., в 1884 г. — 83.2 тыс. экз., в 1893 г. — почти 87 тыс. экз. (Отчёт..., 1863, 1874, 1885, 1895); в ряде отчётов для некоторых отрядов насекомых указано количество видов (например, Отчёт..., 1893).

* * *

А.П. Богданов придавал особое значение использованию музейных коллекций в учебном процессе: в этом его позиция во многом со-

впадала с таковой официального руководства народным просвещением, которая очевидным образом проявилась в уставной квалификации университетских музеев и кабинетов как «учебных пособий и заведений» (Общий устав..., 1835, 1863, 1884). На это Богданов обращал внимание в выше упомянутой записке от 1861 г., об этом же писал в своей подробной характеристике деятельности ИОЛЕАЭ, прямо называя Зоологический музей «серьёзным учебным пособием» (Богданов, 1888а, с. 9–10).

Для учебных потребностей Богданов преобразовал лабораторию, изначально предназначенную для «для препарирования и набивания животных» (см. выше), в место проведения практических занятий со студентами на музейном материале. Так на базе Зоо-музея, наверное, впервые в российской университетской системе были организованы особые учебные лабораторные занятия — зоологический практикум.

Курсы лекций и практические лабораторные занятия на основе учебной коллекции Зоо-музея посещали как слушатели Кафедры зоологии, так и (в облегчённом варианте) будущие медики. Для студентов Музей был открыт по будним дням на протяжении всего года (Отчёт..., 1876 и более поздние). Для старшекурсников с 1875 г. был организован постоянно действующий «зоологический семинарий», на собраниях которого его участники обсуждали новые публикации по своей специальности (op. cit.).

Лабораторию при Музее, учреждённую согласно Уставу в качестве препарировальной (см. выше), Богданов со временем сделал вполне научной; с 1877 г. она стала публиковать свои труды (Отчёт..., 1878), их издавали в «Известиях ИОЛЕАЭ» (Богданов, 1888а). Богданов пишет, что «выпуски трудов лаборатории составляют [...] продолжение той же руководящей мысли, которая сгруппировала около музея [...] молодых самостоятельных работников» (op. cit., с. 426)

«Расширение Зоологического музея, устройство лаборатории и создание целой школы учеников — всё это слилось у А.П. Богданова настолько вместе, что говорить о том, другом и третьем в отдельности невозможно» (Тихомиров, 1897, с. 12). Вот самый краткий перечень наиболее известных учеников А.П. Богданова (частью уже были упомянуты выше): Н.В. Насонов — академик и директор Зоологического музея в Санкт-Петербурге; крупнейший анатом академик В.М. Шимкевич; ещё один известный

анатом Н.Ю. Зограф; деятель охраны природы Б.М. Житков; будущие директора московского Зоо музея А.А. Тихомиров и Г.А. Кожевников (о двух последних подробнее будет сказано ниже).

* * *

В «прикладном» использовании коллекций А.П. Богданов не ограничивался только академическим образовательным процессом. В отличие от своего учителя К. Рулье, он считал умело налаженный показ музейных предметов важнейшей частью просветительной работы — и всячески стремился к её усовершенствованию. В этом Богданов находил моральную, а порой и материальную поддержку в среде членов ИОЛЕАЭ с первых лет его существования (Богданов, 1888а).

По-видимому, в связи с передачей большей части зоологического собрания в Румянцевский музей его оставшаяся в Университете часть в первой половине 1860-х гг. была закрыта для публики. В 1866 г. возобновлённый Зоологический музей вновь стал открыт для посещений по воскресным и праздничным дням. Посетителей, по тем временам, было немало: так, в университетском отчёте за 1875 г. отмечено, что «число посетителей было 7729 человек, из них до 60% рабочего класса, воспитанников учебных заведений 20%, детей 15%» (Отчёт..., 1876, с. 67). Впрочем, во время университетских каникул Музей для публики закрывался — по той простой причине, что его хранители разъезжались по экспедициям (Отчёт..., 1880).

Особым начинанием Богданова стал цикл известных на всю Москву бесплатных популярных лекций под общим названием «Воскресные объяснения коллекций музея», рассчитанных на неподготовленную публику. Они читались регулярно с 1877 г. (по 56 лекций в год) при Музее прикладных знаний (Поздняков, 1957), среди них было немало посвящённых зоологической тематике с демонстрацией животных препаратов и экспонатов (в указанном Музее было своё зоологическое отделение): таковой стала, например, самая первая лекция названного цикла (Морозова, 2015). Идея «объяснения коллекций» была одним из ключевых пунктов уже упоминавшегося «тронного» выступления Г.Е. Щуровского в качестве первого президента ИОЛЕАЭ в 1864 г. (Протоколы..., 1866). Говоря об этих «объяснениях», Щуровский подчёркивал, что они должны быть не столько лекциями в узком смысле, сколько «состоять из демонстраций имеющихся препаратов и ограничиваться

только теми важными и любопытными фактами, которые доступны для наглядного разъяснения» (op. cit., с. 4). Развивая и воплощая эту мысль, Богданов рекомендовал «при объяснениях учить более наглядно, рассчитывать более на впечатлительность глаза и прилагать словесное изложение только как дополнение к выставленному и подобранному систематично и образно, только как к неизбежной и необходимой связи между отдельными членами показываемого ряда» (Богданов, 1878, с. vii). Тексты этих «объяснений» по предложению Богданова публиковались отдельными дополнениями к «Известиям ИОЛЕАЭ» (например, Левинский, 1885).

* * *

В 1884 г. произошла очередная реформа образовательной системы России: в связи с недавним воцарением Александра III и приближением к нему К.П. Победоносцева «исторический маятник» качнулся в противоположную сторону и был принят новый, более жёсткий в сравнении с предыдущим Общий устав Императорских Российских университетов (Общий устав..., 1884; Новиков, Перфилова, 2014). Он сохранил прежнюю обязательную структуру университетов, согласно которой при Физико-математическом факультете полагаются (из числа имеющих отношение к нашей истории) следующие кафедры: минералогии и геологии, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии (§ 56). Из «учебно-вспомогательных установлений» отдельно указана университетская библиотека (§ 94), прочие же «установления и коллекции» не специфицированы, отмечено лишь, что они «поручаются заведованию тех профессоров, к предметам преподавания которых они относятся» (§ 95).

Эта реформа едва ли сказала на том, как Зоологический музей продолжил действовать и развиваться согласно устремлениям и замыслам его неутомимого директора. Благодаря выделенной Университетом дополнительной денежной сумме активизировалась отмеченная выше работа по налаживанию хранения систематических фондов, а также по новому обустройству экспозиции. Кроме университетских средств, деньги на приобретение новой мебели и иного музейного оборудования жертвовал известный меценат С.П. фон Дервиз (Отчёт..., 1888). В налаживании хранения систематической коллекции начиная со второй половины 1880-х гг. наиболее активное участие принимал ассистент, а затем хранитель Музея Н.М. Кулагин.

На этот период приходится подготовка к публикации каталогов некоторых разделов музейного собрания. Их составлением занимались в основном хранители Зоологического музея, а также (по просьбе Богданова) заведующий Кабинетом сравнительной анатомии М.А. Мензбир. Предполагалось, что эти описи будут изданы сводным каталогом коллекций позвоночных животных Зоологического музея (Речь..., 1886), но таковой не состоялся. Вместо этого на протяжении 1888–1901 гг. в уже упоминавшемся «Дневнике Зоологического отделения» под общим названием «Списки и описание предметов, находящихся в Зоологическом музее Московского университета» было опубликовано пять отдельных коллекционных описей (Костылева, 1991): по рыбам (два выпуска за авторством Н.Ю. Зографа и Ф.Ф. Каврайского), по земноводным и пресмыкающимся (Н.М. Кулагин), по млекопитающим (А.А. Тихомиров, А.Н. Корчагин); по птицам (Б.М. Житков, В.С. Елпатьевский).

* * *

На протяжении 1880-х гг. заметные изменения происходили в экспозиции Зоомузея. Для перестройки показного отдела были приобретены новые и отчасти отреставрированы старые витринные шкафы, изменено размещение экспонатов (Речь..., 1886). А.П. Богданов подготовил общий план переустройства, предусматривавший иной принцип показа публике птиц и млекопитающих.

Отказавшись от классического стиля представления животных в форме неказистых чучел, отдельно стоящих на деревянных подиумах, Богданов загорелся идеей экспонировать то, что сейчас принято называть био группами. Согласно этому замыслу животные — одиночно или по несколько штук, в живописных позах — помещались в имитацию участка свойственной им природной обстановки. Новые экспонаты очень оживили музейную экспозицию, лишив её той мёртвой статичности, которую в своё время справедливо порицал К.Ф. Рулье.

Важнейшим помощником Богданову в этом новом для Зоомузея деле стал Ф.К. Лоренц, который начинал свою карьеру как учёный-орнитолог, но затем увлёкся таксидермией — техникой изготовления чучел животных. В конце 1860-х гг. Лоренц основал фирму, которая впоследствии превратилась в известнейшую таксидермическую студию, специализирующуюся на изготовлении именно био групп. Развитию

таксидермии в этом направлении в немалой степени способствовало сохранение Лоренцом научных интересов: он подходил к своему делу не просто как «чучельщик», но как учёный, знающий повадки зверей и птиц, — но и, конечно, как истинный художник, чувствующий красоту живого тела и умеющий передать её средствами своего очень специфического мастерства (Шишкин, 2001). Лоренц впервые выставил свои био группы на Политехнической выставке в 1872 г., а затем стал целенаправленно изготавливать их для переустраиваемой экспозиции Зоомузея. И поныне некоторые из приобретённых у Лоренца экспонатов можно увидеть в залах нашего Музея: токующих дрофу и глухаря, био группу тетеревов, ревущего оленя. К этому следует добавить, что Лоренц, оставаясь увлечённым орнитологом, многие годы жертвовал свои сборы в научную коллекцию.

Для развития таксидермии при Зоомузее в 1884 г. была образована своя чучельная мастерская. Заведовать ею был приглашён опытный мастер-таксидермист И.Ф. Иванов, которому, кроме изготовления чучел, было поручено следить за сохранностью экспозиционных фондов (Речь и отчёт..., 1885).

Из-за всех этих достаточно масштабных реорганизаций Музей пришлось на два года закрыть. В 1886 г. экспозиционные залы стали вновь доступны для посетителей — опять только в выходные дни. Правда, посетителей было совсем немного: в отчётах конца 1880-х гг. указывается по 450–600 человек в год.

* * *

В годовых отчётах Университета начиная со второй половины 1880-х гг. «отдельной строкой» стала упоминаться библиотека Зоологического музея: указывались источники новых поступлений, число книг и проч. В частности, в конце 1880-х гг. в музейной библиотеке числилось две с половиной сотни названий (Отчёт..., 1888). Обязанности хранителя библиотеки как минимум с 1894 г. были возложены на Н.Ю. Зографа (например, Отчёт..., 1895; Речь..., 1901).

* * *

Несмотря на проведённую реорганизацию фондохранилищ, учебной части и экспозиции, в отчётах первой половины 1880-х гг. постоянно отмечалась неустроенность Музея, большая теснота его помещений, ветхость хоров и шкафов и другие препятствия к нормальному хранению коллекций и работе с ними. Положение удалось несколько исправить лишь в 1884 г.: были

отремонтированы хоры и потолок, приведены в порядок коллекционные шкафы (Речь..., 1885).

В начале 1890-х гг. Зоомузей занимал в университетском здании по левой стороне Никитской улицы помещение, состоящее из окружённого галереями (хорами) большого зала с двумя рядами окон и четырёх комнат. Одна из них была передней, другая — разборочной и лабораторией, третья — аудиторией, четвёртая — кабинетом директора (Иксанова и др., 1991б). Научная и показная коллекции птиц и млекопитающих располагались в основном зале, там же находилась библиотека. Для прочих научных коллекций были отведены хоры, где также были рабочие места хранителя и ассистентов Музея, приходящих специалистов.

Приток в Музей значительных коллекционных материалов с неизбежностью привёл к вечной проблеме всякого крупного активно развивающегося хранилища — к нехватке помещений. Из-за значительной тесноты большие затруднения встречало и развитие экспозиции: среди показных предметов в зале остались почти только наиболее крупные и привлекательные чучела и раковины, а прочее было убрано на всё те же хоры, куда не было доступа для посетителей.

В отчёте о деятельности Музея за 1892 г. читаем следующее: «Приведению в полный порядок и обставлению предметов музея в необходимой для сохранности их обстановке мешают: 1) крайняя теснота нынешнего помещения музея, 2) невозможность отделить систематическое, основное собрание предметов от помещений для практических занятий студентов [...] Необходимость расширения музея была признана уже более 10 лет тому назад всеми лицами из высшей учёной и учебной администрации [...] но, к сожалению, и теперь ещё ничего окончательно определённого не осуществлено по отношению музея для выведения его из становящегося с каждым днём всё более и более невозможным положения» (Отчёт..., 1894, с. 105–107).

[Следует отметить, что, пожалуй, в ещё более бедственное положение во второй половине 1890-х гг. пришёл Кабинет сравнительной анатомии, руководимый М.А. Мензбиром. В 1895 г. его перевели в небольшое наёмное помещение в начале Долгоруковского (ныне Никитский) переулка. И в последующих годовых отчётах неизменно отмечалось, что из-за тесноты нельзя нормально разместить коллекции и инструменты, что приходится отказываться от при-

обретения новых препаратов, что невозможно проводить нормальные занятия со студентами (например, Отчёт..., 1898 и др.)]

Становилось всё более очевидно, что Музей не может долее развиваться в прежних стенах, ему нужно новое помещение. И, разумеется, А.П. Богданов на склоне лет подступил к очередному грандиозному начинанию — на этот раз к возведению нового здания для Зоологического музея.

К осуществлению этого замысла в конце 1880-х гг. создались весьма благоприятные предпосылки. Попечительский совет Московского университета поручил известному профессору архитектуры К.М. Быковскому, взятому в 1883 г. на должность архитектора Университета, спроектировать несколько новых и модернизировать ряд существующих университетских зданий на Моховой. Это был маститый зодчий, его неофициально титуловали «главным архитектором Московского университета» (Сергеев, Иванов, 2011).

К.М. Быковский в довольно короткие сроки подготовил проект двух смежных зданий — Зоологического и Ботанического корпусов, расположенных в начале Никитской улицы по её правой стороне. Зоологический корпус, расположенный Г-образно на углу Никитской улицы и Долгоруковского переулка, Быковский замыслил общим для двух «родственных» университетских музеев — Зоологии и Сравнительной анатомии. Из них первому отводилась часть здания по Никитской улице («зоологическое крыло»), второму — вдоль Долгоруковского переулка («анатомическое крыло»).

Однако проект Быковского пришёлся не по душе Богданову, пожелавшему оставить Зоомузей на прежнем месте, т. е. в Аудиторном («Пашковском») корпусе. Он начал готовить собственный эскиз нового здания, но кончина помешала ему продвинуть замысел далее общей идеи.

* * *

Преемником Богданова по заведованию Кафедрой и Музеем зоологии в 1896 г. стал его ученик, профессор А.А. Тихомиров, до того служивший в Музее хранителем. При нём эту должность занял ассистент Г.А. Кожевников, который в 1899 г. был командирован в Европу для ознакомления с состоянием дел в тамошних ведущих музеях (Отчёт..., 1901).

А.А. Тихомиров начинал как активный исследователь-зоолог и сподвижник своего руко-

водителя во многих научных и общественных проектах. Его более всего интересовали вопросы физиологии насекомых, к решению которых он подходил экспериментальным путём. Это позволило ему сделать в 1888 г. важное открытие — искусственный партеногенез у тутового шелкопряда. Однако позднее Тихомиров отошёл от научных дел и погрузился в администрирование: в 1899–1904 гг. он, сохраняя за собой руководство университетской зоологией, исполнял обязанности ректора Московского университета, а затем перешёл в Министерство народного просвещения.

В 1898 г. Тихомиров вернулся к проекту Быковского и, пользуясь своими административными возможностями, приложил все усилия к его скорейшему воплощению. Закладка нового здания состоялась в том же году, а уже в 1901 г. строительство было в основном завершено. Как полагают специалисты, архитектор создал одно из первых в Москве зданий специального музейного назначения (Панов, 2002; Зоологический..., 2011). Здание Зоологического корпуса было решено в стиле классических европейских музеев — двухэтажное, с тремя занимавшими основной объём высокими залами, с большими окнами в «два света», с хорами, с аудиторией в центральной части, с многочисленными лабораторными и подсобными помещениями. Для увеличения освещённости залов второго этажа крышу здания выполнили в форме остеклённого свода, соответственно чему стеклянным же сделали и потолочное перекрытие под ним. В торцевых частях «крыльев» корпуса были оборудованы жилые помещения для университетских профессоров, служивших при Кафедре и двух музеях — Зоологическом и Сравнительной анатомии. Для наружного оформления в качестве прообраза был взят фасад Эрмитажного театра в Санкт-Петербурге; в этом оформлении (фриз, капители колонн крупного фасадного портика) были использованы анималистические мотивы — фигурки зверей и птиц, некоторые из них можно даже определить (сова, олень, заяц и др.). Вдобавок по фризу была выведена рельефная надпись «Зоологический музей», указывающая предназначение здания Зоологического корпуса (примечательно, что на примыкающем здании Ботанического корпуса соответствующей надписи нет).

В этом здании Зоологический музей Московского университета располагается по настоящее время.

Первая половина XX века: великие потрясения

Для Кафедры зоологии с Зоологическим музеем и «родственного» им Института и Музея сравнительной анатомии (в которые в 1901 г. усилиями М.А. Мензбира превратился былой одноимённый Кабинет) очередной этап истории начался в первые годы XX в. с освоения новых помещений Зоологического корпуса Московского университета.

Переезд в новое здание начался незамедлительно по завершении строительных работ. Его «анатомическое крыло» было освоено уже к концу 1901 г., зоологические коллекции стали переезжать в отведённые им новые помещения одноимённого «крыла» в середине 1902 г. (Отчёт..., 1903). Однако не всё с переездом было просто, причина указана в этом же отчёте: «ко времени переноски ещё не состоялась ассигновка потребной на оборудование нового здания суммы, и это заставило расположить коллекции не в окончательном порядке, а временно, и закрыть музей для публики» (op. cit., с. 179). В общем, обоим университетским подразделениям достались, по-видимому, в основном лишь «голые стены».

Некоторые денежные суммы начали отпущаться только во второй половине 1902 г., причём первоочередной задачей было определено приобретение мебели и оборудования для лабораторных и лекционных помещений, чтобы обеспечить сносные условия для работы со студентами (op. cit.). Научные и учебные коллекции, за отсутствием новой мебели, расположили в тех же деревянных шкафах, что и в прежнем помещении Зоомузея. Экспозиционные залы также были уставлены старыми деревянными витринами, в которых разместили экспонаты. В таком «временном» состоянии музейные собрания пребывали до 1905 г.; для публики Музей оставался закрытым, поскольку этот «временный порядок» скорее походил на беспорядок.

* * *

Важный поворот в жизни Музея в этот трудный для него период произошёл в 1904 г.: А.А. Тихомиров, как было указано в предыдущем разделе, «пошёл на повышение», должность заведующего Кафедрой и Музеем зоологии была отдана к Г.А. Кожевникову, за год до этого получившему звание экстраординарного профессора (хотя по старшинству на него вправе был претендовать скорее Н.Ю. Зограф). Хранителем Музея ненадолго стал Б.М. Житков, через

год эту должность занял ещё один ученик А.П. Богданова — Я.П. Щелкановцев, несколькими годами позже В.С. Елпатьевский (Отчёт..., 1905, 1906, 1910).

Подобно своему учителю Богданову, Кожевников обладал важными качествами организатора научной и научно-педагогической работы. Так, в 1908 г. он организовал первую учебную зоологическую практику студентов на Севастопольской биостанции, а также Косинскую лимнологическую станцию: всё это успешно работало до 1941 г. Очень значим был вклад Кожевникова в налаживание охраны природы в России: он был одним из инициаторов создания системы заповедников и учреждения Всероссийского общества охраны природы, в 1924 г. став его первым председателем (Борейко, 2002).

Г.А. Кожевников, следуя завету своего учителя, большое внимание уделял преподавательской деятельности. Демонстрацией музейных экспонатов сопровождалось 16 курсов университетских лекций, большие и малые практикумы, на материалах из коллекций Музея работали аспиранты и ассистенты. Такой характер преподавания имел чрезвычайно большое значение для воспитания «музейного духа» у будущих зоологов классического толка, понимания роли Зоомузея и его коллекций в научной и просветительной деятельности. Многие ученики Кожевникова составили впоследствии цвет отечественной зоологии, некоторые из них связали свою судьбу с Зоологическим музеем и с «родственными» ему институциями: Л.А. Зенкевич, В.В. Алпатов, Б.Б. Родендорф, С.И. Огнёв, В.Г. Гептнер, С.С. Туров и др.

Все эти деловые качества помогли Кожевникову вынести на своих плечах (разумеется, с активной помощью своих учеников и сотрудников) огромный груз забот и проблем, связанных с переустройством Музея. Забегая вперёд, хотелось бы особо отметить, что ему выпала тяжёлая доля сохранить Зоомузей и в лихие послереволюционные годы.

* * *

В 1905 г. руководство Университета стало наконец выделять достаточные денежные суммы для приобретения новых шкафов как для хранения систематических и учебных коллекций, так и показных экспонатов (Отчёт..., 1906). Были заказаны особые металлические герметично закрывающиеся витрины с зеркальными стёклами у известной фирмы «Кюншерф с сыновьями» в Дрездене. Первая партия поступила в 1906 г.,

за несколько последующих лет оба зала второго этажа были полностью укомплектованы ими (эти витрины до сих пор служат вместительным показным экспонатом). Однако на большее денег не хватило, поэтому для Нижнего зала было изготовлено некоторое количество деревянных витрин особой конструкции по эскизам Кожевникова: боковые части предназначались для размещения показного материала, особые внутренние полости (так называемые «междушкафья») — для систематических коллекций (Отчёт..., 1907). Постановка новых металлических витрин и размещение в них экспонатов в зале Музея сравнительно анатомии были завершены в 1907 г., в Верхнем зале Зоомузея — в 1909 г. (Отчёт..., 1908, 1910).

Однако проблемы Зоомузея на этом не кончились — точнее, кончились одни, но начались другие, которые Г.А. Кожевников специально отметил в годовых отчётах за 1909 и последующие годы (Отчёт..., 1910, 1911).

Во-первых, из-за урезания запланированной сметы не хватило денег на изготовление или приобретение новых шкафов (даже в деревянном исполнении) для Нижнего зала: их оказалось вполтину меньше запланированного числа.

Во-вторых, выяснилось, что при проектировании нового здания не были приняты во внимание объёмы и рост научных коллекций: из-за этого сразу обнаружилась нехватка помещений. Так, основное пространство Верхнего зала предполагалось для птиц и млекопитающих, а его хоры — для показной коллекции насекомых. Однако на этих хорах пришлось разместить научные материалы по высшим позвоночным, которым не хватило места в витринах и шкафах основного помещения, а энтомологические экспонаты были перенесены в Нижний зал.

К претензиям, высказанным Кожевниковым в адрес проектировщиков Зоологического корпуса, можно добавить, что с точки зрения современных представлений о том, как должны быть устроены фондохранилища, его помещения изначально очень мало были приспособлены к обустройству коллекций. Они планировались скорее как лекционные и лабораторные комнаты, нежели как коллекционные хранилища. Поэтому стоит ли удивляться тому, что по мере разрастания университетской биологической науки всё больше и больше помещений Зоологического корпуса отводилось для учебных, научных и «производственных» нужд, и всё меньше — для

хранения коллекций. Так, уже вскоре после освоения Музеем новых помещений часть их по требованию факультетского руководства пришлось освободить от коллекций для лабораторных занятий (Отчёт..., 1907, 1908).

После заполнения залов выяснилась очень серьёзная «стратегическая» ошибка инженеров-проектировщиков Зоологического корпуса: несущий пол здания не выдержал нагрузки (на опорных колоннах «лежал» весь второй этаж с металлическими витринами) и стал потихоньку проседать. По этой причине в 1910 г. Нижний зал пришлось освободить от шкафов с коллекциями и произвести полную замену пола; к концу года ремонтные работы были закончены. Нечто подобное повторится частично в начале 1950-х гг. и полностью в 1970-е гг. (см. следующий раздел).

После окончания ремонтных работ в Нижнем зале, в самом начале 1911 г. Верхний зал Зоомузея был открыт для посетителей. Нижний же зал так и остался на многие годы во «временном порядке», лишь частично оборудованный необходимыми витринами и шкафами и потому недоступным для зрителей.

Чтобы завершить «строительно-ремонтную» тему, отмечу, что в 1914 г. стеклянный «фонарь» над Верхним залом был заменён обычной металлической крышей, поскольку, как оказалось, в летнее время зал сильно прогревался (Отчёт..., 1915).

* * *

Насколько можно судить по весьма лаконичным в этом отношении годовым отчётам первых двух десятилетия XX в., коллекции Зоомузея в конечном итоге были размещены таким образом: птицы и млекопитающие — в Верхнем зале (включая хоры), прочие коллекции — в Нижнем зале. Кроме того, какая-то их часть была распределена по отдельным комнатам, прилегающим к залам; одна из комнат была отведена под препараторскую мастерскую. Было выделено некое помещение, в отчётах фигурирующее под весьма странным названием «склад»: в нём хранились в ожидании полной музейной обработки коллекционные материалы, поступающие из экспедиций и от дарителей. Остальные помещения Зоологического корпуса были предназначены для разнообразных учебных аудиторий, лабораторных занятий, исследовательских подразделений. Кабинет Кожевникова располагался на 3-м этаже центральной части здания с окнами, выходящими на Никитскую улицу.

Одновременно с постепенным приведением коллекций в надлежащий порядок по решению Г.А. Кожевникова была начата работа по составлению картотеки-каталога систематической коллекции, которая проводилась выборочно по отдельным группам. Так, в отчёте за 1904 г. записано, что Л.Л. Сабанеев провёл каталогизацию коллекции амфибий и рептилий (Отчёт..., 1905); по-видимому, именно эта картотека хранится в архиве отдела герпетологии Зоомузья. Несколькими годами позже Кожевников объявил о необходимости каталогизации всех коллекций (наверное,) (Отчёт..., 1911); возможно, .

Многообразную и многотрудную работу Зоомузея во многом обеспечивали ассистенты, которых в его штате, согласно отчётам, ежегодно числилось по три–четыре человека. Среди них в разные годы были (частью упомянуты выше): Э.Г. Беккер, В.С. Елпатьевский, Б.М. Житков, С.В. Покровский, Я.П. Щелкановцев, Н.В. Богоявленский, В.С. Муралевич, В.И. Грацианов, С.И. Огнёв, И.И. Месяцев и др. Некоторые из названных персон в дальнейшем внесли крупный вклад в отечественную зоологию, став известными учёными.

В годовых отчётах перечисляются многочисленные зоологи, работавшие с научными коллекционными материалами, — профессора, ассистенты, отчасти и студенты. Для того, чтобы обеспечить им возможность исследовать и приводить в порядок коллекции, пришлось оборудовать рабочие места на хорах Верхнего зала (Отчёт..., 1915). В отчётах за эти годы отдельным пунктом впервые начинает указываться ещё одна важная форма введения коллекций в научный оборот — их выдача специалистам для исследования вне стен Музея с последующим возвратом, причём не только по России, но и за рубеж (например, упомянут д-р Горн из Берлина, см.: Отчёт..., 1906).

Новые поступления систематических коллекций тех лет порой были весьма объёмные. Значительные сборы, главным образом ихтиологические, на протяжении нескольких лет поступали от Л.С. Берга (будущего знаменитого эволюциониста): он возглавлял Аральскую экспедицию, которую совместно организовали Зоологическое отделение ИОЛЕАЭ и Туркестанское отделение ИРГО. Продолжала действовать Комиссия для исследования фауны Московской губернии, в полевых работах которой в это время стал активно участвовать С.И. Огнёв; через эту Комиссию в 1905 г. в Зоомузей была

передана большая коллекция насекомых от Р.Р. Вальха (20 ящиков). Была учреждена экспедиция для исследования Северо-Западного края; на севере европейской России активно коллектировал Б.М. Житков, работавший в составе организованной ИРГО Ямальской экспедиции. Под руководством Г.А. Кожевникова с начала 1900-х гг. работала Окская экспедиция, в которой участвовали многие его ученики, в том числе С.С. Туров. Начали регулярно передавать свои орнитологические сборы С.А. Бутурлин и чуть позже Г.И. Поляков, Л.А. Портенко. Среди активных дарителей неоднократно указывается Н.Ф. Иконников, от которого поступали материалы с Дальнего Востока, Юж. Америки и других отдалённых мест. Каждый год, пусть и понемногу, великолепно изготовленными чучелами и тушками обогащал показную и систематическую коллекции Зоомузея Ф.К. Лоренц. В 1917 г. начала действовать Байкальская экспедиция под руководством И.И. Месяцева, Л.А. Зенкевича и Л.Л. Россолимо (последний — отец будущего директора Зоомузея О.Л. Россолимо), положившая начало систематическому изучению этого уникального водоёма.

Одним из интереснейших стало поступление в 1911 г. очень крупной коллекции (точнее, её наибольшей части) известного энтомолога-любителя В.И. Мочульского, заключённой в 285 деревянных ящиках (Отчёт..., 1912). Служа на протяжении 30–60-х гг. XIX в. офицером Генерального штаба Русской армии, он выполнял дипломатические поручения во многих странах мира и в разъездах постоянно пополнял свою домашнюю коллекцию (Кривохатский, 2013). В результате в ней оказались представленными насекомые (главным образом жесткокрылые) всех частей света, важную её часть составляли типовые экземпляры многочисленных новых видов, описанных самим Мочульским. Первоописания Мочульского в его собственном журнале «*Études entomologiques*» (издавался в 1852–1862 гг.) были весьма лаконичными и вызвали критику современников (Griffin, 1936). Поэтому поступление в музейный фонд этой огромной частной коллекции, ранее закрытой для исследований, стало весьма значительным событием для сообщества учёных-энтомологов. К сожалению, собранные Мочульским насекомые после смерти владельца очень долгое время (почти сорок лет) хранились его наследниками в крайне неблагоприятных условиях, прежде чем попали в поле зрения некоторых членов

ИМОИП, а затем через их посредство в фонды Зоологического музея. Первичную ревизию коллекции поручили молодому Н.Н. Плавильщикову, по заключению которого она «поступила в музей в таком плохом виде, что многими ящиками совершенно нельзя было пользоваться» (Отчёт..., 1914, с. 91). Впрочем, это не помешало какие-то её разделы сразу же включить в научные исследования (op. cit.). К сожалению, эта коллекция и по сей день хранится почти в таком же виде: её удалось защитить от дальнейшей деградации, но на приведение всей её сохранившейся части в пристойное состояние никто из современных энтомологов-музейщиков пока не решился — для этого нужна кропотливая работа не только с самой коллекцией, но и с первоописаниями Мочульского, а также с последующими ревизиями, основанными на его материалах.

В середине 1910-х гг. в систематической коллекции Зоомузея числилось несколько более 93 тыс. экз., в это число не были включены насекомые (Отчёт..., 1914).

* * *

В 1903 г. (возможно, несколько ранее) при Кафедре зоологии был учреждён «Студенческий кружок для исследования Русской природы»: его инициаторами были сами студенты, опекуном и руководителем вызвался быть Н.Ю. Зограф. Члены кружка привлекались к участию в полевых исследованиях и сбору новых материалов для Музея, к хранительской работе с коллекциями, они активнейшим образом участвовали в Зоологическом семинарии, который вёл Г.А. Кожевников. Для публикации результатов исследований кружковцев было учреждено издание «Труды студенческого кружка для исследования русской природы», выходящее несколько лет (Отчёт..., 1906; например, Труды..., 1909).

В деятельности кружка и «семинария» Кожевников особое внимание уделял систематике, что было, по-видимому, не самым простым делом. Он писал своему коллеге и другу А.П. Семенову-Тянь-Шанскому, что «создать из молодежи не коллекторов только, а систематиков мне прямо таки умышленно мешает пр. Н.Ю. Зограф, который всячески старается внушить молодежи, что систематика не истинная наука» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 6). И хотя, как видно из только что приведённой цитаты, Кожевников стремился сделать из студентов нечто большее, чем «коллекторов только», он направлял их ин-

терес именно к практической части систематики, которая начинается, как известно, со сбора полевого материала. Для этого он издал специальное «Руководство...» (Кожевников, 1902), на его основе стал читать нечто вроде спецкурса под названием «Что и как собирать», а затем изыскал возможность выделять некоторые ассигнования на оплату экспедиционных работ студентов (Отчёт..., 1915, 1917). В результате, как специально отмечено отчёте за 1914 г., проявился заметный рост интереса среди студентов к занятиям фаунистикой и систематикой (Отчёт..., 1915).

Как отмечено выше, экспозиционная работа в Зоомузее возобновилась в 1911 г. — но для посетителей был открыт только Верхний зал. Как и прежде, он функционировал в качестве публичного весьма ограниченное время: только во время учебных семестров и только по выходным дням; допуск в зал был бесплатным (например, выборочно: Отчёт..., 1912, 1915). В год открытия Музея Г.А. Кожевников (при содействии ассистента С.И. Огнёва) составил и издал «Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Императорского Московского университета», очень быстро разошедшийся (Отчёт..., 1912). Количество посетителей было значительным — 4–5.5 тыс. человек в разные годы (ор. cit.). Экскурсии проводили ассистенты Музея, а также студенты старших курсов.

Научная библиотека Зоомузея в эти годы находилась под надзором Г.А. Кожевникова, который всячески поощрял безвозмездное жертвование в неё специальной литературы учёными и учреждениями. Ежегодно в библиотеку передавали по несколько сотен книг и журналов: так, в отчёте за 1909 г. значится почти 700 единиц новых поступлений (Отчёт..., 1910).

Нормализация деятельности Зоомузея побудила Г.А. Кожевникова подготовить и обнародовать несколько документов, регламентирующих работу с коллекциями и библиотечной литературой, а также посещение экспозиции [архЗМ].

В «Правилах поступления коллекций в Зоологический Музей [...] и пользования ими» оговаривается, что материалы, передаваемые в Музей для постоянного хранения, должны быть надлежащим образом этикетированы. Подчёркивается, что все действия с коллекциями, а равно деловая переписка по их поводу (обработка, обмен, выдача, получение) контролируются заведующим Музеем. В частности, со-

гласно этому документу «обработка переданных музеем коллекций производится не иначе, как с разрешения заведующего музеем и на устанавливаемых им условиях». Одновременно с этим накладывается запрет на использование официального титула «Зоологический музей» при отсылке или получении личных коллекций. Можно лишь догадываться о том, по какой причине вводились столь жёсткие ограничения: вероятно, ранее допускались излишне широкие вольности в обращении с коллекциями, к тому же под «шапкой» Зоомузея.

Согласно «Правилам пользования библиотекой Зоологического Музея ...» книги было дозволено выдавать на руки только «работающим по зоологии в лаборатории музея». При этом «лица, пользующиеся книгами, покорнейше приглашаются не делать в них никаких пометок, надписей и подчёркиваний» (это правило, впрочем, редко кем соблюдалось).

Для регулирования публичной деятельности были утверждены «Условия посещения Зоологического Музея...». В них указывалось, что «Верхняя зала [...] открыта для публики с 1-го сентября до 1-го мая по воскресениям с 10 час. утра до 3 час. дня». При этом особо оговаривалось, что «заведующий Музеем и его помощники не имеют возможности брать на себя заботы по объяснению коллекций посетителям».

[Для полноты картины, которая будет полезной при рассмотрении последующей судьбы Зоомузея в 1920-е и 1930-е гг., следует дать самую краткую справку о состоянии дел с разного рода «учебно-вспомогательными установлениями» при Московском университете рассматриваемого времени (Отчёт..., 1909, 1911, 1915). К началу 1910-х гг. они весьма разрослись в числе и разнообразии: насчитывалось более десятка институтов, четыре музея, не менее семи кабинетов и шесть лабораторий. Среди этих последних с 1910 г. значится отдельная «Зоологическая лаборатория, находящаяся в заведовании засл. орд. проф. Н.Ю. Зографа» — таково её (и только её) официальное «именное» название, фигурирующее в отчётах тех лет. Примечательно, что за год до этого она числилась за Зоомузеем (Отчёт..., 1910), при том, что в Зоомузее была лаборатория, восходящая к А.П. Богданову, в одном из отчётов её заведующим указан Н.В. Богоявленский, ученик Зографа (Отчёт..., 1915).

В жизни «родственного» Зоомузею и соседствующего с ним в Зоологическом корпусе Института и Музея сравнительной анатомии в это

время происходило следующее. При подготовке его экспозиции применили новый иллюстративный принцип: были изготовлены картины с прижизненными изображениями морских животных, поскольку в препарированном виде они утрачивали свою естественную окраску; автором картин был начинающий художник-анималист В.А. Ватагин (тогда ещё под своей первой фамилией Шереметьевский) (Отчёт..., 1906). После известной «политической» отставки М.А. Мензбира в 1911 году («дело Кассо») этот Институт вместе с одноимённым Музеем под своё начало принял крупный зоолог-анатом и эволюционист А.Н. Северцов, сын ранее упоминавшегося зоогеографа Н.А. Северцова. Он сменил преобладавшее при Мензбуре систематико-зоогеографическое направление исследований на эволюционно-морфологическое, заложив основания существующей по сей день московской школы эволюционной морфологии. М.А. Мензбир вернулся в Московский университет в 1917 г., возглавив его на два года в качестве ректора: он стал первым главой университета послереволюционного времени и четвёртым за всю его историю ректором-музейщиком.

Опять-таки для полноты картины развития музейного естествознания в Москве начала XX в. стоит отметить следующее важное событие: при Московских высших женских курсах был учреждён очень интересный Музей эволюционной теории (Константинов, 2003). Его основатель и бессменный директор (до 1964 г.) зоолог-эволюционист А.Ф. Котс датой возникновения «своего» Музея считал 1907 г., когда он был приглашён на названные Курсы читать лекции по естественной истории; согласно другой версии такой датой следует считать 1913 г., когда Котс пожертвовал Курсам собранную им коллекцию. Зоологии он учился у М.А. Мензбира, препараторскому делу — у Ф.К. Лоренца, причём весьма преуспел в изготовлении чучел и даже был несколько раз награждён за свои таксидермические творения. В 1922 г. этот Музей получил современное название «Дарвиновский», которое говорит о его основном предназначении — пропагандировать на музейном материале эволюционные идеи Ч. Дарвина.]

Грянувшая 1-я мировая война мало отразилась на жизни Зоомузея. Некоторые её следы в отчётах тех лет проявились лишь в указании того, что для солдат, находившихся на излечении после ранений, проводились бесплат-

ные экскурсии (Отчёт..., 1915, 1917). Во всём остальном так же проводились занятия со студентами, совершались экспедиции, поступали новые коллекционные материалы, по мере возможности докупалась мебель для их хранения.

* * *

Конец 1910-х и начало 1920-х гг. в России ознаменовались грандиозными потрясениями. Революция, братоубийственная гражданская война, радикальная смена политического и экономического устройства страны, силовое насаждение новой властью нового понимания мира и общества, а равно и места человека в них — всё это породило настоящую административную чехарду уничтожений и созиданий, разделений и слияний всего и вся в поисках того, каким образом надлежит обустроить «новое общество» и воспитывать для него «нового человека».

По этой причине в 1920-е и в продолжившие (и отчасти усугубившие) их 1930-е гг. Московский университет, как и вся страна, вступил в пору радикальных реорганизаций, которые глубоко отразились на всей его научной, образовательной и просветительной деятельности. В эти годы при Университете с лёгкостью возникали новые учебные и научные подразделения, многие из них с не меньшей лёгкостью прекращали своё существование, меняли статус, а на худой конец хотя бы название.

Ниже в самом кратком виде представлена хронология этого этапа истории Московского университета — не вся, разумеется, а лишь та её часть, которая имеет наиболее тесное касательство к Зоологическому музею. Это важно для того, чтобы осознать, что пришлось пережить Музею, его людям и его коллекциям, с чем приходилось бороться и с чем смиряться, чтобы не прервалась нить живой музейной традиции.

[В 1918 г. при Академии наук учреждена Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС): она принимала значительное участие в организации и финансировании многочисленных экспедиций, в некоторых из них участвовали университетские зоологи. При Народном комиссариате просвещения (Наркомпрос) — перелицованном прежнем Министерстве народного просвещения — организован специальный Музейный отдел для руководства работой всех музеев (Гарданов, 1957). Московский университет, в конце 1917 г. названный «государственным», в 1918 г. получил название «1-го» в связи с тем, что «2-м» стал университет, возникший на основе выше

упоминавшихся Высших женских курсов. Все учёные степени и звания отменены, введено единое звание «учёного специалиста».

В 1921 г. специальным декретом Наркомпроса утверждено «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» (Летопись-Положение..., 1921): все университеты подчинены этому комиссариату, ему же передано исключительное право определять их структуру, штаты и т. п. Это стало по сути продолжением и усилением общего тренда, заложенного реформами Николая I и Александра III (см. предыдущий раздел) — означало отмену всех университетских свобод и переход университетского образования целиком под государственный контроль. Названным Положением определён основной штатный состав университетов — профессоры, преподаватели (прежние доценты) и научные сотрудники (прежние ассистенты), сосредоточенные на «учебной или учебно-учёной деятельности» (§ 5). Основной университетской единицей признан факультет (§ 7), подтверждалась возможность выделения в структуре университетов научно-исследовательских институтов (§ 8). Никакие «вспомогательные учебно-учёные учреждения» в Положении отдельно не указаны (по образцу Общего устава от 1884 г.), но в кое-каких параграфах упомянуты лаборатории, кабинеты, музеи, библиотеки (например, § 15).

При Наркомпросе учреждено Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), в него включён Музейный отдел (Организация..., 1968). При этом определена необходимость «добиваться, чтобы научные исследования увязывались с задачами социалистического строительства» (op. cit., с. 46). Для обеспечения этого одной из первоочередных задач признано необходимым введение работников-коммунистов в руководящие органы всех учреждений.

В том же 1921 г., в связи с массовой организацией новых (нередко просто «перелицованных» старых) научных институций, при Главнауке особым декретом учреждён Плавучий морской институт: в проекте он назван «Морской плавучий зоологический институт», потом переделан в «биологический», с аббревиатурой «Плавморин» (также Плавморбин, Плавморнин) (Зенкевич, 1941; Организация..., 1968). К слову можно упомянуть, что одним из его инициаторов и первым директором был А.И. Россолимо (Россолимо..., 2012) — двоюродный дед будущего директора Зоомузея О.Л. Россо-

лимо. Плавморин расположились в помещении Зоологического корпуса.

В 1922 г. началась серьёзная реорганизация научных учреждений и высшей школы; её частью, в продолжение линии на развитие «государственной науки», стало предписанное постановлением Наркомпроса учреждение при университетах специализированных научно-исследовательских институтов. В Московском университете при Физико-математическом факультете их в том же году учреждено семь (частью они воспроизводили ранее существовавшие), объединённых в Ассоциацию научно-исследовательских институтов (Гулевич, 1928). Среди них — Научно-исследовательский институт зоологии (НИИЗ), в который включили прежние или учреждённые заново научные лаборатории зоологического профиля (ликвидирован вместе с многими другими университетскими институтами в 1950 г.). Интересно отметить, что Институт сравнительной анатомии в составе названной Ассоциации не значится, хотя в годовых отчётах университета 1920-х гг. он указывается как одно из подразделений Физико-математического факультета. Многие крупные научные общества (в том числе ОЛЕ-АЭ, МОИП; уже без начальной буквы «И») «национализированы»: подчинены Наркомпросу, переведены на государственное финансирование. Все службы НИИЗ расположились в помещении Зоологического корпуса.

В 1923 г. на Физико-математическом факультете 1-го Московского университета организовано несколько отделений, в том числе биологическое во главе с Г.А. Кожевниковым (История..., 1955б; Летопись..., 2016р). Наркомпрос учредил «Государственный музейный фонд», усиливший госконтроль над всеми музейными и иными собраниями; введено деление музеев по их значению на «центральные» и разного рода «местные», а также по их ведомственной принадлежности.

В 1925 г. в ведение Главнауки перешли все академии и учебные заведения, научно-исследовательские учреждения «теоретического» профиля (т. е. не имеющие выражено прикладного характера), научные библиотеки, музеи, заповедники, ботанические сады и другие подобные учреждения, а заодно (почему-то) государственные академические театры и музыкальные учреждения (Организация..., 1968).

В 1927 г. проведена очередная реорганизация высшей школы: Постановлением Совнаркома

РСФСР университетам предписано пересмотреть существующую структуру и специализацию подразделений факультетов в целях: «1. приведения структуры факультетов в большее соответствие с потребностями народного хозяйства и госаппарата; 2. возможного укрупнения факультетских делений» (Летопись..., 2016с). В развитие этой общей идеи в ректорате 1-го Московского университета стал разрабатываться проект его разделения на три–четыре более специализированных учебно-научных учреждения (Летопись..., 2016г,у).

В 1929 г. («год великого перелома») в государственных, научных и учебных заведениях страны начата «идеологическая чистка», продолжившаяся несколько лет, в ходе которой из 1-го Московского университета было уволено несколько сотен сотрудников, включая десятки известных профессоров. В научно-исследовательских институтах введена аспирантура.

В 1930 г. некоторые факультеты 1-го Московского университета отданы в иные ведомственные органы; но одновременно с этим в нём учредили несколько новых факультетов и кафедр (Летопись..., 2016б). Среди них — Биологический факультет с тремя отделениями (зоологии, ботаники и почвенно-географическое) и с более чем двумя десятками кафедр, каждая со своими «вспомогательными» подразделениями (лабораториями и т. п.). Все службы Биофака расположились в помещениях Зоологического и Ботанического корпусов. Существовавшая прежде единая Кафедра зоологии разделена на несколько более специальных: общей зоологии, морфологии и систематики позвоночных животных, зоологии беспозвоночных животных, ихтиологии, охотоведения и промыслового дела. Институт сравнительной анатомии преобразован в лабораторию эволюционной морфологии при Академии наук. Музей биологического профиля, исторически сложившиеся в рамках бывшего Физико-математического факультета или потом включённые в него, переданы в подчинение учебных кафедр Биофака: Зоологический музей приписан к Кафедре зоологии беспозвоночных (и вскоре ненадолго к НИИЗу), Музей сравнительной анатомии — к Кафедре зоологии позвоночных животных, Музей антропологии естественным образом вошёл в одноимённую кафедру. Университетская Ассоциация научно-исследовательских институтов ликвидирована, входившие в неё институты перешли в непосредственное ведение профильных факульте-

тов. На Первом всероссийском музейном съезде (Москва, декабрь 1930 г.) принята резолюция, призывающая преодолеть «реакционное рутинёрство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции» (цит. по: Рубан, 2014, с. 1).

В 1931 г. опять проведена серьёзная перестройка образовательных учреждений: постановлением Совнаркома «О реорганизации государственных университетов» университетские институты и музеи поступили в прямое подчинение соответствующих отраслевых наркоматов (Постановление..., 2011а). В частности, указанные институции, относящиеся к 1-му Московскому университету (включая Зоомузей), переданы в Главнауку Наркомпроса. Одновременно особым постановлением в университетах ликвидирована факультетско-кафедральная структура, вместо этого учреждены многочисленные специализированные отделения; в 1-м Московском университете одним из них стало зоологическое отделение (Летопись..., 2016ф). ОЛЕАЭ ликвидировано (включено в состав МОИП).

В 1932 г. только что проведённая реорганизация, в традиционной лексике тех лет, объявлена «перегибами и извращением» (История..., 1955б), началась постепенная отмена достигнутых в ходе её результатов. Согласно этому в университетах частично восстановили кафедральную структуру в рамках сохранённых отделений (Летопись..., 2016х).

В 1933 г. университетам вернули факультетскую структуру и вновь передали в их ведение ранее переданные другим ведомствам факультеты и институты. В связи с этим в Московском университете вновь утверждён (на этот раз окончательно) Биологический факультет, в его составе выделены отделения зоологии и ботаники, каждое с несколькими кафедрами и профильными НИИ (зоологии, ботаники, антропологии). Зоомузея это формально не коснулось, но во всех университетских документах он указывается как подразделение Биофака (Летопись..., 2016ц).

В 1934 г. восстановлена учёная степень доктора наук и введена учёная степень кандидата наук (до 1936 г. присваивались без защиты); введены ученые звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора, действительного члена научного учреждения.

В 1935 г. в связи с разработкой Генерального плана реконструкции Москвы ректорат

МГУ начал обсуждать проект строительства университетского комплекса на Моховой, при этом все существующие здания предполагалось надстроить на 3–4 этажа (Летопись..., 2016ч).

В 1938 г. Совет Московского университета рассмотрел вопрос о необходимости постройки нового университетского комплекса на Ленинских горах (так в советские времена называли Воробьёвы горы), куда предполагалось перевести все факультеты естественнонаучного профиля (Летопись..., 2016ш). Этот предварительный проект планировал использование существующих зданий на Моховой для университетских музеев и лекториев, т. е. сохранение их на прежнем месте.

В 1939 г. на основании распоряжения Комитета по высшей школе при Совнаркоме СССР принят новый устав Московского университета, которым затверждена его базовая факультетско-кафедральная структура (Летопись-Устав..., 1939). Зоомузей официально возвращён под полную юрисдикцию Университета и включён в состав Биологического факультета. В рамках последнего в качестве его самостоятельных подразделений установлены: четыре научно-исследовательских института (в том числе НИИЗ), два музея (Зоологический и Антропологический), а также Ботанический сад; в самостоятельное подразделение факультета выделен Гербарий.]

Важной частью кратко охарактеризованных преобразований стала последовательная реализация идеи разделения учебной, научной и музейной сфер деятельности. В результате в ВУЗах преподавание было отдано кафедрам, наука — исследовательским институтам, а музеям была отведена в основном просветительная роль. Такое направление начальственных мыслей в значительной мере воспроизводило то понимание содержания университетской деятельности, которое предписывалось «николаевской реформой» середины 1830-х гг. (см. предыдущий раздел).

[Кстати сказать, эта «разделительная» тенденция сказалась и на родственном нашему Музею академическом Зоологическом музее в Ленинграде. На его основе в начале 1930-х гг. был учреждён Зоологический институт (ЗИН) со всей наукой и всеми систематическими коллекциями, а собственно Музею были оставлены только экспозиционные залы с показательными коллекциями и просветительная деятельность.]

Ради справедливости следует отметить, что эта общая идея едва ли радикально противоречила традиционному организационному устройству Зоомузея. На самом деле с нею было вполне совместимо унаследованное от А.П. Богданова (а им — отчасти от Ловецкого и Рудольфа) деление коллекций на научные (систематические), учебные и показательные.

В рассматриваемый период расставленные приоритеты отчётливо видны из структуры годовых отчётов, представляемых руководством Зоомузея вышестоящему начальству. В них на протяжении большей части 1930-х гг. первым пунктом шла экспозиционная работа, затем научная и в конце — хранительская [архЗМ]. Впрочем, во всех отчётах присутствовало важное указание на предоставление систематических коллекций для текущих исследований, с поимённым указанием работавших с ними учёных-зоологов: это подтверждало их несомненный научный статус.

Проблема, как «дьявол», проявилась в деталях. Устранение науки и подчинение всей выстраиваемой образовательной системы достижению основной цели, каковой было объявлено «формирование нового человека», с особым акцентом на прикладные аспекты в преподавании и просвещении (Красовицкая, 2002), — всё это выводило научные коллекционные фонды за «скобки» основных направлений деятельности Зоомузея и фактически превращало их хранение в некую дополнительную нагрузку. Музейские коллекции частично «оправдывало» и спасало их использование в учебном процессе — но материалов для практических занятий студентов и экспонирования требовалось значительно меньше, чем многие десятки тысяч экземпляров научных коллекций. Как будет показано далее в настоящем разделе, на рубеже 1920–1930-х гг. это обстоятельство едва не сыграло в истории Зоомузея роковую роль.

* * *

Рассказ об этом «горячем времени» в истории нашего Музея хотелось бы начать выражением глубочайшего уважения в адрес Г.А. Кожевникова. Принявший бразды правления университетской зоологией от своих учителей в ту пору, когда ничто не предвещало особых бед, он в пришедшие лихие годы по мере возможности сохранял в руководимых им учебных подразделениях (в разные годы — разные) и в Музее дух преданности своему делу невзирая ни на какие недобрые новые веяния. А это не-

сомненно предполагало дух свободомыслия, без которого не может быть творчества, а стало быть не может быть и науки, — но не может быть и сложным образом организованной и никоим образом не могущей быть прерванной работы по сохранению и приумножению музейных коллекций.

Не меньшего уважения заслуживают выпестованные Г.А. Кожевниковым учёные хранители зоомузейных собраний, отдававшие им свои силы в бурные послереволюционные годы. Во многом благодаря именно их заботам бесценные многотысячные научные коллекции, накопленные к тому времени в Зоомузее усилиями многих учёных и любителей естествознания, были сохранены для следующих поколений зоологов.

В должности хранителя Зоомузея в первые послереволюционные годы служили: в 1919–1921 гг. — Н.Н. Плавильщиков, вынужденно покинувший Зоомузей в 1921 г. (вернётся сюда позже), в последующие несколько лет Э.Г. Беккер (заведовал также хозяйственной частью Музея), затем эти обязанности в разные годы исполняли В.А. Яшнов, И.И. Ёжиков, В.В. Алпатов, С.Г. Крыжановский, И.И. Месяцев ([Отчёт... 1923, 1924, 1925 гг.: архЗМ]; Михайлов, 2002). В 1924 г. должность хранителя/ассистента «перелицевали» в научного работника (сотрудника) согласно общему Положению, утверждённому Совнаркомом для ВУЗовских учреждений: в указанном году в таком статусе числились Г.Г. Абрикосов, Е.М. Боруцкий, А.Н. Желоховцев и некоторые другие [Отчёт... 1925 г.: архЗМ]. Таким образом, в результате оказалась фактически упразднённой важная для всякого музея должность хранителя коллекций.

В 1925 г. научные (систематические) фонды в Зоомузее впервые административно разделили по «таксономическому» принципу на три секции: позвоночных животных, насекомых и прочих беспозвоночных. Их заведующими были назначены, соответственно, В.Г. Гептнер, Б.С. Кузин и Е.В. Боруцкий. Должность единого для Музея учёного хранителя, отвечающего за разработку и соблюдение общих принципов пополнения, хранения, документирования и использование коллекций Зоомузея, была упразднена.

* * *

В 1920-е гг. основной «головной болью» для Зоомузея, к тому же стремительно усугубляющейся, стала опять нехватка помещений, причём не только для хранения коллекций, но и экспозиционных. В этой «боли», в дополнение

к присущей всякому музею обычной причине — росту коллекций, появилась совсем новая, к которой наш Музей оказался вовсе неподготовлен. Вновь учреждаемые при Университете и вне него институты, расположившиеся в Зоологическом корпусе, стали обрывать своим хозяйством, своими службами, организовывать свои экспедиции, для которых нужно было специальное оборудование, — и всё это размещалось фактически в помещениях Зоомузея, включая его экспозиционные залы.

Значительные проблемы причинял Плавморин (в 1930 г. переименован в Государственный океанографический институт — ГОИН, теперь это Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии — ПИНРО). Его главой долгое время был И.И. Месяцев, ученик Кожевникова и им же рекомендованный на эту должность. Основной задачей нового Института было исследование северных морей, их островов и побережий, а своего рода «экспедиционной базой» для него стал служить Нижний зал Зоомузея. По свидетельству очевидца, «с 1927 г. кроме трёх подвальных помещений и помещения для канцелярии в вестибюле Музея, Институту было предоставлено несколько рабочих мест в Нижнем зале Музея [...] В настоящий момент эти несколько мест превратились в рабочие места около сотни сотрудников [...] Нижний зал Музея оказывается заставленным столами (перед каждым окном стоит от 4 до 6 столов [...] и по 2 шкафа)» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 15–16).

Весьма специфические отношения, в каких-то вопросах достаточно сложные и едва ли формально регулируемые, сложились между Зоомузеем и НИИЗом.

С одной стороны, во главе этого Института и многих его лабораторий стояли учёные, выросшие в стенах Зоологического музея и Института (и Музея) сравнительной анатомии и по мере возможности сохранявшие прежние научные традиции. Первым директором НИИЗа на короткое время был назначен М.А. Мензбир, которого сменил А.Н. Северцов; его «действительными членами» стали Г.А. Кожевников, Б.М. Житков, С.А. Усов, Н.В. Богоявленский и некоторые другие (Гулевич, 1928). Г.А. Кожевников, оставаясь заведующим Кафедрой зоологии и Зоомузеем, возглавил лабораторию зоологии беспозвоночных в НИИЗе, во главе некоторых других лабораторий встали его прямые ученики — Б.М. Житков (лаборатория зоологии позвоночных, позже заведовать ею стал

С.И. Огнёв), Н.В. Богоявленский (лаборатория гистологии и эмбриологии); руководить лабораторией морфологии назначили Б.С. Матвеева, проходившего «школу» у А.Н. Северцова (Университеты..., 1935). Своя научная лаборатория сохранялась и за Зоомузеем, её возглавлял, видимо, сам Кожевников. Некоторые работники совмещали должности штатных сотрудников и Зоомузея, и НИИЗа — в первую очередь сам Г.А. Кожевников, а также В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Б.С. Кузин и др.

Общую ситуацию сложного переплетения формальных и неформальных связей между Зоомузеем и НИИЗом хорошо иллюстрирует такой факт. В отчёте за 1925–1926 гг. специально отмечено, что С.И. Огнёв «не принадлежит к служебному персоналу музея» (Отчёт..., 1927, с. 67). И тем не менее во вновь заведённой «Книге для записи орнитологических коллекций», начатой в 1927 г., стоят подписи В.Г. Гептнера и С.И. Огнёва [архЗМ]: первый представлял Зоомузей, второй, видимо, — НИИЗ.

С другой стороны, разрастающийся НИИЗ, как и Плавморин, постепенно стал претендовать на всё большие площади Зоологического корпуса, вытесняя из хранилищ музейные коллекции. Такие же территориальные притеснения испытывал и Музей сравнительной анатомии, в залах которого размещался разросшийся штат одноимённого Института (в то время они ещё оставались единой организацией).

Коль скоро в настоящей статье фиксируются все более-менее значимые факты из истории Музея, нужно, по-видимому, отметить следующую запись в годовом отчёте Университета за 1925–1926 гг. В ней сообщается, что «в Наркомземе в июне 1925 года было постановлено включить лабораторию Зоологического музея в сеть исследовательских учреждений опытного отдела [...] На эти работы была отпущена Наркомземом субсидия» (Отчёт..., 1927, с. 70). Надо полагать, что Г.А. Кожевников и В.В. Алпатов, работавшие над биологией и морфометрией медоносной пчелы, смогли получить для своих исследований, а тем самым и для музейской лаборатории, какую-то дополнительную поддержку.

* * *

Несмотря на все невзгоды, в 1920-е гг. Зоомузей исправно выполнял своё основное предназначение — собирать, хранить и предъявлять различным потребителям свои коллекции. Это происходило на фоне острой нехватки средств

на поддержание помещений в надлежащем состоянии, на приобретение необходимого оборудования для хранения коллекций, на организацию полевых исследований: на хронические проблемы такого рода в каждом ежегодном отчёте обращалось особое внимание.

На протяжении 1920-х гг. зоомузейцы совместно с низовцами участвовали в экспедиционных работах, наиболее масштабные из которых организовывались обычно вышеупомянутой КЕПС и местными властями. Понятно, что эти работы преследовали преимущественно «прикладные» цели, но позволяли в ходе решения основных предписанных задач попутно собирать и коллекционные материалы. Наиболее известными и продуктивными были работы в Воронежской губернии в 1919–1921 гг. (С.И. Огнёв, К.А. Воробьёв, В.Г. Гептнер), организованные местным управлением Наркомзема; Кавказская экспедиция (те же лица плюс Н.В. Шибанов), работавшая в 1923 г. на средства местного Отдела защиты растений в восточной части предгорий и гор Большого Кавказа; Туркестанская энтомологическая экспедиция (Е.С. Смирнов, Б.С. Кузин, А.Н. Желоховцев и др.), она проводилась также в 1923 г. под началом Туркестанского наркомзема в оазисах Средней Азии (Закаспийская обл., Сырдарьинский р-н, Семиречье). Кроме того, были достаточно многочисленные поездки более «частного» порядка, в том числе (об этом говорится в годовых отчётах) на собственные средства зоологов. Всего за эти годы удалось участвовать в более чем 50 экспедициях — преимущественно в европейской России, на Сев. Кавказе, в некоторых местах Средней Азии, юга Сибири (Отчёт..., 1923, 1924, 1927; Михайлов, 2002).

Для того, чтобы обеспечить квалифицированный сбор научных коллекционных материалов, сотрудники зоологического отделения выпустили достаточно обстоятельное пособие для полевых коллекторов (Бобринский, Четвериков, 1925).

Значительные как по объёму, так и по научной ценности коллекционные материалы по фауне полярных морей поступали от Плавморина: так, в 1922 г., т. е. в первый же год существования Института, его сотрудники привезли около 6 тыс. экз.; затем такие коллекции поступали ежегодно. Как отмечается в годовых отчётах, они передавались в Зоомузей на временное хранение в ожидании того, когда при Московском университете будет учреждён Океанографи-

ческий музей; особый статус этих коллекций подчёркивался тем, что заведование ими было поручено сотруднику Плавморина (Отчёт..., 1923, 1924, 1927). Однако ожидаемый музей не был создан, Институт в 1929 г. переехал в Мурманск (Зенкевич, 1941), а его коллекции почти в полном составе остались в Зоомузее.

Важным источником пополнения научных фондов Музея стали крупные собрания коллекционеров-любителей, на частное владение которыми новые власти наложили серьёзные ограничения. Некоторые из них, как и коллекции Плавморина, передавались на хранение в Зоомузей с особыми оговорками: за их (бывшими) собственниками сохранялись некоторые преимущественные права; но важно то, что коллекции становились более открытыми для изучения (Отчёт..., 1923, 1924). Такова, например, поступившая в Музей в 1922 г. огромная коллекция из более чем 6 тыс. тушек птиц, собранная известным российским орнитологом С.А. Бутурлиным на северо-востоке Сибири. Ещё более крупной и столь же значимой была коллекция птиц, которую (вместе с особыми сундуками, в которых она хранилась) в 1923 г. пожертвовал Музею другой известный орнитолог Г.И. Поляков: она включала более 7.5 тыс. экз.

Не прекращалась и учётная работа с научными коллекциями Зоомузея. По мере исчерпания возможностей единой «Шнуровой книги» хранители соответствующих секторов в конце 1920-х и начале 1930-х гг. стали постепенно заводить новые — на этот раз по группам хранения. Они носили общее название «Книга для записи [группа хранения] коллекций Зоологического Музея Московского университета» и служили продолжением записей «богдановской» книги (о ней см. предыдущий раздел). В 1927 г. такая книга была начата для орнитологического раздела, в 1928 г. — для маммалиологического (так в титульном названии книги), в 1930 г. — для герпетологического, в 1931 г. — для некоторых групп беспозвоночных (пауки, ракообразные); первые три завизировал В.Г. Гептнер, последние — Е.В. Боруцкий. Кроме того, для орнитологической коллекции в 1929 г. была заведена отдельная «Книга поступлений» новых материалов.

К сожалению, в университетских годовых отчётах за 1920-е гг. отсутствуют сведения об общем объёме хранящихся в Зоомузее коллекций.

За первую половину 1920-х гг. в отчётах отсутствуют сведения и об экспозиционной

деятельности Зоомузея. В 1925 г. заведующий музейной экспозицией С.Д. Перелешин (охотовед по основной специализации) подготовил путеводитель и разработал новый план экскурсионной работы, которые более соответствовали новым веяниям (Михайлов, 2002). В университетском годовом отчёте за 1925–1926 гг. кратко отмечено, что «за отчётный период музей посетили 5641 человек» (Отчёт..., 1927, с. 71). В 1930 г. он, как и прежде, был открыт «дважды в декаду» (Михайлов, 2002).

* * *

В 1931 г. Зоомузей получил неожиданное (хотя и достаточно логичное) очень серьёзное приращение, ставшее следствием административной реорганизации Института и Музея сравнительной анатомии. Как указано выше, в 1930 г. его научная часть была преобразована в академическую лабораторию, которую организовал и возглавил А.Н. Северцов. Музей же (экспозиционный зал со всеми коллекциями) был сначала включён в состав Кафедры зоологии позвоночных животных (его ненадолго возглавил Б.С. Матвеев), а затем в Зоомузей. Таким образом, территориальное соседство в одном здании обратилось в административное единство.

* * *

В конце 1920-х и начале 1930-х гг. ситуация с Зоологическим музеем существенно обострилась. В 1929 г., в рамках выше упомянутой общей кампании по «идеологической чистке», Г.А. Кожевников был отставлен от заведования Кафедрой зоологии, а годом позже был вовсе изгнан из Университета. В ходе этой чистки, продолжавшейся несколько лет, такая же судьба постигла и некоторых других «неблагонадёжных» профессоров (из числа имеющих отношение к Зоомузею — М.А. Мензбир, Б.М. Житков). Начался довольно тяжёлый период истории нашего Музея «после Кожевникова» (который через два года после отставки скончался)...

В 1930 г., как отмечено выше, был утверждён Биологический факультет: его, а заодно также и НИИЗ, возглавила некая А.М. Быховская (на ту пору «идеологически выдержанная», но в 1937 г. уволенная с достаточно обычным для того времени обвинением во «вредительстве» и с ярлыком «разоблачённый враг народа», см.: Летопись..., 2016ш). Согласно «разнарядке» Зоомузей включили в состав Кафедры зоологии беспозвоночных во главе с Б.М. Житковым (Летопись..., 2016у), а затем очень скоро (и

очень ненадолго) в прямое подчинение НИИЗа (Михайлов, 2002), его директором назначили Л.А. Зенкевича. Чтобы подчеркнуть единство Зоомузея и НИИЗа, для них на 1931 г. был составлен общий «производственный план» за подписью Л.А. Зенкевича [архЗМ]. Руководство НИИЗа сразу же затеяло реорганизацию структуры Зоомузея: вместо традиционных отделов по таксономическому принципу (или в дополнение к ним?), предлагалось введение отделов зоогеографии, фауны районов Сибири, животноводства (Михайлов, 2002); это предложение не было воплощено в жизнь.

В связи с подчинённым статусом Зоомузея новые факультетские подразделения и службы, разместившиеся в Зоологическом корпусе, стали всё активнее претендовать на его фондохранилища и экспозиционные залы. Руководство Биофака, радея о внедрении биологического преподавания «нового типа», достаточно быстро привело дело к тому, что, как сказано в докладной записке, «у Зоомузея отняли: площадь для его научной работы и хранения коллекций [...] весь инвентарь и учебное оборудование [...] отнято право распоряжаться тем помещением, которое всегда Зоомузею принадлежало и которое специально для его целей было выстроено» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17). Не удовлетворившись этим, Быховская и её помощник по НИИЗу Е.М. Вермель придумали радикальное средство решения проблемы нехватки места. В одной из справок, адресованных руководству Университета, они сообщили, что «из имеющихся дублетов и мультиплетов коллекций Музея, Зоологический Музей может и предлагает укомплектовать коллекции для втузов или вузов» (ор. cit., с. 16; курс. мой. — ИП). Очевидно, что это означало бы полную ликвидацию Зоомузея как одного из крупнейших отечественных и мировых хранилищ научных зоологических коллекций.

Важно иметь в виду, что предложение руководителей университетской биологии о раздате «дублетного фонда» Зоомузея было тем опаснее, что возникло не на пустом месте. Как отмечено выше, тогдашние официальные идеологи советского музееведения считали музеи классического толка «пережитком прошлого». Чтобы превратить их в «инструмент культурной революции», они рекомендовали обогащать «местные» музеи за счёт центральных, чем и попыталась воспользоваться Быховская.

От угрозы разрушения, исходившей от руководства Биологического факультета и НИИЗа, Зоомузей, по-видимому, спасла его юридическая передача в 1931 г. в прямое (т. е. минуя университетское руководство) ведение музейного отдела Главнауки Наркомпроса. Следует напомнить, что это не было какой-то исключительной акцией: таково было общее предписание Совнаркома о переподчинении всех университетских институтов и музеев Наркомпросу. Судя по «шапкам» директорских приказов по Зоомузею и годовым отчётам [архЗМ], в этой новой структуре его обозначили нейтрально как «Московский зоологический музей».

(В скобках замечу, что такое переподчинение Зоомузея, вообще говоря, было «палкой о двух концах»: как видно из предыдущего комментария, оно могло сработать и против его классической «кунсткамерной» специализации. По счастью, этого не случилось.)

Впрочем, руководство Московского университета не согласилось с новым юридическим положением университетских институций, переподчинённых Главнауке. По этой причине, как было отмечено выше в краткой «летописи» университетских перестроек, Зоомузей в документах Московского университета на всём протяжении 1930-х гг. указывался в составе его Биологического факультета. В качестве частичного признания этого в 1932 г. согласно постановлению Совнаркома «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР» Зоомузей переименовали в «Государственный зоологический музей при Московском государственном университете» (Постановление..., 2012). В продолжение этих «бюрократических игр» в 1933 г. Музейный отдел Наркомпроса подготовил «Положение о Государственном зоологическом музее», подтверждающее его самостоятельный юридический статус (без указания университетской принадлежности). Оно было разработано на основе типового документа, единого для всех музеев Наркомпроса, и утверждено зам. наркома Н.К. Крупской в августе 1934 г. [архЗМ]. В отчёте Зоомузея за только что указанный год он значится как «Центральный государственный зоологический музей», а в последующих отчётах вплоть до 1939 г. — опять как «Московский государственный зоологический музей». Все эти годы Московский университет продолжал решительную борьбу за административное возвращение своих институций, включая Зоомузей,

в состав *Alma mater*, каковая успешно завершилась в 1939 г. (см. далее).

Директором Зоологического музея в его новом статусе в 1931 г. был назначен В.Н. Макаров — специалист по охране природы, основным делом которого была организация сети заповедников в СССР (и антипод Г.А. Кожевникова во взглядах на природоохранную идею, см.: Вайнер, 1991). Это был чиновник высокого ранга, к рассматриваемому времени занимавший ведущие посты в Секторе науки Наркомпроса. Хотя, очевидно, это новое поручение было по сути дополнительной «нагрузкой», Макаров весьма ответственно отнёсся к нему и сделал достаточно много для налаживания в Музее действительно музейной работы.

[Вопрос о том, почему и как выбор пал на В.Н. Макарова, весьма далёкого от музейных дел, требует отдельной проработки на основании изучения архивных материалов. Но надо признать *post factum*, что этот выбор, по-видимому, оказался удачным: положение Макарова в чиновной «табели о рангах» сыграло важную роль в отстаивании Зоомузея от посягательств факультетского начальства, которое для министерского служащего такого уровня было вполне «мелкой сошкой».]

Первое впечатление В.Н. Макарова о состоянии Зоомузея было просто ужасным. В своей записке, направленной в Наркомпрос, он писал, что за «последние 2 года музей превратился просто в склад научных коллекций, хранящихся в хаотическом беспорядке, и всяких других вещей [...] Не велось никакой специфической музейной работы, отсутствовал необходимый учёт всего имеющегося, поступающего и выбывающего научного материала [...] Музей был превращён в проходной двор в прямом смысле этого слова» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17). Макаров счёл «возможным поставить прямое обвинение директору Зооинститута тов. Быховской, в ведении которой находился Зоомузей, всё то запущение, к которому он пришёл к настоящему моменту» (ор. cit., с. 18).

В.Н. Макарову, возглавившему Зоомузей, пришлось бороться не только с факультетским начальством, но и с другими преобразователями музейного дела и музеев. В первую очередь здесь имеется в виду проект директора Биологического музея (создан при Коммунистическом университете в 1922 г., переведён в Наркомпрос в 1926 г., см.: Биологический..., 2015) Б.М. Завадовского о создании в Москве Объединённого

естественнонаучного (он же, согласно некоторым источникам, Центральный биологический) музея под эгидой Наркомпроса. Отчасти это было обращение к идее Г.И. Фишера почти столетней давности (разумеется, без упоминания о нём). По исходному замыслу, этот супермузей должен был объединить существовавшие в то время столичные «родственные» музеи — только что упомянутый Биологический, Зоологический и Дарвиновский. Б.М. Завадовский, критиковавший традиционное представление о музее как об «архиве» (Завадовский, 1932) и потому встретивший понимание в Наркомпросе, в 1933 г. доложил свою идею Музейному отделу последнего и получил предварительное добро на разработку проекта; здание нового музея предполагалось разместить на Ленинских (прежних Воробьёвых) горах (Биологический..., 2015). Однако руководители двух других предлагаемых к объединению музеев категорически не согласились с этой идеей, прежде всего с её «антикунсткамерным» концептуальным ядром, — и она была благополучно забыта.

* * *

На этом этапе истории Зоологического музея 1932 г. стал в известном смысле поворотным — «реконструктивным», как записано в его документах. Новый директор начал (вполне по-чиновничьи, но наверно оправданно) с реорганизации его внутренней структуры, призванной, в отличие от выше упомянутой «низовской», наладить хранительскую и экспозиционную работу [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Эта новая структура отражала как традиционное «таксономическое» деление научных коллекций, так и недавние новшества — присоединение Музея сравнительной анатомии и обязательный акцент на прикладную деятельность.

Соответственно, в Музее были выделены три основных отделения: научно-систематическое (зав. С.С. Туров, с несколькими секциями), филогении (на основе экспозиции бывшего Музея сравнительной анатомии, зав. Б.С. Матвеев) и охотничьего хозяйства (преимущественно с экспозиционными функциями, зав. С.Д. Перелешин). Главным назначением первого было определено хранение и изучение научных коллекций, в нём выделили секции по крупным таксонам животных — более дробные, чем при Кожевникове, и почти без изменений существующие до сих пор. Первоначально они назывались в основном по-русски: млекопитающих, птиц, рептилий и земноводных, рыб, на-

секо́мых, беспозвоночных животных. Первыми заведующими секций стали (в порядке их перечисления): В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Н.В. Шибанов, Г.В. Никольский, Б.С. Кузин (с 1936 г. А.Н. Желоховцев), Г.Г. Абрикосов. В 1935 г. их названия были по возможности «латинизированы»: териологии, орнитологии, герпетологии, ихтиологии, энтомологии. В 1937 г. отделения были ликвидированы, секции переименовали в отделы, филогенетическое отделение было преобразовано в отдел эволюционной морфологии (с тем же заведующим до 1938 г.). В соответствии с последним пунктом Зал сравнительной анатомии также был переименован: отныне (и по сей день) он стал называться Залом эволюционной морфологии.

Частью административной реформы, затеянной Макаровым, стало введение в 1932 г. должности заместителя директора музея по научной части, которую занял С.С. Туров [Отчёт... 1932 г.: архЗМ]. Надо сказать, что в силу выше отмеченной занятости В.Н. Макарова на основной работе он появлялся в Музее едва ли чаще одного–двух раз в неделю, многие вопросы с ним приходилось решать «заочно» (Михайлов, 2002). Поэтому должность заместителя была более чем значимой: от выбора персоны, руководившей Музеем в «оперативном» режиме, зависело очень многое — и этот выбор, как показали следующие полтора десятилетия, оказался очень удачным. Турову поручалось, в отсутствие директора, руководить всей научной и хранительской работой, а также осуществлять научное курирование экспозиционной части Музея.

В ходе реорганизации значительно возросли финансы и штаты Зоомузея. До 1932 г. в музее числилось 7 научных работников, в 1932 г. их стало 15, к которым добавили 11 единиц технического персонала [Отчёт... 1932 г.: архЗМ].

В том же 1932 г. и в ближайшие последующие годы в штатном расписании происходили определённые изменения вслед за поступлением очередных директив (отчасти были начаты в 1924 г., см. выше). Некоторые заведующие секциями были «перелицованы» в старших научных сотрудников (Гептнер, Кузин, Желоховцев, Дементьев), прочие «научники» — в научных сотрудников 1-го разряда [Приказы... 1932 г.: архЗМ], техническому персоналу был присвоен статус сотрудников 2-го разряда. В 1934 г. некоторым старшим научным сотрудникам, по «лекалу» научно-исследовательских институтов (в

частности, НИИЗа, см. выше), было присвоено звание «действительный член Зоологического музея МГУ»: в таком качестве в отчёте за 1935 г. указаны В.Г. Гептнер, С.С. Туров, А.А. Парамонов, Г.П. Дементьев [Отчёт... 1935 г.: архЗМ]. В 1935 г. в связи введением положения об учёных степенях в Зоомузее докторами биологических наук стали В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, С.С. Туров, кандидатами — Е.В. Боруцкий, Н.А. Гладков, А.Н. Желоховцев (все без защиты); в 1938 г., согласно уточнённому положению, Г.В. Никольский первым в Зоомузее защитил докторскую диссертацию.

Особым распоряжением Сектора науки Наркомпроса в 1932 г. Зоомузею было предписано издавать сборник «Известия Зоологического музея» для публикации результатов научных исследований [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Он в какой-то мере позволял возместить прекращение издания «Известий ОЛЕАЭ» в связи с ликвидацией этого Общества в 1931 г. По видимому, выпуски музейных «Известий...» не выходили, в 1933 г. их переименовали в «Труды Зоологического музея» [Отчёт... 1933 г.: архЗМ]. Этот сборник стал ежегодным, его первые тома регулярно выпускались вплоть до 1941 г., затем последовал значительный перерыв.

В середине 1930-х гг., вслед за существенным увеличением научных штатов Музея и подкреплением их статуса соответствующими названиями должностей и степенями, была предпринята серьёзная попытка освободиться от навязанного Музеем доминирующего «просветительского» стереотипа. В частности, на одном из производственных совещаний в 1934 г. была принята следующая резолюция: «Подчинение научно-исследовательской работы Зоомузея целиком задачам экспозиции считать невозможным [...] в его задачи [...] входит не только научная работа, связанная с экспозицией и имеющая целью ознакомить посетителей с фауной СССР и мира [...] но и научная работа по систематике и зоогеографии, далеко выходящая за пределы экспозиции» (Михайлов, 2002, с. 26–27). Эта декларация, идущая вразрез с официальными установками, имела под собой более чем серьёзные основания: так, в 1934 г. начал выходить многотомный «Полный определитель птиц СССР», в подготовке которого принимал участие Г.П. Дементьев; в 1936 г. В.Г. Гептнер издал фундаментальный труд «Общая зоогеография»; Г.Г. Абрикосов написал раздел по мшанкам для 1-го тома сводки «Животный

мир СССР» (вышел в 1936 г.); здесь же следует указать серьёзные региональные обзоры Г.В. Никольского «Рыбы Таджикистана» (1938) и «Рыбы Аральского моря» (1940). Отдельного упоминания заслуживают весьма оригинальные идеи в области систематики, которые развивал Б.С. Кузин: в то время они не могли быть обнародованы, их опубликовали много позже в форме отдельных статей («Принципы систематики», 1987; «Упадок систематики», 1992).

В подкрепление этого направления деятельности Зоомузея в 1935 г. в его структуру был введён Учёный совет, обязательный для всех музеев Наркомпроса [Отчёт... 1935 г.: архЗМ]. Как видно из готовых отчётов за 1935–1937 гг., на нём заслушивались сугубо научные доклады, т. е. он фактически выполнял функции научного семинара. В последующих отчётах этот Совет не упоминается.

В отчёте Зоомузея за 1938 г. названия его штатных научных единиц выглядят уже вполне по-современному: профессор (Дементьев, Гептнер, Никольский), ст. научн. сотр. (Шибанов, Желоховцев, Гладков, Дружинин и др.), научн. сотр. (Гофман, Птушенко и др.). В годовых отчётах Зоомузея конца 1930-х гг. отмечено, что некоторые научные сотрудники выполняют лаборантские обязанности (например, Л.Г. Турова в 1939 г.).

* * *

Большое значение для развития Музея имело постепенное освобождение его залов и некоторых других помещений от занимавших их сторонних организаций. Первым в 1930 г. из Нижнего зала выехал Плавморин, которого перебазировали ближе к месту его работы в Мурманск (Зенкевич, 1941). В 1934 г. из «анатомического» крыла Зоологического корпуса выехала «северцовская» лаборатория: в связи с переездом руководства Академии наук из Ленинграда в Москву она была преобразована в академический Институт эволюции животных, получивший здание в начале Большой Калужской улицы (теперь Ленинский проспект; речь идёт о нынешнем ИПЭЭ РАН, см.: История создания..., 2005). Это позволило наладить столь важные для музея функции хранения и экспонирования коллекций.

Частичное освобождение помещений Зоомузея позволило прежде всего упорядочить хранение систематических коллекций; впрочем, эта «упорядоченность» была относительной, поскольку многие материалы размещались по

«лоскутному» принципу — там, где для них удавалось подыскать место (Антонова, 1991; Веригина, 1991; Иксанова и др., 1991б; Орлова, 1991; Павлинов, Яхонтов, 1991; Томкович, 1991; Михайлов, 2002). Все материалы по беспозвоночным животным исходно (с начала 1900-х гг.) были размещены вместе с показными в витринах Нижнего зала. После освобождения последнего от посторонних предметов и людей его заднюю четверть специально отгородили для части научных фондов насекомых и некоторых других беспозвоночных. Кроме того, значительную часть коллекций отдела беспозвоночных разместили в подвальном помещении, а некоторые шкафы с насекомыми — в отгороженной торцевой комнате, примыкающей к вестибюлю («под мамонтами»). Ихтиологическую и герпетологическую коллекции разместили в основном в подвале «анатомического крыла» здания Зоологического корпуса. Большая часть коллекций птиц и млекопитающих (тушки, черепа) помещалась на хорах Верхнего зала; при этом вдоль стен были расположены шкафы для коробок с мелкими объектами, а вдоль перил стояли сундуки с крупными тушками и шкурами. Сундуки со скелетами крупных млекопитающих распихали в нескольких центральных помещениях подвала Зоомузея. На хорах также были обустроены рабочие места сотрудников, отгороженные от основного пространства решётками, поэтому их в обиходе называли «клетками».

В связи с общей линией на упорядочение хранения и использования коллекций, в 1932 г. были приняты соответствующие регулирующие меры [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Новое руководство Музея утвердило и ввело в действие «Правила пользования материалами и коллекциями Зоологического музея МГУ» из 16 пунктов. Научные коллекции отныне предписывалось заносить в инвентарные книги в том же общем порядке, что и «прочие материальные ценности» (так было и в «Шнуровой книге» при Богданове). Право предоставлять доступ сторонним специалистам к коллекциям и выдавать их во временное пользование, вести всю переписку от имени Зоомузея стало прерогативой директора или его заместителя по научной части (*ibid.*). Стоит напомнить, что такие же строгости в обращении с коллекциями в 1910-е гг. вводил Г.А. Кожевников (см. выше).

Реорганизация структуры фондов Музея и ростом объёма коллекций обусловили некоторое изменение системы их учёта. Её разработка

была поручена В.Г. Гептнеру, который в 1932 г. был командирован в Зоологический институт Академии наук (Ленинград) для ознакомления с принятыми там правилами (Михайлов, 2002).

Макаров узаконил начавшуюся складываться практику ведения отдельных учётных книг по группам хранения. Единая «Шнуровая книга» была разброшюрована (по-видимому, в 1932 г.), её разделы по позвоночным животным, а также по всем беспозвоночным (без насекомых) были розданы по соответствующим секциям, каждый из разделов был вновь сброшюрован и прошнурован. «Остатки», не разошедшиеся по секциям («бухгалтерские», с данными по насекомым и др.), были вновь соединены в единую книгу, но её более не заполняли. Отдельные «Книги поступлений» были начаты в секции пресмыкающихся (1932 г.) и млекопитающих (1932 г.). В 1934 г. были начаты отдельные учётные книги по отдельным классам моллюсков (завизированы Б.Н. Цветковым). Следует заметить, что «прочие материальные ценности» в этих вновь заводимых «Книгах для записи коллекций» не регистрировались. В секции энтомологии в 1936 г. завели книгу для регистрации рассылки фондовых коллекций.

Ввиду прекращения заполнения исходной «Шнуровой книги» для регистрации новых пополнений коллекционных фондов завели «Книги поступлений», также индивидуально по секциям. В секции насекомых такая книга стала единственной учётной (позкземплярный учёт по понятным причинам не вёлся).

В секции млекопитающих, помимо таких книг, завели (вероятно, в 1935 г.) повидовую картотеку: карточки формата А5 представляли собой нечто вроде «накопительных ведомостей», в которые последовательно заносили сведения о материалах, поступающих в коллекцию по данному виду. Такую же форму имела так называемая «картотека дарителей»: в ней «накопительные карточки» заполнялись для каждого человека или учреждения, передававшего свои материалы в Зоомузей.

Для налаживания административного контроля за присутствием и деятельностью сотрудников на рабочих местах были введены особые формы. Одной из них стал «Журнал учёта», в котором сотрудники обязаны были отмечать время прихода и ухода. Вдобавок была заведена особая «Книга служебных поездок...», назначение которой состояло в регистрации так называемых «городских командировок» музейцев.

Понятно, что всё это было не особой прихотью руководства Зоомузея, но выполнением соответствующих руководящих распоряжений. В таком статусе, меняя время от времени форму, эти регистрационные журналы просуществовала в до конца 1980-х гг.

* * *

Существенная реорганизация музейных помещений и штатов позволила заметно активизировать пополнение научных фондов Зоомузея. Одной из важных предпосылок к этому стало начало активных эколого-фаунистических исследований в России, в которых участвовало большое число зоологов. Такой характер поступлений на десятилетия вперёд определил специфику Зоомузея как преимущественно массового собрания по видам животных Северной и Восточной Палеарктики. На этой основе стали проводиться исследования по структуре внутривидового разнообразия, значимые для развития подвидовой систематики.

Свой акцент в сбор новых коллекционных материалов добавила основная специализация директора В.Н. Макарова: усилия зоомузейцев были направлены на экспедиционное обследование территорий, где планировались новые заповедники. Музей организовывал поездки в Башкирию (1934 г.), на Алтай (1934–1935 гг.), в Мордовский заповедник (1936 г.), в Тиманскую тундру (1938 г.), в них участвовали С.С. Туров, В.Г. Гептнер, Н.А. Гладков, некоторые другие музейцы. Кроме того, благодаря налаженным прямым связям с заповедниками (за это отвечал В.Г. Гептнер) оттуда стали поступать коллекционные сборы, которые проводили в ходе фаунистических обследований местные зоологи. Наиболее многочисленными были поступления такого рода из Кавказского, Курского, Кондо-Сосьвинского, Печёро-Илычского, Кроноцкого заповедников. Большие коллекционные сборы поступали от по-прежнему действующей Аральской экспедиции (1935–1936 гг., Г.В. Никольский).

Важным источником пополнения коллекций Зоомузея были крупные поступления из «дружественных» ему учреждений. Так, в 1937 г. из Дарвиновского музея была передана коллекция птиц Алтая и Монголии, оставшаяся после покойного академика П.П. Сушкина. Другую большую орнитологическую коллекцию на постоянное сохранение в Зоомузей передало МОИП — более 5 тыс. экз. из сборов В.Н. Бостанжогло, П.В. Серебровского.

Как и десятилетием ранее, в фонды Музея вливались некоторые крупные частные собрания российских зоологов. Среди них необходимо особо отметить насекомых и паукообразных, собранных будущим директором Музея Н.Н. Филипповым в Передней Азии (около 10 тыс. экз.). В 1936–1937 гг. известный энтомолог-любитель А.К. Мольтрехт пожертвовал Музею значительную коллекцию бабочек с Дальнего Востока. Значительным добавлением стала личная коллекция С.И. Огнёва — более 7 тыс. экз. мелких млекопитающих (правда, она была не пожертвована, а продана её владельцем, причём за довольно «круглую» по тем временам сумму).

Общий количественный порядок новых поступлений на протяжении 1930-х гг., не в пример пошлым десятилетиям, стал весьма высоким: в год поступало от 24 до 30 тыс. экз. В годовых музейных отчётах суммарный объём научных фондов Музея за этот период не указывался; по некоторым оценкам, к концу 1930-х гг. они насчитывали около 1.2 млн экз., из которых более половины приходилось на насекомых (Иксанова и др., 1991).

* * *

С 1932–1933 гг. в связи с высвобождением залов и под влиянием новых «руководящих идей» стала постепенно налаживаться экспозиционная работа: во всяком случае, в отчёте Зоомузея за 1934 г. отмечено, что эта работа «началась только в 1932 г.» [Отчёт... 1932 г., с. 3: архЗМ]. Вся подготовка нового содержания и оформления экспозиции была поручена научным сотрудникам во главе с С.С. Туровым [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. В Верхнем зале, в дополнение к прежней экспозиции птиц и млекопитающих, были выставлены показательные материалы герпетологического и ихтиологического отделов: таким образом, по содержанию он стал «Залом позвоночных животных». Поскольку за экспозиционную работу отвечало «отделение охотничьего хозяйства» (см. выше), выставленные в Верхнем зале материалы были реорганизованы соответственным образом: витрины показывали промысловое хозяйство тундры, тайги, степей и пустынь, крупных водоёмов. В Нижнем зале были выставлены коллекции всех беспозвоночных животных, при входе в него оформлены (ненадолго) два особых раздела — по задачам охотничьего хозяйства (частью которого стали показательные материалы по китообразным) и по фауне четвертичного периода. В 1933 г. Нижний зал наконец-то был

открыт для посетителей — впервые после переезда Музея в здание Зоологического корпуса в начале 1900-х гг.

Заметно улучшилась ситуация с Залом сравнительной анатомии. В музейном отчёте за 1932 г. отмечено, что «лишь в 1932 г., ставши отделом Филогении Зоологического Музея, бывший Музей Сравнительной Анатомии 1-го МГУ смог сойти с мёртвой точки, на которой он стоял, не способный к прогрессу из-за отсутствия материальных средств и рабочей силы. И этот первый 1932 реконструктивный год, несмотря на ряд недочетов, нужно расценивать как гигантский шаг вперёд в жизни Музея Сравнительной Анатомии» [Отчёт... 1932 г., с. 42: архЗМ]. Следующим таким шагом стал выше упомянутый выезд «северцовской» лаборатории, благодаря чему полностью был освобождён Зал сравнительной анатомии.

В 1934 г. новый заведующий экспозицией биолог-эволюционист А.А. Парамонов стал настаивать на возвращении традиционного принципа организации показательных коллекций. Он считал необходимым не только следовать систематическому способу, но также выделить особый раздел, рассказывающий о зоологии и систематике как научных дисциплинах, об истории их развития. На следующий год для воплощения этой идеи в Нижнем зале был организован вводный отдел, иллюстрирующий «основные понятия классификации животных, разделы дарвиновского учения, положенные в основу классификации, филогенетические отношения отдельных групп животных (родословная схема)» (Туров, Дементьев, 1940, с. 186). Одновременно с этим поменяли местами несколько экспозиционных разделов: из Верхнего зала в Нижний перенесли низших позвоночных, в противоположном направлении — общий раздел по охотничьему хозяйству; ископаемые материалы переместили в Зал сравнительной анатомии [Отчёт... 1934 г.: архЗМ].

В новом обустройстве экспозиции большую роль играли пополнившие штат Зоологического музея «чучельщики». Сюда пришли работать прямые ученики Лоренца — В.К. Федулов (потомственный таксидермист) и П.Н. Большунов, а также участник монгольских экспедиций П.С. Савельев; позже к ним добавились (и частью заменили) более молодые П.С. Николаев и Н.К. Назьмов. Среди появившихся в то время интересных работ, выставленных в экспозиции по сей день, — например, чучело льва. По вполне

понятным финансовым причинам таксидермисты трудились не только в Зоомузее, но и в других учреждениях музейного профиля. Поэтому сходным образом сделанные чучела, диарамы и биогруппы можно увидеть не только в Зоологическом, но и, например, в Дарвиновском музее.

При перестроении экспозиционных залов Зоо музея в 1930-е гг. был использован уже упоминавшийся выше иллюстративный принцип: значительное внимание было отведено их художественному оформлению. В Верхнем и Нижнем залах и в вестибюле Музея было выставлено большое количество больших картин (панно), призванных показывать обитателей нашей планеты в их «живом» облике и в естественной обстановке. Это позволило в какой-то степени дополнить значительно оживляющие экспозицию биогруппы, которых в Музее явно недоставало. Зал сравнительной анатомии украсили большие картины, показывающие основные этапы развития жизни на Земле; чтобы эти реконструкции были достоверными, материалы для них подготовили Б.С. Матвеев и А.Н. Дружинин. Вдобавок к этому стены Нижнего зала по бокам от входа украсили фрески, имитирующие петроглифы первобытных людей, что вполне гармонировало с выставленной здесь в то время «четвертичной» экспозицией. Основу всей этой своеобразной художественной галереи составили произведения В.А. Ватагина, который специально для оформления экспозиции был взят в штат Зоо музея в 1932 г. научным сотрудником [Приказы... 1932 г.: архЗМ] и служил в нём по 1958 г. Работы Ватагина украшают ещё два музея Москвы — Дарвиновский и Биологический. В экспозиционных залах Зоо музея были выставлены также картины А.Н. Комарова, В. Кунерта, Х. Унгевиттера и некоторых других художников-анималистов.

Во второй половине 1930-х гг. Зоо музей стал организовывать временные выставки, в том числе выездные (в Таганском парке, в Сокольниках и др.). С учителями Москвы регулярно проводили семинары по зоологии. Сотрудники Музея читали лекции в колхозах, школах, клубах, на фабриках и заводах. Для того, чтобы привлечь посетителей в залы Музея, по школам и организациям стали рассылать специально отпечатанные рекламные афиши и открытки.

Всё это сыграло свою положительную роль. Если в 1932 г. посетителей было всего около 600 человек, то в 1933 г. — уже более 13 тыс., в 1936 и 1937 гг. — около 30 тыс., в 1938 г. —

около 67 тыс., в 1939 г. — около 107 тыс. человек; из них не менее двух третей составляли «организованные посетители», т. е. участники экскурсий ([Годовые отчёты Зоо музея: архЗМ]; цифры повторены в: Мануильская, 1941; Иксанова и др., 1991а,б; Михайлов, 2002). В этой положительной динамике большое значение имела не только возросшая активность самого Музея: посещение его экспозиций было включено в обязательные учебные планы средних школ Москвы.

В 1937 г. при Зоо музее был создан кружок юных биологов, что соответствовало развитию массового юннатского движения в стране. Это движение породило такие знаковые объединения как Кружок юных биологов Московского зоопарка — знаменитый КЮБЗ (основан в 1924 г.). Впрочем, за музейным кружком особо значимых дел в те годы не значилось — наверное, просто не хватило времени.

* * *

В 1939 г. в судьбе Зоо музея произошёл очередной поворот, замкнувший круг преобразований. По приказу наркома просвещения, согласно неоднократным обращениям руководства Московского университета, он возвратился в Alma mater и опять стал университетским не только по размещению в Зоологическом корпусе, но и по административному подчинению (в составе Биологического факультета). Это зафиксировано в новом Уставе Московского университета, утверждённом в 1939 г., согласно которому официальное положение «Музея зоологии» (так он обозначен в Уставе) было определено как «подразделение биологического факультета» (Летопись-Устав..., 1939). В собственных документах Зоо музея отмечено, что он «вошёл в число научно-исследовательских учреждений Университета, на правах титульного учреждения, с самостоятельным государственным бюджетом и существующего по особому положению» [Сводные данные... 1939 г., с. 7: архЗМ]. В тех же музейных (но не университетских) документах он значится под современным названием «Зоологический музей МГУ».

Наверное, это возвращение было в общемто благим шагом. Однако трудно сказать, во что оно могло бы вылиться в те сверхидеологизированные времена. Ибо начало было очень уж странным и едва ли многообещающим...

В связи с указанными административными изменениями В.Н. Макаров оставил пост

директора Зоологического музея (заслужив слова признательности за свою многотрудную деятельность). Руководить Музеем назначили не заместителя по научной части С.С. Турова, как то диктовала здравая логика, а людей, едва ли глубоко понимающих специфические музейные проблемы и тем более способных их решать (соответствующие «оценочные суждения» о них см. в: Любарский, 2009). Директором Музея, во главе которого в своё время стояли корифеи отечественные зоологи — профессора и академики, сначала назначили аспиранта Н.С. Ульянина (как единственного члена ВКПб в Зоомузее), а через полгода его заменил уже упоминавшийся энтомолог-любитель Н.Н. Филиппов, для которого основной была служба в «компетентных органах».

Эту странную «административную чехарду» прервала величайшая трагедия — началась Великая Отечественная война...

* * *

Беспокойная жизнь Зоомузея во время военных лет достаточно подробно изложена в годовых отчётах, хранящихся в его архиве, как-то главным образом и положены в основу нижеследующего краткого очерка.

В связи с началом войны Зоологический музей в июле 1941 г. был закрыт для публики (в первое полугодие его посетило более 57 тыс. человек). В сентябре были временно уволены некоторые сотрудники (Г.В. Никольский, А.Н. Дружинин, В.А. Ватагин и др.), исключены должности экскурсоводов (восстановлены в 1955 г.). А.Н. Желоховцев, Н.А. Гладков и В.К. Федулов были мобилизованы в армию; место Желоховцева занял вернувшийся в Зоомузей Н.Н. Плавильщиков.

В октябре и ноябре 1941 г. в связи с угрозой сдачи Москвы немцам ведущие государственные учреждения, в том числе многие подразделения Университета, эвакуировали — повторилась история 1812 г. Для Университета основным местом временного размещения был определён Ашхабад, какую-то часть его подразделений отправили в Свердловск: в оба города несколькими эшелонами вывезли множество университетского имущества и сотрудников. Среди последних в основном были профессора и учёные преклонного возраста; более молодые (аспиранты и др.) выбирались из Москвы пешими колоннами, их потом также загружали в поезда и отправляли в места назначения (История..., 1955б; Летопись..., 2016э). Люди

прибыли в Ашхабад в основном в декабре, а в январе 1942 г. пришли эшелоны с имуществом. Среди эвакуированных туда зоомузейцев были В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Н.В. Шибанов и ещё несколько человек.

С музейной коллекцией во второй половине 1941 г. происходила такая история. По распоряжению Н.Н. Филиппова наиболее ценные материалы (включая энтомологические сборы Мочульского, Эшшольца, скелет стеллеровой коровы, шкуры крупных млекопитающих и др.) упаковали в 85 сундуков, которые были перевезены в Южный порт на Москве-реке, чтобы там погрузить на баржу и отправить в Нижний Новгород — как и в 1812 г., но на этот раз водным путём. Однако сундуки там пролежали около месяца под открытым небом, предоставленные самим себе и непогоде, после чего их привезли обратно в Зоологический корпус. После осмотра и просушки эти коллекции опять упаковали в сундуки и отправили железной дорогой в Ашхабад вместе с другим университетским имуществом. Некоторые из этих временных вместилищ, вернувшиеся с коллекциями в Москву, и по сию пору можно увидеть в Зоомузее, их легко опознать по соответствующим «эвакуационным» надписям.

Оставшиеся в Москве коллекции снесли частью в Нижний зал, частью в подвал Музея, некоторое их количество укрыли в подвале химического склада Университета. Это были в основном ящики с насекомыми, которым переезд в тряских вагонах грозил неминуемыми разрушениями, большое количество стеклянных банок с заспиртованными и заформалиненными животными. Однако неподходящие условия хранения в подвальных помещениях привели к тому, что «коллекции сильно попортились: заплесневели пузыри, которыми были закрыты банки, отвалились наружные этикетки» [Отчёт... 1942 г., с. 1–2: архЗМ]. Кроме того, в результате всех этих масштабных перетасовок и перемещений систематический порядок, который наводили в коллекциях десятилетиями, был полностью нарушен.

В конце октября 1941 г. во время одной из немецких бомбёжек центра Москвы во двор Аудиторного корпуса Университета упала большая фугасная авиабомба. От её взрыва досталось и зданию Зоомузея: взрывной волной в Верхнем зале были разбиты окна, витринные стёкла, стеклянное потолочное перекрытие. При реставрации зала в конце 1943 г. в этом перекрытии

стекло заменили железом, в витрины вместо зеркальных стёкол пришлось временно вставить оконные.

Н.Н. Филиппов в октябре 1941 г. выехал из Москвы, не известив об этом Зоомузей. Исполнение директорских обязанностей приказом ректора было возложено на С.С. Турова, в начале 1942 г. он был утверждён в должности директора. Под его руководством работали недавно поступившие в Музей молодые сотрудники М.В. Васильева, А.А. Световидова, А.М. Судилова, Л.Г. Морозова-Турова (жена С.С. Турова), а также Д.М. Вяжлинский. В связи с эвакуацией «старожилов» исполняющими обязанностей заведующих отделами стали: Б.Н. Цветков — по беспозвоночным (указание у Любарского, 2009, на Е.В. Боруцкого ошибочно), Плавильщиков — по насекомым, Световидова — по ихтиологии и герпетологии, Судилова — по орнитологии, Морозова-Турова — по териологии; отдел эволюционной морфологии опекал, по-видимому, Д.Н. Гофман. Кроме того, многие из них составили группу противовоздушной обороны и ночами поочерёдно дежурили на крыше Музея — оберегали здание от зажигательных бомб. В 1943 г. в штат Музея (в отдел териологии) был зачислен В.И. Цалкин, проработав в нём до 1950 г. В здании Зоомузея получил своеобразную «постоянную прописку» С.И. Огнёв (с 1941 г. и до конца жизни — штатный профессор Педагогического ин-та им. В.П. Потёмкина): он занял директорский кабинет, не покладая рук трудясь над очередными томами своих «Зверей...».

* * *

Несмотря на это невероятно тяжёлое время, Московский университет очень скоро начал мало-помалу возвращаться к нормальной деятельности. Осенью 1942 г. постепенно возвращавшиеся профессора и доценты стали читать лекции, принимать и выпускать студентов, а учёные приступили к своим исследованиям. Зоологический музей также начал (в который раз) возрождаться к нормальной жизни [Отчёт... 1942 г.: архЗМ].

Уже в марте 1942 г. его экспозиционные залы на втором этаже были открыты, причём в Верхнем зале были выставлены представители всех типов животных — от простейших до хордовых. Экспозиция была доступна все дни недели, кроме понедельника. Посетителей было, разумеется не так много — в 1942 г. 6.6 тыс. и в 1943 г. 7.7. тыс. человек. Нижний же зал

по-прежнему служил временным хранилищем коллекций, его открыли для публики в 1945 г.

Эвакуированные в Ашхабад зоомузейцы, пользуясь пусть и несчастливой, но благоприятной возможностью, летом 1942 г. проводили научные экспедиционные работы в местах своего временного пребывания. В.Г. Гептнер исследовал позвоночных животных Бадхыза, Г.П. Дементьев работал в окрестностях Гассан-Кули, Н.В. Шибанов — в Репетеке. Оставшиеся в Москве зоологии по мере возможности также совершали экспедиционные поездки: так, в 1943 г. С.С. Туров коллектировал на Кавказе.

В сентябре 1942 г. научные сотрудники Зоомузея почти в полном составе вернулись в Москву и после восстановления в штате приступили к исполнению своих обязанностей; на один год в Свердловске задержался В.Г. Гептнер.

В 1943 г. в Москву были возвращены (в те же деревянно-фанерных сундуках) эвакуированные в Ашхабад материалы проездом через Свердловск (видимо, в сопровождении В.Г. Гептнера). Вместе с ними прибыли и собранные в Туркмении новые коллекционные материалы — несколько тысяч экз. птиц, млекопитающих, рептилий, рыб, насекомых. В 1944 г. спиртовые коллекции отдела беспозвоночных были перенесены из подвала в Нижний зал, а также в небольшую комнату слева перед входом в него (так называемая «сотка»). В 1945 г. герпетологические материалы также переместили из подвала в Нижний зал, благодаря этому в подвале было расширено помещение для ихтиологических коллекций. В этом же году шкафы с энтомологическими коллекциями переместили с хоров Верхнего зала в Нижний зал, на хоры возвратили коллекции млекопитающих и птиц.

Таким образом, научные коллекции позвоночных животных по большей части заняли свои прежние места. Коллекции отдела беспозвоночных оказались рассредоточенными по нескольким помещениям: они заняли часть подвала, «сотку», «междушкафья» витрин Нижнего зала и его отгороженную заднюю часть [Отчёт... 1944 г.: архЗМ]. Рассредоточенными по разным помещениям Музея оказались и обширные энтомологические коллекции. Однако несколько позже в связи с разрастанием не только коллекций, но и администрации и учебных подразделений Биологического факультета порядок размещения некоторых коллекционных фондов опять пришлось нарушить: часть скелетов и черепов копытных млекопитающих,

череп китообразных, а также часть ихтиологических коллекций были вновь перенесены в подвальное помещение (млекопитающие — в так называемую «кишку»). Большой проблемой стала нехватка жидких фиксаторов, из-за чего страдали все «влажные» коллекции — собрания беспозвоночных животных, ихтиологические, герпетологические.

В 1945 г. была введена должность учёного секретаря Зоомузея, которую занял Н.А. Гладков [Отчёт... 1945 г.: архЗМ], в 1948 г. он стал заведовать отделом орнитологии, а должность учёного секретаря перешла к Д.М. Вяжлинскому [Отчёт... 1948 г.: архЗМ]. В том же году вернувшиеся в Музей сотрудники старшего поколения вновь возглавили отделы: В.Г. Гептнер — териологии, Г.П. Дементьев — орнитологии. Исполнение обязанностей заведующего отделом эволюционной морфологии было сохранено за Д.Н. Гофманом, отделом ихтиологии — за А.А. Световидовой; для заведования отделом беспозвоночных животных был приглашён И.И. Малевич. В 1946 г. был демобилизован и по возвращении в Музей приступил к заведению отделом энтомологии А.Н. Желоховцев, в связи с чем Н.Н. Плавильщикова перевели на должность заведующего отделом экспозиции; заведовать отделом герпетологии назначили только-только зачисленного в штат Зоомузея орнитолога Е.Н. Спангенберга (Н.В. Шибанов в 1943 г. был назначен заместителем декана Биологического факультета и ушёл из Музея). Заведовать таксидермической мастерской назначили одного из старейших «чучельщиков» П.С. Николаева.

В 1944 г. в штате Зоомузея состояло 24 человека, из них 13 научных сотрудников; в 1946 г. последних числилось уже 20 человек. В Музее по-прежнему не было «официальных» (должностных) хранителей: эти обязанности были возложены на научных сотрудников. Ближе к концу 1940-х гг. в музейных годовых отчётах стали регулярно появляться жалобы на острую нехватку технического персонала: так, в 1948 г. в Зоомузее было только три штатных лаборанта.

Из-за всеобщей тесноты сотрудники сидели чуть ли не на «головах» друг у друга. Так, в комнате справа перед входом в Верхний зал были рабочие места профессоров С.С. Турова, Г.П. Дементьева, В.Г. Гептнера (последний, впрочем, «отвоевал» для себя директорский кабинет после кончины С.И. Огнёва в 1951 г.).

* * *

Важной частью нормализации хранительской работы с коллекциями, естественным образом сопряжённой с их выверкой и размещением в систематическом порядке на прежних местах, стало налаживание учётной документации. Эта работа была не только возобновлена, но и отчасти усовершенствована. Териологии и орнитологи в конце 1940-х гг. возобновили повидовую картотеку, но данные заносили в карточки формата А4. Кроме того, они же завели поэкземплярные каталоги (карточки в формате библиографических), причём в отделе орнитологии основа была изготовлена типографским способом, а в отделе териологии первые карточки линовали от руки.

Довольно скоро стала налаживаться и плановая экспедиционная работа. Сотрудники Зоомузея и НИИЗа ездили для сбора научных коллекций на Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Одной из крупнейших стала Амурская экспедиция, которой руководил Г.В. Никольский: она была организована в 1945 г. для изучения рыбных запасов и гидробиологии Амура и продолжалась до 1949 г. В ней принимали участие не только ихтиологи и гидробиологи, но и учёные других специальностей: в частности, для Зоомузея там собирал коллекции по водным беспозвоночным Е.В. Боруцкий. В 1949–1953 гг. была организована комплексная экспедиция в южные степные районы европейской части России в связи с организацией там лесных полос, также принёсшая немало интересных новых коллекций. Зоологи-позвоночники участвовали в фаунистических исследованиях Туркмении (Дементьев, Спангенберг, Туров, Гептнер) и Армении (Туров, Цалкин, Морозова-Турова), организованных местными филиалами АН СССР. Кроме того, продолжались фаунистические обследования территорий, предназначенных к организации заповедников: одним из них стала экспедиция в Читинскую область (Гладков, Желоховцев).

Среди материалов, поступавших в первые послевоенные годы от сторонних организаций, особый интерес представляют большие многолетние сборы по млекопитающим из Монголии от А.Г. Банникова и В.Н. Скалона (в общей сложности несколько тыс. экз.), несколько сотен тушек птиц из разных заповедников Сибири и Дальнего Востока.

В Музей были переданы некоторые частные коллекции по насекомым, оставшиеся после смерти их владельцев. Среди наиболее интерес-

ных можно упомянуть сборы В.Н. Вучетича по перепончатокрылым (более 4 тыс. экз.), жесткокрылые из Манчжурии (сборы В.Ф. Люде, почти 4.5 тыс. экз.).

* * *

Во второй половине 1940-х гг. из стен Музея стали одна за другой выходить крупные научные сводки, материалы для которых накапливались за военные и первые послевоенные годы. Так, уже в 1945 г. В.Г. Гептнер опубликовал работу «Гады Бадхыза». Орнитологи Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко и А.М. Судилова выпустили в свет новое «Руководство к определению птиц» (1948 г.). Сразу после этого они же, с привлечением большого числа соавторов (среди них Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг), приступили к подготовке многотомного издания «Птицы Советского Союза» (начало выходить в 1951 г.), за которое получили Государственную премию. Уместно заметить, что такую же премию за работу Амурской экспедиции получили Г.В. Никольский и Е.В. Боруцкий. Стоит упомянуть также последние прижизненные тома «Зверей...» С.И. Огнёва: их автор, хоть и не числился официально в штате Зоомузея (см. выше), именно в его здании готовил тексты и иллюстрации, а в предисловии указал, что основой книги послужили коллекции Зоомузея.

Однако с изданием ежегодных «Трудов...» у Зоомузея были большие проблемы. В 1945 г. музейцы собрали и в 1946 г. сдали в печать 7-й том, но выпустить его удалось лишь в 1951 г. Впрочем, дальше было не лучше: следующий том «Трудов...» был собран и издан лишь спустя ещё 10 лет.

Значительные силы учёные Музея отдавали написанию научно-популярных книг: они были рассчитаны на самый широкий круг читателей и выходили огромными тиражами, неоднократно переиздавались. Среди них многим любителям природы запомнились прежде всего «Записки натуралиста» Е.П. Спангенберга, «Очерки по истории зоологии» и «Гомункулус» Н.Н. Плавильщикова. Много статей зоомузейцы, в большинстве своём страстные охотники, писали для научно-популярного журнала «Охота и охотничье хозяйство».

* * *

С 1945 г. вся экспозиция Зоомузея стала функционировать в обычном режиме, в 1946 г. число посетителей достигло 32 тыс. человек [Отчёт... 1946 г.: архЗМ]. Из-за отсутствия штатных экскурсоводов их обязанности были

возложены на научных сотрудников [Отчёт... 1945 г.: архЗМ]. Примечательно, что в отчёте за 1949 г. отмечено, что «в нижнем зале Музея до сих пор не отремонтирован провалившийся пол, что привело к закрытию целого отсека» [Отчёт... 1949 г., с. 87: архЗМ]. По-видимому, с ним отчасти повторилась та же история, что в начале XX в. (и она опять повторится в начале 1970-х гг.).

Для популяризации научных знаний средствами музейной экспозиции возобновилась организация временных выставок. В послевоенные годы, в связи с официально провозглашённой борьбой против космополитизма и за «советский патриотизм», одной из их основных тем стала своего рода отечественная «мемуаристика». Выставки были посвящены памяти А.П. Богданова, К.Ф. Рулье, Б.М. Житкова, истории развития некоторых разделов зоологии в нашей стране. Разумеется, в конце 1940-х гг. не обошлось без выставки, посвящённой «мичуринскому учению»; обсуждалось предложение организовать постоянно действующий раздел экспозиции, специально посвящённый этому «учению» [Отчёт... 1948 г.: архЗМ].

Вторая половина XX века: между «складом» и ремонтом

1950-е гг. начались для Зоомузея новыми трудностями и проблемами. Одни из них были связаны с очередной реорганизацией советской системы науки и преподавания, другие — с переездом Университета на новое место.

Важнейшей из проблем стало странным образом «аукнувшееся» из 1920-х гг. проведённое тогда разделение научной, преподавательской и музейной деятельности (см. об этом предыдущий раздел). Получилось так, что в 1947–1948 гг. научным работникам и вузовским преподавателям Академии наук и Министерства просвещения существенно повысили зарплату; но музейцев это почему-то не коснулось. Впрочем, для Зоомузея как университетского подразделения, по-видимому, была возможность попасть в «элитную» категорию; однако, как рассказывала О.Л. Россолимо (очевидно, со слов «старожиллов»), музейская администрация просто опоздала оформить и подать в ректорат нужные бумаги. Результат не замедлил проявиться: в годовых отчётах Зоомузея за 1950 и 1951 гг. отмечено, что зарплата работающих в нём научных сотрудников в 2.5–3 раза ниже, чем в научных институтах, и это заставляет их поки-

дать Музей в поисках более достойной оплаты квалифицированного труда [архЗМ]. Вдобавок к этому в 1950 г. университетскому профессорско-преподавательскому составу было частично или полностью запрещено совместительство. А поскольку Зоомузей и профильные кафедры к этому времени уже не составляли единое целое, как то было во времена Богданова и Кожевникова, их административное разделение автоматически сделало работающих при нём и кафедрах профессоров «совместителями».

Из-за всего этого Зоомузей очень скоро лишился своих ключевых сотрудников, начинавших служить в нём с 1920-х и 1930-х гг. и возглавлявших научно-хранительские отделы. Они традиционно преподавали на кафедрах Биологического факультета МГУ или в других ВУЗах — и теперь вынуждены были полностью закрепиться за ними, отказавшись от официальных музейных должностей. Среди них были такие известнейшие зоологи как Г.П. Дементьев, В.Г. Гептнер, Н.А. Гладков, С.С. Туров; покинули Музей также В.И. Цалкин и К.В. Арнольди (последний работал в Музее с 1946 г.). Впрочем, С.С. Туров главой остался Зоомузея — но «на общественных началах» (т. е. без оплаты туда). В годовом отчёте за 1950 г. с горечью констатировалось, что вслед за отчислением сотрудников Музей лишился и штатных единиц (включая профессорские), которые те занимали на протяжении 1930-х и 1940-х гг. [архЗМ]. В 1953 г. число научных сотрудников сократилось до 17 человек.

Для того, чтобы устранить это очевидно ненормальное положение, в 1950 г. было предложено разработать «проект создания Зоологического научно-исследовательского института на базе Зоологического музея и зоологических кафедр факультета» [Отчёт... 1950 г., с. 82: архЗМ] взамен упразднённого тогда же НИИЗа. В книге К.Г. Михайлова (2002) упомянуто также предложение создать при Музее «лабораторию по изучению и реконструкции фауны РСФСР». В просмотренных мною архивных материалах Зоомузея я не нашёл отражения этого факта, но в отчёте за 1952 г. упомянуто предложение включить его в число научно-исследовательских учреждений или перевести его научных сотрудников в штат факультетских кафедр [Отчёт... 1952 г.: архЗМ]. Ни одно из этих предложений руководство Университета в то время не поддержало; соответствующие изменения будут сделаны позже (см. далее).

Парадокс был в том, что поневоле «ушедшие» профессора всё равно остались в Музее — теперь в статусе научных консультантов соответствующих отделов, назначаемые приказом ректора МГУ [Отчёт... 1955 г.; Приказ... 1962 г.: архЗМ]. Они сохранили за собой в Музее постоянные рабочие места, а вместе с ними право и обязанность опекать музейные коллекции. Да и местом своей работы в публикациях они чаще всего указывали Зоологический музей МГУ. Так реальная жизнь протестовала против очередных бюрократических бессмыслиц.

[Здесь хотелось бы опять немного отступить от общей канвы рассказа и особо отметить, что научные коллекции, особенно такие огромные и разнообразные, как хранящиеся в Зоомузее, вообще невозможно полноценно обслуживать только силами немногочисленных штатных сотрудников. Поэтому по мере роста коллекций в работу с ними активно вовлекаются сторонние (внештатные) кураторы, берущие на себя определённые обязанности по налаживанию хранения и учёта тех разделов коллекций, которые соответствуют их научной специальности. При этом необходимо особо отметить, что свои хранительские обязанности такие кураторы выполняли и выполняют вполне бескорыстно.

Поэтому я полагаю, что будет более чем справедливым, отдавая дань уважения этим людям, отметить хотя бы некоторых из тех, которые в эти сложные для Зоомузея годы участвовали в его жизни, не будучи его штатными сотрудниками. Особенно много их, по вполне понятным причинам, среди «беспозвоночников» (в широком смысле): П.В. Матёкин, А.А. Шилейко, Т.С. Всеволодова-Перель, Г.А. Викторов, А.П. Расницын, Г.Б. Зевина, Д.В. Панфилов, Н.Л. Гершкович; следует вспомнить также и некоторых известных орнитологов — Е.С. Птушенко, С.М. Успенского, Л.С. Степаняна, А.А. Кишинского.]

В результате всех этих перипетий в начале 1950-х гг. из старшего поколения в штате Зоомузея остался лишь глава отдела энтомологии А.Н. Желоховцев; заведовать отделом беспозвоночных (на общественных началах из-за невозможности совместительства) был приглашён Е.В. Боруцкий. Другими отделами заведовать стали специалисты, пришедшие в Музей в конце 1930-х гг. и опекавшие коллекции в военные годы: А.А. Световидова (ихтиология), А.М. Судиловская (орнитология), Л.Г. Морозова-Турова (териология), Д.Н. Гофман (эволюционная мор-

фология); во главе отдела герпетологии вместо Е.П. Спангенберга (перешёл в отдел орнитологии) поставили другого орнитолога — Р.Л. Бёме, только что поступившего на работу в Зоомузей (фактически этот отдел курировал молодой И.С. Даревский). Штат отдела беспозвоночных животных пополнили Н.Л. Сокольская и Г.Б. Зевина (ненадолго), отдела энтомологии — Л.В. Зими́на, С.И. Келейникова, Д.В. Панфилов (ненадолго).

* * *

Источником особых проблем и трудностей, пусть и временных, стала подготовка к переезду Московского университета в новое здание на Ленинских (прежних и нынешних Воробьёвых) горах, проектирование которого было начато ещё в конце 1930-х гг. В связи с начавшимися строительными и иными работами многие помещения Зоологического корпуса распоряжением ректората МГУ были отведены под разнообразные технические службы, а также для временного размещения закупаемых материалов, оборудования и т. п. В 1951 г. были заняты Нижний и Анатомический экспозиционные залы, в которых, среди прочего, были размещены экспонаты только что созданного Музея земледения, отдел комплектования научной библиотеки им. Горького, новые шкафы и учебные пособия [Отчёты... 1951, 1952 гг.: архЗМ]. В 1952–1953 гг. из подвала, также целиком отданного под нужды переезжающего Университета, пришлось перенести в Верхний зал коллекции беспозвоночных и ихтиологии, сундуки со скелетами крупных млекопитающих. В экспозиционных залах вдобавок размещались рабочие места сотрудников Музея и всех приходящих работать с коллекциями. Из-за этого залы были закрыты для посетителей: в 1951 г. — Нижний и Эволюционной морфологии, в 1952 г. — Верхний. Только в 1955 г., когда Биологический факультет окончательно выехал из здания Зоологического корпуса, Зоомузей смог вернуть к нормальной деятельности по всем направлениям — коллекционной, экспозиционной, научной.

Более отдалённой по своим последствиям, но весьма серьёзной проблемой, вызванной переездом Университета, стал разрыв тесной связи нашего Музея с профильными кафедрами. На это обращал внимание С.С. Туров, писавший в одной из докладных записок, что «отрыв музея от факультета отзовется отрицательно, как на преподавании зоологии, так и на научной

деятельности преподавателей, аспирантов факультета» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 41.). Это, с одной стороны, снизило учебный потенциал систематических коллекций, которые перестали активно участвовать в воспитании будущих учёных в классических зоологических традициях. С другой стороны, это же постепенно привело к утрате со стороны студенчества интереса к этим традициям: возобладали иные устремления.

Разумеется, работающие в Зоомузее научные сотрудники по мере сил и возможностей по-прежнему участвовали в преподавании — руководили курсовыми и дипломными работами, читали специальные курсы и проводили практические занятия на коллекционном материале. Но всё-таки важный прямой постоянный контакт учителя и ученика, дополненный обучением препарировальной и хранительской работе с музейными коллекциями, потихоньку становился «уходящей натурой».

Ещё одной важной утратой стала большая специально подобранная научная библиотека, которая в 1930-е и 1940-е гг. была общей зоомузейско-низовской. В связи с ликвидацией НИИЗа это книжное собрание, включавшее около 30 тыс. библиотечных единиц, было передано в ведение Научной библиотеки МГУ и переехало вместе с естественными факультетами на Ленинские горы [Отчёт... 1955 г.: архЗМ]. Удалось сохранить лишь небольшую часть важнейших для музейной деятельности книг, которые работавшие в Зоомузее учёные, предвидя возможные неприятности, убрали в укромные места. В результате на начало 1950-х гг. в остатках библиотеки Зоомузея было немногим более тысячи книг — вшестеро меньше, чем в 1916 г.; за их сохранность отвечала М.В. Васильева (Свиридов, 1991; Михайлов, 2002). Лишь начиная с середины 1950-х гг., когда музейную библиотеку возглавила В.И. Короткова, ситуация стала постепенно исправляться. С её приходом (1956 г.) в библиотеке были заведены инвентарные книги и библиографический каталог.

* * *

В связи с выездом Биологического факультета и университетских служб из Зоологического корпуса в 1954 г. почти все его помещения наконец-то стали использоваться по своему прямому и основному назначению. Одни из них превратились в хранилища музейных коллекций, другие — в кабинеты сотрудников (эти кабинеты чаще были также и хранилищами). Из того, что Зоомузею удалось приобрести в ходе

подготовки Университета к освоению нового здания на Ленинских горах, следует отметить специально спроектированные и изготовленные шкафы (так называемые «шибановские») для хранения банок с «влажными» коллекциями и энтомологических ящиков. Кроме того, к Музею перешла значительная часть старой добротной мебели, оставленной выехавшими в новое здание кафедрами [Отчёт... 1955 г.: архЗМ].

«Заполнение» Зоологического корпуса во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х гг. в общих чертах выглядело следующим образом [op. cit., с. 37–40: архЗМ]; оно сохранилось до самого конца 1960-х гг. (Михайлов, 2002; личные воспоминания О.Л. Россолимо, В.Ф. Орловой).

С правой стороны вестибюля в первой комнате располагался гардероб, в следующей за ней — касса Зоомузея. Большую комнату справа перед входом в Нижний зал занимали коллекции отделов беспозвоночных и герпетологии. В комнате «под мамонтами» в торце вестибюля разместилась таксидермическая мастерская.

Нижний зал был на три четверти отдан под экспозицию: в нём в деревянных витринных шкафах размещались показательные материалы отдела беспозвоночных (в левой части), энтомологии (в задней части), герпетологические и ихтиологические (в правой и средней частях). В самом начале этого зала были выставлены крупногабаритные териологические объекты: справа от входной двери — череп голубого кита, слева — скелеты и чучела хоботных и сирен. Задняя четверть Нижнего зала осталась отгороженной под хранилище и рабочие места отдела беспозвоночных. В витринных «междушкафьях» этого зала размещались научные коллекции согласно их систематической принадлежности. Кроме того, часть коллекций беспозвоночных размещалась в двух комнатах в начале коридора первого этажа, ведущего к библиотеке Музея (остальные помещения по этому коридору заняло МОИП).

На втором этаже комнаты по правую сторону коридора «анатомического крыла» заняли ихтиологические коллекции, его левую сторону отвели под хранилища отдела энтомологии. Сам этот зал остался почти в том же виде, как и при Мензбуре и Северцове, комнаты за ним занимал отдел эволюционной морфологии. Комнаты с левой стороны по коридору второго этажа, ведущему к Верхнему залу («зоологическое крыло»), отвели под администрацию Музея (кабинеты директора, канцелярии и заместителя

по АХЧ) и экскурсионное бюро. Большую комнату по правую сторону этого коридора (перед входом в Верхний зал) заняли Г.П. Дементьев и Д.М. Вяжлинский. Верхний зал целиком отдали под экспозицию птиц (правая часть) и млекопитающих (левая и средняя части); его хоры занимали научные коллекции этих двух отделов: в передней половине — млекопитающие, в задней — птицы; там же располагались рабочие места для разбора коллекций и работы приходящих специалистов (уже упоминавшиеся «клетки»). Основное помещение отдела млекопитающих (рабочие места сотрудников, шкафы и сундуки с коллекциями) занимало третий этаж «зоологического крыла» здания Зоомузея. Над этим помещением в нескольких небольших комнатах расположился орнитологический «офис». В эти два отдела «рабочий» вход шёл по особой винтовой лестнице, которая начиналась на втором этаже перед входом в Верхний зал. Подвальные помещения центральной части Зоологического корпуса стали подсобными и частью хранилищами («кишка», «слоновник»), тянущееся вдоль улицы Белинского преобразовали в бомбоубежище (тогда, в разгар «холодной войны», оно было обязательным атрибутом университетских и иных больших зданий).

Комнаты вдоль коридора третьего этажа «анатомического крыла» отдали сначала под библиотеку МОИП, затем почему-то под кафедру «русского языка для нерусских» — для студентов-иностранцев, обучающихся в МГУ. Торцевые части обоих «крыльев» Зоологического корпуса по-прежнему оставались жилыми помещениями.

* * *

Штатные дела Зоомузея во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. в целом были таковы (см. годовые отчёты в [АрхЗМ]). Директором Музея до 1960 г. оставался С.С. Туров, покинувший эту должность в связи с выходом на пенсию. Его на три года сменил С.Г. Соин, в 1964–1969 гг. Музей возглавлял Н.А. Гладков; все они из-за официальной невозможности оплачиваемого совместительства исполняли директорские обязанности «на общественных началах» (т. е. вовсе без оплаты). Все они, по указанным выше чисто формальным административным причинам, не могли отдавать себя полностью работе в Зоомузее: Туров одновременно заведовал кафедрой зоологии в Московском государственном педагогическом институте, Соин работал заместителем декана Биологического факультета

МГУ, Гладков преподавал на Географическом факультете МГУ. В 1954 г. должность учёного секретаря Зоомузея была переделана в таковую зам. директора по научной части: на неё назначили сначала А.Г. Банникова, очень скоро его сменил Н.А. Гладков, а того — Г.А. Викторов, все они были отчислены как совместители [Отчёт... 1954 г.: архЗМ]. С 1955 г. эту должность занимал Д.М. Вяжлинский (до 1976 г.), при Соине он и Плавильщиков нередко подписывали документы Зоомузея как «и. о. директора». С 1962 г., в связи с кончиной Н.Н. Плавильщикова, заведовать экспозицией стала Н.П. Куликова (работала в Музее с 1945 г., заведовала экспозицией до 1974 г.). Пополнения «младшего персонала» (из числа надолго задержавшихся в Музее) были, в перспективной оценке, довольно значительны: в середине–конце 1950-х гг. в Музей пришли работать ихтиолог И.А. Веригина (в 1974 г. возглавила отдел ихтиологии), териологи О.Л. Россолимо (в 1959 г. стала заведовать отделом териологии, в 1970 г. — всем Зоомузеем), В.А. Долгов (в 1972 г. на некоторое время возглавил отдел эволюционной морфологии) и Н.Р. Павлова (с 1974 г. заведовала отделом экспозиции, с 1976 г. главный хранитель Зоомузея), орнитолог Р.Л. Бёме (какое-то время заведовал отделом герпетологии) и энтомолог Е.М. Антонова (сначала лаборант, затем научный сотрудник, затем некоторое время зам. директора по административно-хозяйственной части). В начале 1960-х гг. в штат Музея пришла В.Ф. Положихина (Орлова) (с 1965 г. заведует отд. герпетологии), ближе к концу — В.Е. Флинт, Е.Н. Матюшкин, И.Я. Павлинов (в 1995–2008 гг. заведовал отд. териологии).

Следует отметить, что в эти годы и позже своего рода «кузницей кадров» для Музея, а отчасти и для московской «классической» зоологии, стал экскурсионный отдел Зоомузея. Многие из перечисленных только что персонал начинали свою музейную жизнь именно экскурсоводами; к этому далеко не полному перечню можно добавить имена зоологов, которые позже, став маститыми учёными вне стен Музея, сохранили связь с ним: А.К. Агаджанян, В.В. Жерихин, выше упоминавшиеся А.П. Расницын, Д.В. Панфилов, Л.С. Степанян и А.А. Шилейко.

[В продолжение темы — о людях, приходивших работать в Зоомузей в то время (и несколько позже), — хотелось бы добрым словом упомянуть тех технических работников, которые служением Музею также вносили свой важный

вклад в сохранение его коллекций. Едва ли возможно указать всех тех, кто служил в нашем Музее в таком нужном и важном качестве, но хотя бы некоторых наиболее заметных «должителей» непременно здесь должно перечислить. В отделе орнитологии в трудные 1940-е и 1950-е гг. работала М.В. Егорова, а вскоре после неё — С.В. Луцкая, с середины 1970-х годов — И.К. Барышева. Р.А. Каменская, являвшая собой один из лучших образцов «старой школы» лаборантов, работала в Зоомузее с конца 1960-х гг. — сначала у энтомологов, потом у териологов; там ей долгое время помогала в качестве препаратора К.П. Котова. С начала 1970-х гг. в отделе эволюционной морфологии очень прилежно работала Т.И. Постовская, в отделе герпетологии — Т.О. Александровская. С.В. Пичугина с середины 1970-х гг. до сего дня опекает некоторые разделы обширных коллекций сектора беспозвоночных. Важную и не очень лёгкую работу по обработке материалов для научных коллекций, которые поступают из Московского зоопарка, выполняет А.Б. Кузьмин, работающий в Музее с 1980 г. И многие-многие другие...]

* * *

На протяжении 1960-х гг. руководство Зоомузея постоянно обращалось в ректорат МГУ с настоятельными предложениями, касающимися повышения его научного статуса, улучшения условий работы сотрудников и хранения коллекций.

В начале указанного десятилетия директор Зоомузея С.Г. Соин направил в ректорат докладную записку с двумя альтернативными предложениями по расширению помещений Зоомузея; дата на записке не значится, на титульном листе указаны сроки «перспективного плана переустройства музея»: сначала 1961–1965 гг., затем исправлено на 1966–1970 гг. [архЗМ]. Одно из них подразумевало постройку нового здания на Ленинских горах, что позволило бы не только существенно улучшить состояние самого Зоомузея, но и приблизить его к переехавшим туда учебным подразделениям Университета; при этом Соин ссылался на то, что проект нового университетского комплекса подразумевал возведение (во вторую очередь) специального музейного корпуса. Согласно второму предложению, Зоомузею надлежало передать все те помещения в здании Зоологического корпуса, которые заняты сторонними организациями и квартирами, а также помещения соседствующие-

го с ним Ботанического корпуса. Из этой затеи ничего не вышло.

В 1962 г. С.Г. Соин обратился в ректорат с просьбой учредить в Зоомузее Учёный совет: в музейском архиве хранится бумага с соответствующими поддерживающими резолюциями и проектом ректорского приказа. Напомню, что такой Совет был учреждён в 1930-е гг. (см. предыдущий раздел) по распоряжению Наркомпроса, но, по-видимому, в связи с «возвращением» Музея в прямое подчинение МГУ он как-то «самоликвидировался». Никаких бумаг, свидетельствующих о позитивной реакции университетского начальства на это обращение, в архиве Зоомузея обнаружить не удалось: вероятно, в то время Музей оставался без названного Совета. Вместо этого ректор МГУ И.Г. Петровский в том же 1962 г. особым приказом распорядился «подчинить в научном, административном и хозяйственном отношении декану биолого-почвенного факультета [...] Зоологический музей...»; в нём указаны также Музей антропологии, Ботанический сад [Приказ... 1962: АрхЗМ]. Чем было вызвано появление такого приказа именно в это время, не ясно: ведь согласно действующему университетскому Уставу от 1939 г. (см. предыдущий раздел) Зоомузей и так числился в составе Биофака МГУ.

Удалось добиться частичного исправления ситуации с зарплатой сотрудников: приказом Министерства высшего образования в конце 1965 г. Зоомузей был отнесён к первой группе оплаты труда. Однако и это не дало требуемого выравнивания зарплат научных сотрудников, из-за чего угроза «обезлюживания» Зоомузея осталась неснятой.

Для того, чтобы исправить почти катастрофическое положение с научными штатами, было принято решение, предложенное десять лет назад (см. выше). Всех научных сотрудников, работающих в Зоомузее, в 1965 г. официальным приказом «приписали» (зачислили в штат) к профильным кафедрам Биологического факультета — зоологии позвоночных, зоологии беспозвоночных, энтомологии, ихтиологии. Благодаря этому они стали получать существенно более высокие «научные» зарплаты, продолжая постоянно работать в Музее. Это отчасти спасло ситуацию, но действительно лишь отчасти: руководство факультета и Зоомузея, желая сделать «как лучше», могло получить вариант «как всегда», поскольку этим решением Музей юридически полностью лишился штатных на-

учных сотрудников — кураторов коллекций. И только доброе отношение заведующих кафедрами, которые понимали всю нелепость ситуации, спасало положение: зоомузейцы, формально числясь за кафедрами, фактически работали в Музее по музейным планам; на кафедрах же они появлялись лишь в связи с разными «административными» делами (переаттестация и т. п.). Окончательно эту ситуацию удалось исправить позже, в середине 1980-х гг.

* * *

Существенное улучшение условий хранения научных коллекций естественным образом расширило возможности их развития и роста. На протяжении второй половины 1950-х и всех 1960-х гг. Музей обильно пополнялся сборами главным образом с территории Советского Союза. Их особенностью стал уже упоминавшийся в предыдущем разделе акцент на массовые материалы, а также достаточно широкий охват собираемых таксономических групп. Как и прежде, для того, чтобы в Зоомузей поступали более качественные коллекции, было выпущено обновлённое руководство по их сбору и преработке (Плавильщиков, Кузнецов, 1952).

Среди энтомологических сборов рассматриваемого периода наиболее обширными стали новые поступления из Средней Азии, как равнинной, так и горной — несколько десятков тыс. экз., а также из Закавказья, Казахстана, отчасти Приморья (Антонова, 1991). Весьма впечатляющими и масштабными были энтомологические приобретения у частных коллекционеров — многие десятки тысяч экземпляров главным образом жуков (от Д.Д. Ромашова, несколько позже от А.В. Богачёва, Н.Н. Плавильщикова), двукрылых (от Е.С. Смирнова). Из-за роста объёмов полевых энтомологических сборов, которые лишь частично удавалось доводить до надлежащего коллекционного состояния, энтомологи в эти годы начали активнее собирать и хранить «ватные сборы».

Поступления орнитологических материалов в целом несколько сократились в связи с изменением доминирующих научных интересов среди специалистов: они стали уделять больше внимания экологии и этологии (Томкович, 1991). Из наиболее значимых пополнений (впрочем, отнюдь не «свежей сборки») следует отметить почти тысячу экз. коллекции М.М. Березовского из Ганьсу (экспедиция Г.Н. Потанина). В 1960 г. музейные орнитологии предприняли попытку создать фонотеку голосов птиц: поступило

несколько магнитофонных лент с записями от известного «записывателя» голосов птиц в природе Б.Н. Вепринцева. На какое-то время развитие фонотеки было прекращено, её собирание возобновилось в последние годы. Происходило активное пополнение оологической коллекции: в Зоомузее её начал серьёзно собирать Е.П. Спангенберг, переломным стало поступление более 700 кладок птичьих яиц с гнёздами от пришедшего на работу в Зоомузей В.Е. Флинта. Следующий значительный вклад в развитие этой коллекции внёс замечательный орнитолог, тончайший знаток голосов птиц и собиратель птичьих кладок В.В. Леонович.

Среди важных поступлений по млекопитающим следует указать приобретение второй порции коллекции С.И. Огнёва — около 10 тыс. экземпляров. Когда отдел териологии возглавила О.Л. Россолимо, в связи с её научными интересами (внутривидовая изменчивость) резко возросли поступления больших серийных материалов по обычным видам мелких млекопитающих (Павлинов, Яхонтов, 1991). В частности, особое значение приобрели массовые материалы, на протяжении многих лет собираемые в районе научно-исследовательского стационара Мирное в среднем течении Енисея, которые начал в 1960-е гг. Е.Е. Сыроечковский. Существенно увеличились также сборы посткраниальных скелетов, которые до этого были представлены только единичными экземплярами: в начале 1970-х гг. их расширяющееся собрание было сосредоточено в отделе эволюционной морфологии.

Судя по хранящимся в архивах Зоомузея годовым отчётам, к концу 1960-х гг. в его научных фондах было накоплено около 350 тыс. экз. (точнее, единиц хранения) позвоночных животных и не менее 2 млн экз. беспозвоночных, включая насекомых.

* * *

Музейная экспозиция, как было указано выше, была вновь открыта для посещения в 1955 г., в связи с чем был издан новый краткий путеводитель по ней (Туров, 1956). Для активизации научно-просветительной деятельности в штат Музея вернули экскурсоводов. В Нижнем зале ликвидировали вводный раздел и несколько расширили систематический.

Чтобы как-то отойти от простой демонстрации сухих и влажных препаратов, представляющих те или иные интересные виды животных, с помощью научных коллекций был организован

показ некоторых особенностей их биологии и эволюции. Так, в витринах с насекомыми и паразитическими червями были смонтированы панно, иллюстрирующие сложно протекающие метаморфозы в индивидуальном развитии (Иксанова и др., 1991б). Некоторые витрины обогатились показом проявлений индивидуальной изменчивости животных, полового диморфизма, особыми формами мимикрии и покровительственной окраски.

Была частично переработана экспозиция Зала эволюционной морфологии: он хоть и стал частью общемузейной экспозиции, решаемые им задачи по-прежнему были достаточно специфические. Его основу составляли смонтированные скелеты позвоночных животных, из-за чего зал на жаргоне зоомузейцев неизменно назывался «костным». Эти уникальные экспонаты, в большинстве своём изготовленные ещё в середине XIX в., сами по себе представляли значительную историческую и научную ценность. Вместо прежнего их размещения по систематическому принципу основной стала тема морфологических доказательств эволюции. Она раскрывалась на сформулированном в рамках классической филогенетики принципе «тройного параллелизма», подразумевающим сходство преобразований животных в ходе их эволюции (филогенез), индивидуального развития (онтогенез) и в палеонтологической летописи.

Следует отметить, что из-за отсутствия штатных сотрудников в отделе экспозиции (кроме заведующего и экскурсоводов) основную работу по планированию, организации и поддержанию в должном порядке показных (экспозиционных) коллекций по-прежнему выполняли сотрудники научно-хранительских отделов. Данное обстоятельство было отражено в годовых отчётах Зоомузея: каждый отдел отчитывался не только за хранительскую и научную, но и за экспозиционную работу.

Число посетителей в экспозиционных залах в указанное время было достаточно велико — в разные годы от 39 тыс. до 65 тыс. человек. Из них значительная часть, как и в последние довоенные годы, приходилась на экскурсии, организуемые для школьников.

Среди временных выставок 1950-х и 1960-х гг. довольно много было посвящено собственно музейной тематике — по истории самого Зоомузея и его коллекций, по искусству таксидермии.

В связи с освобождением музейных просторств отдельное помещение — упомянутое

выше «под мамонтами» — получила таксидермическая мастерская. В ней тогда работали В.И. Пивоваров (заведующим), который учился мастерству у П.С. Николаева, П.С. Савельев, В.П. Радин (потомственный таксидермист, в 1968 г. возглавил мастерскую).

* * *

Как и опасался в своё время С.С. Туров, территориальное разобщение Зоомузея и кафедр Биологического факультета неизбежно привело к тому, что в 1950-е и особенно в 1960-е гг. постоянные занятия со студентами-биологами были постепенно сведены к минимуму. Отдельные практические занятия по систематике птиц и млекопитающих ещё проводились, однако по другим группам почти нет. К концу 1960-х гг. занятия с группами студентов в самом Музее были вовсе прекращены; они возобновились лишь в последние годы.

Отчасти эта серьёзная недостача компенсировалась тем, что Зоомузей по мере возможности организовывал в своих стенах юннатскую работу (Михайлов, 2002). Наиболее крупный школьно-студенческий кружок работал в отделе энтомологии под руководством Е.М. Антоновой (до 1982 г.), его активными членами были несколько десятков юных энтомологов. В начале 1960-х гг. подобный кружок при отделе орнитологии вела С.В. Луцкая, хотя число его членов было невелико. Наконец, Музей представлял свои экспозиционные и частью учебные коллекции для занятий юннатских кружков при Московском зоопарке (уже упоминавшийся КЮБЗ), МОИП (руководитель А.П. Разорёнова), юношеской секции ВООП (руководитель П.П. Смолин). Всё это оказалось свёрнутым в последующие два десятилетия в связи нагрянувшими ремонтными работами.

* * *

В 1971 г. жизнь Зоологического музея вновь резко поменялась: он оказался ввергнутым в очередной (или внеочередной, кто знает) период полной реконструкции, не затронувшей разве что его стены и крышу.

Дело состояло в следующем. К указанному времени под зданием Зоологического корпуса образовались значительные пустоты из-за того, что вода, поступающая из-за обветшавшей каменной обкладки одного из упрятанных под землю притоков Неглинки, постепенно промыла грунт. Из-за конструктивных особенностей здания, как и в самом начале 1900-х гг. (см. предыдущий раздел), начал проседать пол Нижне-

го зала, вслед за ним стали угрожающе уходить вниз колонны, опирающиеся на него и несущие перекрытие Верхнего зала. Это грозило обрушением значительной части «зоологического крыла» корпуса, что похоронило бы Музей — и экспозиционные залы со всеми витринами и экспонатами, и хранилища со всеми научными коллекциями. В общем, хуже некуда...

Была ли на то воля провидения или так просто совпало, но за год до этого в высшей степени неприятного события директором Зоологического музея МГУ была назначена О.Л. Россолимо (в скобках замечу — опять-таки, согласно приказа, «без дополнительной оплаты»: [архЗМ]). Она принадлежала к достаточно известной семье учёных, в честь одного из представителей которой (Г.И. Россолимо) названа улица в Москве в районе Большой Пироговки, уже упоминавшиеся ранее её отец (Л.Л. Россолимо) и двоюродный дед (А.И. Россолимо) были известными гидробиологами. В Зоомузей она пришла работать в середине 1950-х гг., в их конце была назначена заведовать отделом териологии (Л.Г. Морозова-Турова ушла на пенсию).

[Как вспоминает О.Л. Россолимо, в качестве кандидата на должность директора Зоомузея после ухода Гладкова фигурировал В.Е. Флинт. Однако музейцы высказались резко против него, Россолимо, будучи «профсоюзной активисткой», с этим мнением пошла к тогдашнему декану Биофака Н.П. Наумову, тот предложил ей занять директорскую должность, О.Л.Р. согласилась — так всё и началось.]

Хотя музейские «старики» это назначение приняли не слишком благожелательно (наверное, хотели видеть в этой должности кого-то из своих рядов), как показало ближайшее будущее, в сложившейся катастрофической ситуации деловые качества нового директора Зоомузея, её энергия и упорство, умение найти особые подходы к начальству оказались более чем востребованными. Ей удалось почти невероятное — не только провести капитальный ремонт всего здания без ущерба для коллекций, но и чуть ли не вдвое увеличить площадь фондохранилищ и рабочих помещений и переоборудовать их. Благодаря этому оправдалась известная поговорка «нет худа без добра»: Зоологический музей из навалившейся на него напасти вышел существенно обновлённым и, как сейчас представляется, во многих отношениях улучшенным.

Несколько забегая вперёд, следует отметить, что в нелёгком труде по реконструкции Зоому-

зья О.Л. Россолимо помогала весьма энергичная Н.Р. Павлова, которая в 1976 г. была назначена на восстановленную должность главного хранителя (фактически была заместителем директора), а некоторое время спустя С.А. Кулешова (между ними ещё была мало значимая фигура Л.Г. Марусовой). В отличие, например, от Плавильщикова, это были «управленцы», а не учёные: но именно в них, очевидно, и была особая нужда в этот тяжелейший для Зоомузея «реконструктивный» период. В связи с переустройством залов в 1986 г. на заведование экспозицией была приглашена музеевед И.В. Иксанова, ранее зарекомендовавшая себя с лучшей стороны в нескольких краеведческих музеях. Наконец, следует упомянуть и тех, кто в эти годы занимался тяжёлой работой по обеспечению хозяйственной части Зоомузея, — Е.М. Антонову, В.А. Азарова.

* * *

Принимая во внимание катастрофическую ситуацию, Музей в 1971 г. закрыли для посетителей. Для ремонта фундамента и пола Нижнего зала экспозицию в нём полностью демонтировали, пол был вскрыт, под него закачали некий состав, который заполнил пустоты и подпёр пол снизу. По распоряжению противопожарной службы от старых деревянных витрин пришлось отказаться (по словам О.Л. Россолимо, были переданы в один из краеведческих музеев Подмосковья), их заменили новыми металлическими, заказанными в одном из московских заводов (правда, как потом выяснилось, не очень удачными в конструктивном отношении). В ходе реконструкции в зале была ликвидирована отгороженная часть для научных коллекций — предпосылкой к этому послужило расширение фондохранилищ (об этом см. далее). Согласно плану новой экспозиции Нижнего зала, в нём не нашлось места для «крупногабаритных» экспонатов млекопитающих, упоминавшихся выше: за их счёт существенно расширили экспозицию рептилий и рыб, а также низших беспозвоночных. Слоновьи скелет и чучело теперь выставлены на первом этаже, а череп кита отдали в Палеонтологический музей, который в это время как раз осваивал новое очень большое здание (взамен был получен полный смонтированный скелет мамонта). Нижний зал был открыт для посетителей в 1984 г.

В те же годы по требованию всё той же противопожарной службы закрыли и полностью разобрали Большую зоологическую аудиторию

в центральной части здания. К сожалению, в результате проведённой реконструкции её классический амфитеатр был утрачен; правда, использование современных стульев после ремонта аудитории позволило увеличить число «посадочных мест».

Пользуясь предоставленной возможностью, было решено существенно модернизировать и экспозицию обоих залов второго этажа Музея.

Реконструкция Верхнего зала была начата в 1985 г., в нём по мере возможности, как и во времена А.П. Богданова, систематический показ экспонатов был дополнен биогруппами. Экспозицию обогатили многие интересные работы вернувшегося в Зоомузей в середине 1980-х гг. Н.К. Назьмова — «Лежбище котиков», «Стадо сайгаков», «Охота харз», «Семья гепардов». Там, где это не удавалось сделать, чучела снимали со старых подставок и монтировали прямо на полках, что также придавало им отчасти более «живой» вид. К сожалению, при этом была утрачена некоторая часть старых этикеток, прикреплённых снизу на подставках, а с ними — и часть музейной истории.

В 1986 г. приступили к реконструкции Зала эволюционной морфологии. Его обновлённая экспозиция стала более соответствовать современным представлениям о принципах филогенетических изменений. Однако при этом были сохранены нетронутыми многие исторические экспонаты, составлявшие основу экспозиции зала, — прежде всего ажурные скелеты как достопримечательные произведения самой Природы.

Названные залы открылись для посетителей в 1989 и 1990 гг., соответственно.

* * *

На протяжении второй половины 1970-х и первой половины 1980-х гг., одновременно с проводимым ремонтом и под его «прикрытием», благодаря невероятной административной энергии О.Л. Россолимо удалось освободить почти все помещения Зоологического корпуса, которые едва ли не полвека использовались не по своему прямому «музейному» назначению. Это в первую очередь коснулось жилых квартир, занимавших торцевые части здания, вслед за ними было отвоёвано обширное пространство третьего этажа «анатомического крыла» здания. К сожалению, это не удалось сделать с комнатами по коридору первого этажа, многие из которых до сих пор занимает МОИП.

В конечном итоге общая площадь помещений, которыми стал располагать Зоомузей, уве-

личилась чуть ли не вдвое: новые пространства обрели все научно-хранительские отделы, библиотека, таксидермическая мастерская. Вновь полученные и многие прежние хранилища были оборудованы двухъярусными металлическими стеллажами, для энтомологических коллекций были заказаны специальные металлические или деревянные шкафы. Благодаря этому, пожалуй, впервые за всю историю Зоомузея для научных коллекций удалось создать вполне приемлемые условия хранения, рассчитанные не только на сегодняшний день, но и на будущий значительный прирост фондов.

Новая схема размещения научно-хранительских отделов и хранилищ получилась следующей. Отдел беспозвоночных занял, кроме прежних хранилищ в коридоре первого этажа «анатомического крыла» (см. выше), бывшие жилые помещения первого этажа «зоологического крыла» здания за Нижним залом. Отдел энтомологии освободил помещения второго этажа «анатомического крыла»: вместо них энтомологам отошли хоры Зала эволюционной морфологии, часть помещений второго этажа за этим залом, второй этаж «зоологического крыла» за Верхним залом; энтомологические шкафы были размещены также в коридоре третьего этажа «анатомического крыла». Все помещения вдоль коридора второго этажа этого крыла, а также несколько комнат за Залом эволюционной морфологии заняли ихтиологи. В бывших «профессорских» квартирах на первом этаже «анатомического крыла» разместились отделы герпетологии и эволюционной морфологии; одна из комнат отошла библиотеке Зоомузея. За отделом териологии осталась центральная часть второго этажа здания; его коллекции с хор Верхнего зала были перемещены в комнаты на третьем этаже «анатомического крыла». Орнитологический отдел целиком занял хоры Верхнего зала и третий этаж «зоологического крыла» за этим залом, частично освободив помещения четвёртого этажа в центральной части здания; в них разместили художественный фонд и часть териологических коллекций. Наконец, значительное пространство в полуподвале этого же «крыла» получила таксидермическая мастерская.

Хотелось бы заметить, что с завершением реконструкции экспозиционных залов и коллекционных хранилищ к концу 1980-х гг. Зоомузею очень и очень повезло: затянись всё это ещё на год-два — и кто знает, удалось ли бы довести

до конца начатые работы. С развалом прежней политэкономической системы в начале 1990-х гг. в стране наступил хаос, закончились деньги, Музей вместе с другими аналогичными учреждениями опять оказался на грани выживания...

* * *

Одновременно с реконструкцией «материальной базы» Зоомузея — хранилищ, аудитории и экспозиционных залов — была проведена крайне насущная и требующая особых бюрократических приёмов работа по повышению его статуса как особого подразделения Московского университета. Для этого в разные министерские инстанции писались многочисленные письма от имени руководства Биологического факультета и Университета, а также (в их поддержку) от других учреждений. И они постепенно давали свои желаемые плоды.

В 1979 г. приказом министра высшего и среднего специального образования Зоологический музей МГУ был отнесён к первой группе оплаты труда [архЗМ]. Фактически это было подтверждение приказа от 1965 г. (см. выше) и на общечеловеческом языке означало, что «дискриминация» по ведомственной принадлежности закончилась и числящиеся за Музеем штатные сотрудники (экскурсоводы и др.) смогли наконец-то получать более-менее пристойную зарплату.

В начале-середине 1980-х гг. в Московском университете была произведена административная реформа, отчасти воспроизводящая таковую 1920-х гг. В 1981 г. согласно партийно-правительственному постановлению «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (Постановление..., 2011б) в ВУЗах опять разделили учебную и научную сферы деятельности, для осуществления второй была введена особая структура — Научно-исследовательская часть (НИЧ; упразднена в 1993 г.). Под этим «прикрытием» в Зоомузее удалось провести собственную весьма важную административную реформу, позволившую отчасти решить упомянутые выше застарелые кадровые проблемы (соответствующие документы хранятся в архиве Зоомузея).

Сначала Зоомузей в 1983 г. был включён в НИЧ в качестве самостоятельного подотдела в рамках отдела «Зоология позвоночных». На этом основании в том же году в ректорат МГУ было направлено предложение о целесообразности включения всех работающих в Зоомузее

научных сотрудников в штат Кафедры зоологии позвоночных, поддержанное всеми заинтересованными заведующими кафедр Биофака; позитивного решения не последовало. Вместо этого, после соответствующей подготовительной работы, приказом ректора МГУ в июне 1986 г. в структуре НИЧ Биологического факультета была учреждена научно-исследовательская «Лаборатория таксономической зоологии и кадастровых исследований» (с территориальным базированием в Зоологическом корпусе) во главе с О.Л. Россолимо; этим же приказом Зоологический музей МГУ был подчинён заведующему названной лабораторией (т. е. О.Л. Россолимо). Отдельным последующим приказом в её штат были включены все фактически работающие в Музее научные сотрудники, а О.Л. Россолимо, как зав. лабораторией, была переназначена директором Зоомузея (опять «без оплаты»).

Но вот ведь парадокс: этим приказом формальный юридический статус университетского Зоомузея, одного из лидеров отечественной классической зоологии, был сильно понижен: теперь он был уже даже не при факультете, а при лаборатории факультетского подчинения. Для такого решения были свои «конъюнктурные» предпосылки, о которых за истечением времени не хотелось бы здесь упоминать; ясно было, что это временное паллиативное решение и что оно потребует развития — каковое вскоре и последовало.

Одновременно приказом ректора была перекроена структура Зоомузея. В нём были выделены два «макроотдела»: а) научно-фондовой работы и б) теории и методики музейного дела. Во главе первого был поставлен главный хранитель (сначала Л.Г. Марусова, затем С.В. Кулешова), во главе второго — И.В. Иксанова. В этой структуре у Музея, строго говоря, собственного научного штата не было, т. к. все научные сотрудники числились за лабораторией.

[Следует попутно отметить, что в 1984 г. был выпущен приказ Минвуза СССР «Об утверждении типового положения о музее высшего учебного заведения» (Приказ..., 2007). По административной логике, на этом основании должно было быть разработано и утверждено соответствующее Положение о нашем Музее. Однако в его архиве соответствующие материалы не обнаружены, хотя подготовительная работа, по-видимому, велась: об этом свидетельствует хранящаяся в архиве Зоомузея копия документа, касающегося Музея землеведения МГУ.]

Важным предлогом к дальнейшему «административному» развитию стал 200-летний юбилей Зоологического музея: по предложению О.Л. Россолимо было решено юридически объединить Музей и названную лабораторию, что и было сделано в 1991 г. (Летопись..., 2016ю). Зоомузею был присвоен статус научно-исследовательского: его полное название стало выглядеть как «Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова». Музей в таком качестве был включён в состав НИЧ Биологического факультета, лаборатория и «макроотделы» были упразднены (при этом научно-хранительские отделы опять переименовали в секторы), числившиеся в ней учёные-зоологи официально были переведены в штат Музея, О.Л. Россолимо наконец-то (впервые за несколько десятилетий) стала его «штатным» (т. е. на окладе) директором. Таким образом, Зоологический музей пришёл в относительно нормальное состояние с достаточно приличным научным (до 25 человек) и иным (более чем 50 человек) персоналом. Впрочем, должности штатных хранителей (кураторов) научных коллекций в нём по-прежнему отсутствовали: сказалось инерция 1930-х гг., которая не преодолена по сей день. (К этому в скобках можно добавить, что с 1991 г. выпускаемый Музеем сборник трудов стал называться несколько проще — «Исследования по фауне» в связи с исчезновением Советского Союза.)

Эти административные преобразования поставили завершающую точку в рассматриваемом периоде истории Зоомузея — но не в нашем рассказе.

* * *

В происходившую в 1970–1980-е гг. реконструкцию Музея логично вписалось заметное обновление его научных кадров. Место зоомузейцев, составивших его славу в 1950-е и 1960-е гг., более чем достойно заняли новые люди. Одни из них пришли сюда уже сложившимися учёными: таковы специалисты по разным группам беспозвоночных животных М.В. Гептнер (сын В.Г. Гептнера), Н.И. Кудряшова, О.В. Волцит и В.А. Спиридонов, энтомологи Н.Б. Никитский, А.В. Свиридов и А.И. Шаталкин, орнитолог А.А. Кузнецов, ихтиолог Ю.И. Сазонов. Другие же, частью упомянутые выше, попадали в Зоомузей со студенческой скамьи или после аспирантуры: Е.Д. Васильева, Д.Л. Иванов, К.Г. Михайлов, П.С. Томкович, А.Л. Озеров, А.В. Антропов, Г.Ю. Любарский, В.Н. Горячев, В.Г.

Бабенко, Е.Б. Федосеева, М.В. Калякин, Е.А. Коблик, Е.А. Дунаев, Е.Л. Яхонтов.

Новое пополнение сразу или постепенно стало включаться в руководство деятельностью музейных подразделений или Музея в целом. Н.И. Кудряшова в 1976 г. возглавила отд. беспозвоночных животных, в 1981 г. её сменил М.В. Гептнер (заведовал до 1996 г.), А.И. Шаталкин в 1977–1987 гг. заведовал отделом энтомологии и в 1977–1990 гг. организовывал научную работу Музея в должности учёного секретаря (в 1976 г. её опять «перелицевали» из должности заместителя директора по науке). В этой второй должности Шаталкина сменил в 1990 г. Д.Л. Иванов, занимал её до 2000 г., затем возглавил отдел беспозвоночных животных (до 2013 г.). Со временем заведовать научно-хранительскими отделами стали П.С. Томкович (зав. отделом орнитологии с 1977 г.), Е.Д. Васильева (зав. отделом эволюционной морфологией в 1985–1990 гг., зав. отделом ихтиологии с 1990 г.), А.Л. Озеров (зав. отделом энтомологии с 1987 г.), Е.Л. Яхонтов (в 1990-е гг. некоторое время заведовал отделом териологии, исполнял обязанности главного хранителя), В.А. Спиридонов (зав. отделом беспозвоночных животных в 1996–2000 гг.). М.В. Калякин в 2000–2009 гг. — учёный секретарь, с 2009 г. — директор Зоологического музея.

В 1970-е и 1980-е гг. наука в Зоомузее оставалась преимущественно конкретной и описательной. Как и десятилетиями прежде, основной акцент делался на исследованиях отдельных систематических групп и/или локальных фаунистических комплексов; к ним добавились активные изыскания в области внутривидовой изменчивости (главным образом О.Л. Россолимо, Е.Д. Васильева, И.Я. Павлинов). В конце указанного периода начались активные теоретические исследования в области систематики и филогенетики (А.И. Шаталкин, И.Я. Павлинов), их результатом стали статьи (прежде всего в Журнале общей биологии), а затем сравнительно небольшие книги «Биологическая систематика» (1888) и «Кладистический анализ» (1990). Изменился характер выпускаемых Зоомузеем «Трудов...»: они стали издаваться ежегодно, ранее сложившийся стиль т. н. «братских могил» случайным образом собранных разношёрстных статей постепенно стал меняться на стиль тематических изданий и монографий, имеющих индивидуальные титульные названия («Птицы осваиваемых территорий», «Система-

тика млекопитающих СССР», «Эволюционная морфология моллюсков» и др.). Следует также упомянуть начало работы научного семинара Зоомузея, основой которой стали лекции теоретического характера по систематике и филогенетике (Любарский, 2009).

Свою лепту сотрудники Зоомузея вносили в природоохранное дело, которое в эти годы стало обретать «второе дыхание». Они не ограничивались традиционным участием в обследовании заповедных территорий: большое значение приобрела подготовка Красных книг. В СССР первые издания национальной Красной книги вышли в 1978 и 1984 гг., после этого стали печататься многочисленные региональные Красные книги. Наибольшую активность здесь проявили А.В. Свиридов, Н.Б. Никитский, П.С. Томкович.

В популяризацию научных знаний о разнообразии живой природы в 1970-е и 1980-е гг. особо значимый вклад вносили наши орнитологи. А.А. Кузнецов писал и издавал справочники-определители — такие как «Птицы лесов и гор», «Птицы открытых и околородных пространств». В.Е. Флинт активно содействовал переводу на русский язык произведений многих зарубежных натуралистов, среди которых наибольшей славой пользовались, пожалуй, книги Дж. Даррелла и Дж. Адамсон. Приметой времени стал совершенно новый стиль этих книг. Если раньше натуралисты писали о том, как они в экспедициях для музеев добывали и препарировали разнообразную живность, то теперь речь шла в основном о самих зверях и птицах, об их нравах и повадках, о любви к ним и о необходимости их охраны.

* * *

В пополнении научных коллекций Зоомузея в 1970-е и 1980-е гг. существенное значение имело участие его сотрудников в ряде больших государственных экспедиционных проектов, получавших «зелёный свет» в финансировании. Одним из наиболее масштабных стал проект конца 1970-х и середины 1980-х гг., связанный с возобновлением строительства Байкало-Амурской магистрали (в 1920-е гг. была известна как «Великий Северный железнодорожный путь»). Участие в нём позволило провести фаунистические исследования в Приамурье и Приморье и собрать там значительные по объёму и составу коллекции; особенно активными здесь были энтомологи и орнитологи.

Значительный вклад в пополнение коллекций вносили «родственные» академические и

отраслевые институты. Среди них особо следует отметить Институт эволюционной морфологии и экологии животных (ИЭМЭЖ, теперь ИПЭЭ), Институт океанологии (ИОАН), Тихоокеанский научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), Азово-Черноморский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (АзЧерНИРО), Всесоюзный институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

В сравнении с предыдущими десятилетиями заметно выросла доля «экзотических» представителей животного мира, которыми музейные фонды теперь стали пополняться вполне систематически и регулярно. Среди основных источников такого рода материалов нужно прежде всего и особо отметить действующие на постоянной основе международные комплексные биологические экспедиции, основным участником которых со стороны СССР (теперь РФ) был только что упомянутый ИЭМЭЖ (= ИПЭЭ). Начиная с 1970-х гг. работает Советско-(ныне Российско-)Монгольская экспедиция (Совместная..., 2015), масштабы исследований которой многократно превышают всю предшествующую деятельность в этом регионе. С середины 1980-х гг. действует ТропЦентр (ТропЦентр..., 2016), который начал с организации биологических исследований во Вьетнаме, а затем содействовал организации Советско-(Российско-)Эфиопской экспедиции. В результате проводимых ТропЦентром полевых работ, в которых принимают участие некоторые сотрудники Зоомузея, его коллекции пополнились многотысячными сборами главным образом млекопитающих, рептилий и амфибий, в меньшем объёме — птиц, рыб, некоторых групп насекомых из Индокитая и Африканского Рога. Более чем добрую память в связи с этим заслужил академик В.Е. Соколов, который был инициатором создания названных центров и организовывал их экспедиции, сам же в них нередко и участвовал.

Активными поставщиками интереснейших материалов по морским животным стали научно-исследовательские суда. «Витязь» и «Д. Менделеев» обследовали Тихий океан и его моря, «Академик Курчатов» и «Профессор Месяцев» совершали рейсы в Тихий и Атлантический океаны, «Академик Петровский» — в Северную Атлантику, Индийский океан и в Красное море. Особо ценные коллекции привезли участники рейса «Одиссей», обследовавшего прибрежный шельф Австралии и глубоководные участ-

ки внутренних морей Малайского архипелага. Если во времена Богданова основными коллекторами в морских походах были судовые врачи (см. один из предыдущих разделов), то теперь эти рейсы изначально планировались именно как научные (родоначальником был знаменитый «Персей» 1920–1930-х гг. при Плавморине, см.: Зенкевич, 1941), в них принимали полноценное участие многие зоологи-исследователи, в том числе сотрудники нашего Музея (Д.Л. Иванов, Б.В. Межов, несколько позже Ю.И. Сазонов).

В это время, как впрочем и в любое другое, активные «точки роста» в научных коллекциях возникали благодаря появлению в Зоомузее специалистов по той или иной группе животных. Так случилось, например, с собранием по клещам-краснотелкам: вплоть до 1970-х гг. они были представлены в Музее единичными препаратами, однако с приходом ведущего отечественного специалиста Н.И. Кудряшовой объём коллекций по этой группе вырос до 130 тыс. препаратов, включая многие типовые серии.

Среди источников пополнения научных коллекций Зоомузея в рассматриваемый период по-прежнему значительное место занимали частные собрания, порой чрезвычайно крупные и значимые в научном отношении.

Крупнейшую коллекцию раковин тропических моллюсков, включающую более 15 тыс. экз. по 2 тыс. видов, в 1980-е гг. передала в дар нашему Музею В.И. Хотовицкая — рождённая в России гражданка Австралии (Гептнер и др., 1991). Разрешение различного рода бюрократических формальностей и транспортировка коллекции заняли почти три года. В этом неординарном событии приняли живейшее участие сотрудники Квинслендского музея натуральной истории и члены Русско-Славянского общества австралийского города Брисбена: упаковывали хрупкие раковины, обеспечили доставку ящиков с коллекцией в морской порт. Далее при содействии консульских органов Министерства иностранных дел СССР коллекция была переправлена морским путём в Ленинград, откуда её перевезли в наш Музей. Ещё три годы ушло на то, чтобы эту огромную коллекцию разобрать, этикетировать и поставить в систематическом порядке.

Фантастическую по своей полноте коллекцию бабочек на протяжении 50 лет собирал известный энтомолог-любитель А.В. Цветаев. Она включает почти 84 тыс. экз., представляющих более пяти тыс. видов, была куплена Универ-

ситетом у потомков собирателя и передана в Музей, в настоящее время считается «жемужиной в короне» обширнейшего зоомузейного собрания насекомых (Антонова, 1991).

Из других личных собраний, поступивших в эти годы в Зоомузей, пусть и не столь объёмных, следует указать ещё два. Известный художник-анималист Н.Н. Кондаков подарил Музею огромный архив своих рисунков и уникальную коллекцию бабочек около 12 тысяч экземпляров. Известный морской зоолог М.Е. Виноградов передал в Зоомузей большую коллекцию морских ракообразных и также бабочек.

В середине 1970-х гг. в отделе териологии были частично изменены формы хранения и учёта типовых экземпляров. Номенклатурные типы были собраны в одном месте, составив отдельную группу хранения. Одновременно с этим были заведены картотеки-каталоги для типовой коллекции. Одна из них фактически дублировала стандартную поэкземплярную картотеку, в другой (сделана по образцу ЗИ-Новской) каждая карточка составлялась на всю типовую серию.

Говоря о развитии хранительского дела в Зоомузее тех лет, следует указать некоторые подвижки в методах препаровки коллекционных материалов. Так, для чистки большого числа мелких черепов и скелетов был организован «дерместарий», в котором основная роль отведена личинкам жуков рода *Dermestes*. Это позволило существенно активизировать накопление качественно отпрепарированных остеологических коллекций. Своеобразный облегчённый метод был изобретён для изготовления коллекционных тушек мелких млекопитающих: вместо «объёмных» тушек, набиваемых ватой и имитирующих «живой» облик зверьков, теперь чаще изготавливают «плоские» тушки (снятые «чулком» шкурки натягиваются на картонки).

К концу XX в. стараниями многих сотен зоологов, как профессионалов, так и любителей, общий объём научных фондов Зоологического музея МГУ достиг около семи миллионов единиц хранения. Причём понятно, что собственно индивидуальных экземпляров значительно больше: достаточно вспомнить планктонные сборы морских беспозвоночных и ватные сборы насекомых, содержимое которых едва ли кто когда-либо решился бы подсчитать. По этому показателю наш Музей занимает второе место в России после Зоологического института РАН

в Санкт-Петербурге и входит во вторую десятку крупнейших зоологических собраний в мире.

Подавляющую часть современных собраний Зоомузея составляет коллекция насекомых — её объём около 4.5 млн экз. Из них почти половина приходится на жесткокрылых, которые и в природе по видовому обилию занимают первое место. Очень велики собрания по перепончатокрылым (800 тыс. экз.), двукрылым (700 тыс. экз.), чешуекрылым (500 тыс. экз.).

Из других беспозвоночных особого упоминания заслуживает коллекция моллюсков — второго по разнообразию (после членистоногих) типа животных. Их в фондах Музея насчитывается 300 тыс. экз., особенно представительны сборы по наземным брюхоногим.

Среди позвоночных наиболее объёмны научные фонды по млекопитающим — почти 200 тыс. экз., это крупнейшее в России собрание. Почти столь же велики размеры орнитологической коллекции; в ней хотелось бы отметить весьма значительное собрание кладок птиц (почти 10 тыс. экз.) — одну из самых крупных в мире.

* * *

В завершение следует хотя бы кратко упомянуть библиотеку Зоомузея. В последнюю «полувековину» музейской истории для её пополнения был найден достаточно специфический способ: источником пополнения книжного фонда стали личные библиотеки крупных зоологов, которые по мере ухода их владельцев из жизни Университет покупал специально для Зоомузея (Свиридов, 1991). Первым такого рода приобретением стала библиотека С.И. Огнёва (1954 г., более 7 тыс. книг и 2.5 тыс. номеров периодики); следующей по дате и наибольшей по объёму была библиотека Н.Н. Плавильщикова (1964 г., более 16 тыс. библиотечных единиц); больше всего таких поступлений (увы, по вполне понятным печальным причинам) пришлось на 1970-е гг., когда были приобретены библиотеки покойных Г.В. Никольского (более 12 тыс. изданий), Г.П. Дементьева (14 тыс. изданий), В.Г. Гептнера (около 13 тыс. разного рода изданий) и некоторых других учёных.

В ходе последней реконструкции Зоомузея библиотеку расширили за счёт добавления комнаты, входившей в прежнюю «северцовскую» квартиру, которую оборудовали металлическими стеллажами в два яруса. Эта комната стала основным хранилищем литературы, в первой же комнате в шкафах разместились «именные»

книжные собрания — Огнёва, Плавильщикова, Дементьева, Гептнера и др. После ухода В.И. Коротковой библиотеку возглавила Г.В. Костылева. Основной её заслугой стало налаживание справочно-поисковой системы, включая единую систему именных и предметных картотек, систематический каталог (Свиридов, 1991).

Эпилог

Вместо того, чтобы писать какие-то заключительные дежурные юбилейные фразы о «долгом историческом пути», «достигнутых успехах», «большом значении» и т. п., в завершение краткого обзора истории Зоологического музея Московского университета я считаю важным обратить внимание на одну её особенность, поразившую меня.

Когда статья уже была вчерне готова и составлялась хроника Зоомузея (см. Приложение 1), мне бросилось в глаза, что он довольно часто — много чаще, чем хотелось бы и полагалось бы для музейного учреждения, требующего стабильности и покоя, — так или иначе переустраивался.

С момента учреждения его «предвестника» — Минералогического кабинета в 1759 г. — он один раз почти погиб и возродился (1812 г.), несколько раз переезжал с места на место целиком или частично (1791, 1820, 1837, 1901, 1941 гг.), сверх того подвергался частичной или почти полной перекройке *in situ* (начало 1800-х, середина 1880-х, 1910, начало 1950-х, 1970-е и 1980-е гг.), почти терял и вновь восстанавливал свою «самость» (начало 1860-х, конец 1920-х и начало 1930-х гг.)...

Так что, наверное, если считать «на круг», не менее четверти 225-летнего существования Зоологического музея Московского университета пришлось на периоды прохождения им через то или иное «узкое горлышко» исторического отбора.

В этом отношении судьба Зоомузея, наверное, в какой-то мере уникальна. Мало какой иной музей может «похвастаться» такой бурной историей — «похвастаться» именно в кавычках, ибо хвастаться тут особо нечем.

Разве что тем, что наш Музей не только смог выжить, буквально «протискиваясь» сквозь разного рода исторические «узкие горлышки», но и вырасти количественно и качественно, во всех передрыгах сохранив эту самую свою «самость». Впрочем, было бы правильнее сказать, что благодаря именно сохранению последней

сохранился и сам Зоомузей. Ибо сущность этой «самости», без которой невозможна нормальная жизнедеятельность всякого музея, — в единстве коллекций, служащих науке и просвещению, и людей, которые своим служением этим коллекциям обеспечивают их существование и развитие (Rossolimo, Pavlinov, 1993).

* * *

Хотелось бы здесь повторить сказанное в вводном разделе настоящей статьи: представленные в ней материалы отнюдь не завершают, а скорее начинают новейшую историографию Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова. В силу её краткости отдельные разделы и эпизоды его истории остались лишь затронутыми, но не исследованными.

Так, требует пояснения руководство Зоомузеем (точнее, его предшественниками) на протяжении 1790-х и 1840-х гг., более детальной характеристики — его деятельность на протяжении 1920–1930-х гг., включая многие важные эпизоды взаимоотношений между Музеем и НИИЗом, а отчасти и Плавморином. Наконец, заслуживает восстановления датированная последовательность ремонтных и иных работ в Зоомузее в 1970–1980-е гг.

В данной статье поимённо указаны далеко не все зоологи, которые работали в штате Зоомузея на протяжении второй половины XIX и особенно первой половины XX вв., — только оставившие наиболее заметный след в его истории. Почти не освещённой осталась их научная, научно-популярная и педагогическая деятельность, не говоря уж о составлении хотя бы краткого списка их основных публикаций. По причине вынужденной «лаконичности» биографические сведения об упомянутых в статье персонах получились более чем скудными (см. Приложение 2).

Практически не рассмотрена деятельность административно-хозяйственной части, канцелярии и других подобных служб Зоомузея, по какой-либо причине «за кадром» остались относящиеся к ним люди.

Наконец, в большой мере неописанной остаётся история Музея сравнительной анатомии, который в самом начале 1930-х гг. стал частью Зоомузея.

* * *

В настоящее время открываются ранее мало доступные и неизвестные архивные материалы и документы по истории Московского университета, а отчасти и нашего Музея, в Интернете

обнародуются важные первоисточники и документированные сведения. И лишь некоторая доля этого архивного богатства была использована при написании статьи (ибо её автор — совсем не историк).

Хотелось бы надеяться, что в не столь отдалённом будущем, возможно, найдётся человек, который почувствует в себе интерес и силы закопаться в архивы, как уже известные, так и ждущие своего исследования, разобраться в них — и написать действительно серьёзную хорошо документированную полноценную книгу об истории Зоологического музея Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Благодарности

Я признателен А.В. Антропову, Д.Л. Иванову, К.Г. Михайлову, В.Ф. Орловой, Я.А. Редькину, А.В. Свиридову, А.В. Сысоеву, Н.Н. Спасской за уточнение некоторых фактов из истории Зоологического музея МГУ и за содействие в работе с учётной документацией соответствующих секторов; А.В. Тихомировой за содействие в работе с архивом Зоомузея; М.М. Арефьевой за содействие в работе с литературой, хранящейся в библиотеке Зоомузея; Е.А. Дунаеву за техническую обработку записей с воспоминаниями О.Л. Россоломо.

Литература

Александрыйский... 2016. Александрыйский музей. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B5%D0%B9%D0%BE%D0%BD.

Ананьев В.Г. 2009. О некоторых источниках по истории формирования музейной коллекции московского университета в начале XIX века (к предыстории приобретения Семятинского кабинета). — Музеология–музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 мая 2008 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургск. госуд. универ. С. 321–327.

Андреев Ю.А. 1998. 1812 год в истории Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 85 с.

Андреев Ю.А. 2001. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Госуд. историч. музей. 748 с.

Антонова Е.М. 1991. Энтомологические коллекции. — Россоломо О.Л. (ред.). Два века в коллек-

циях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 69–115.

Артемьева Т.В. (сост.). 2010. Общественная мысль России XVIII века Т. 1: *Philosophia rationalis*. Москва: РОССПЭН. 760 с.

Балахонова Е.И. 2015. А.П. Богданов: от выставок к науке антропологии. — Спасская Н.Н, Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку. (Зоологические исследования, 18). С. 146–159.

Беляев О. 1800. Кабинет Петра Великого. Издано по Высочайшему повелению Императорской Академии Наук. Отделение 1–3. Санктпетербург: Императ. типогр. 215, 287, 278 сс.

Белявский М.Г., Сорокин В.В. 1970. «Наш первый, наш московский, наш российский...» Памятные места старого здания Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 159 с.

Бессуднова З.А. 2005. Музей естественной истории Императорского московского университета до и после отечественной войны 1812 года. — Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции 22–23 октября 2004 г. Малоярославец. <http://musey1812.ru/sborniki/>.

Биологический... 2015. Биологический музей имени К.А.Тимирязева. История музея. <http://gbmt.ru/tu/museum/history.php>.

Бобринский Н.А., Четвериков С.С. 1925. Сбор и приготовление зоологических коллекций. Москва–Ленинград: ГИЗ. 112 с.

Богданов А.П. (ред.). 1878. Московский музей прикладных знаний. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея в 1877–78 году. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 22 (4): v–ix.

Богданов А.П. 1885. Карл Францович Рудль и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 43 (2). Труды лаборатории при Зоологическом музее Московского университета, 2 (2). 215 с.

Богданов А.П. 1888а. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.). Том первый. Фаунистические работы Общества. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 2. 494 с.

Богданов А.П. 1888б. Николай Карлович Зенгер. — Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Том первый. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии,

54. Труды Зоологического отделения Общества, 3. С. 111–112.
- Богданов В.В. 1915. Торжественное заседание 15 октября 1913 г. — Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. Москва: Типогр. т-ва Рябушинских. С. 5–34.
- Борейко В.Е. 2002. Философы дикой природы и природоохраны. Киевский эколого-культурный центр. http://svitk.ru/004_book_book/5b/1267_boreyko-filosofi_prirodi.php.
- Боханов А.Н. 1989. Коллекционеры и меценаты в России. Москва: Наука. 187 с.
- Бурлыклина М.И. 2001. История музеев высших учебных заведений дореволюционной России, 1724–1917 гг. Дисс... доктор культурол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. госуд. унив. культуры и искусств. 449 с.
- Бурлыклина М.И. 2015. Московский государственный университет: история музейного дела (1755–2015). Москва: МАКС Пресс. 320 с.
- Вайнер Д.Р. 1991. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. Москва: Издат. группа «Прогресс». 398 с.
- Варсанюфьева В.А. 1955. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. 1805–1955. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 104 с.
- Вихман А.А., Генералова Л.П. 2008. Карл фон Линней — человек планеты Земля. Санкт-Петербург. 51 с. <http://www.medline.ru/public/histm/medmono/linei.pdf>.
- Веригина И.А. 1991. Ихтиологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 116–136.
- Вернадский В.И. 1988. Труды по истории науки в России. Москва: Наука. 457 с.
- Волосникова Л.М. 2006. Университетский устав российской империи 1863 года — режим академической свободы. — История государства и права, 5: 13–15.
- Вулисанова Г.А. 2002. Век просвещённый. — Международный исторический журнал, 17. <http://ricolor.org/history/eng/edu/mgu/3/>.
- Гарданов В.К. 1957. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). — История музейного дела в СССР. Труды научно-исследовательского института музееведения, 1: 7–36.
- Гептнер М.В., Иванов Д.Л., Кудряшова Н.И. и др. 1991. Коллекции беспозвоночных животных. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 36–68.
- Грицкевич В.П. 2004. История музейного дела до конца XVIII века. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. госуд. универ. культуры и искусства. 408 с.
- Гулевич В.С. 1928. Ассоциация научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете Московского государственного университета. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ, 1 (1–2): 1–3.
- Демидов П.А. 1910. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир. 42 с.
- Ефимова С.Г. 2015. Антропология древнего населения России в трудах А.П. Богданова. — Спаская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 160–169.
- Завадовский Б.М. 1932. Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея. — Советский музей, 5: 23–41.
- Заключение... 2014. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея. Заключение. <http://www.ras.ru/kunstkamera/bbf77cbe-1a42-418e-b303-46a4369e3118.aspx>.
- Зарождение... 2016. Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского. История музея. I. Зарождение. <http://www.sgm.ru/8/#up>.
- Зенкевич Л.А. 1941. Работа Плавучего морского научного института на судне «Персей». — Советская Арктика, 2: 70–77.
- Зограф Н. 1899. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов. — Журнал Министерства народного просвещения, 9: 21–46; 10: 207–230. [Публикация воспроизведена в: Зоологические исследования, 2015, 18: 39–63.]
- Зоологический институт. 2011. — Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. Москва: Издат. дом Руденцовых. С. 230–243.
- Иванов Д.Л., Кантор Ю.И. 1991. Малакологическая коллекция П.Г. Демидова в Зоологическом музее МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 95 с.
- Иванова Е.А. 2002. Становление и развитие Румянцевского музея как Российского общественного, научного и культурного центра, XIX – начало XX вв. Дисс... канд. истор. наук. Москва: Московск. госуд. универ. 342 с.
- Игнатович Т.М. 2000. Императорский Московский Университет в истории создания московского Румянцевского музея. — Румянцевские чтения, 1: 250–252.
- Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. 1991а. Экспозиция. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 207–237.
- Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. и др. 1991б. История музея. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 4–35.

- История... 1955а. История Московского университета, Т. 1. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 562 с.
- История... 1955б. История Московского университета, Т. 2. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 456 с.
- История создания... 2005. История создания Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова. http://www.sevin.ru/menues1/index_rus.html?..jubilae/index.html.
- Каулен М.Е. (ред.). 2003. Музейное дело в России. Москва: Изд-во «ВК». 614 с.
- Кириллов В.В. 1997. Университетский дом на Моховой. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 64 с.
- Кожевников Г.А. (ред.). 1902. Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций. Москва: Изд-во Московск. универ. 182 с.
- Коновалов Д. 2014. Рязанские меценаты. — Родная сторона. <http://rodnaya-storona.ru/node/322>.
- Константинов В.М. 2003. Александр Федорович Котс. 1880–1964. http://www.rbcu.ru/information/272/13290/?sphrase_id=246722.
- Костина И.Л. 2015. А.П. Богданов и Московский зоопарк: идеи отца-основателя в развитии. — Спаская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 129–136.
- Костылева Г.В. 1991. Библиографический указатель публикаций о музее. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 259–262.
- Красовицкая Т.Ю. 2002. Российское образование между реформаторством и революционизмом. Февраль 1917–1920 гг. Москва: Историко-архивн. инст. 416 с.
- Краткий отчёт... 1841. Краткий отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1840–1841 академический год. — Речи и отчёт... Москва: Универ. типогр. С. 73–84.
- Краткий отчёт... 1844. Краткий отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1843–1844 академический год. — Речи и отчёт... Москва: Универ. типогр.
- Краткий отчёт ... 1846. Краткий отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1845–46 академический год. — Речи и отчёт... Москва: Универ. типогр. С. 1–16.
- Краткий отчёт... 1851. Краткий отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1851 гражданский год. — Речи и отчёт... Москва: Универ. типогр.
- Краткий отчёт ... 1888. Краткий отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1887 год. Москва: Универ. типогр. 197 с.
- Кривохатский В.А. 2013. Приключение жизни Виктора Ивановича Мочульского, описанное им самим. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 261 с.
- Кунсткамера... 2014. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея. <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx>.
- Кунсткамера... 2016. 300 лет Кунсткамере. <http://kunstkamera.ru/index/300/>.
- Левинский В.Д. (ред.). 1885. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея (Год 8) (1884–85 год). Московский музей прикладных знаний. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 47 (1): 3–59.
- Левшин Б.В. 1998. Академический университет в Санкт-Петербурге (историческая справка). — Отечественная история, 5: 73–76.
- Летопись... 2016а. Летопись Московского университета. <http://letopis.msu.ru/>.
- Летопись... 2016б. Летопись Московского университета. Летопись-1756. <http://letopis.msu.ru/letopis/1756>.
- Летопись... 2016в. Летопись Московского университета. Летопись-1755. <http://letopis.msu.ru/letopis/1755>.
- Летопись... 2016г. Летопись Московского университета. Летопись-1759. <http://letopis.msu.ru/letopis/1759>.
- Летопись... 2016д. Летопись Московского университета. Летопись-1765. <http://letopis.msu.ru/letopis/1765>.
- Летопись... 2016е. Летопись Московского университета. Летопись-1775. <http://letopis.msu.ru/letopis/1775>.
- Летопись... 2016ж. Летопись Московского университета. Летопись-1786. <http://letopis.msu.ru/letopis/1786>.
- Летопись... 2016з. Летопись Московского университета. Летопись-1791. <http://letopis.msu.ru/letopis/1791>.
- Летопись... 2016и. Летопись Московского университета. Летопись-1802. <http://letopis.msu.ru/letopis/1802>.
- Летопись... 2016к. Летопись Московского университета. Летопись-1840. <http://letopis.msu.ru/letopis/1840>.
- Летопись... 2016к1. Летопись Московского университета. Летопись-1840. <http://letopis.msu.ru/letopis/1844>.
- Летопись... 2016л. Летопись Московского университета. Медицинский факультет (1755–1930). <http://letopis.msu.ru/facultet/medicinskiy>.
- Летопись... 2016м. Летопись Московского университета. Варнек Николай Александрович. <http://letopis.msu.ru/peoples/314>.
- Летопись... 2016м1. Летопись Московского университета. Борзёнков Яков Андреевич. <http://letopis.msu.ru/peoples/302>.
- Летопись... 2016н. Летопись Московского университета. Медицинский факультет. 1754. <http://letopis.msu.ru/content/letopis-medicinskogo-fakulteta>.

- Летопись... 2016о. Летопись Московского университета. Ренар Карл Иванович. <http://letopis.msu.ru/peoples/1017>.
- Летопись... 2016п. Летопись Московского университета. Летопись физико-математического факультета. <http://letopis.msu.ru/content/letopis-fiziko-matematicheskogo-fakulteta>.
- Летопись... 2016р. Летопись Московского университета. Летопись-1923. <http://letopis.msu.ru/letopis/1923>.
- Летопись... 2016с. Летопись Московского университета. Летопись-1927. <http://letopis.msu.ru/letopis/1927>.
- Летопись... 2016т. Летопись Московского университета. Летопись-1923. <http://letopis.msu.ru/letopis/1929>.
- Летопись... 2016у. Летопись Московского университета. Летопись-1930. <http://letopis.msu.ru/letopis/1930>.
- Летопись... 2016ф. Летопись Московского университета. Летопись-1931. <http://letopis.msu.ru/letopis/1931>.
- Летопись... 2016х. Летопись Московского университета. Летопись-1932. <http://letopis.msu.ru/letopis/1932>.
- Летопись... 2016ц. Летопись Московского университета. Летопись-1933. <http://letopis.msu.ru/letopis/1933>.
- Летопись... 2016ч. Летопись Московского университета. Летопись-1936. <http://letopis.msu.ru/letopis/1936>.
- Летопись... 2016ш. Летопись Московского университета. Летопись-1938. <http://letopis.msu.ru/letopis/1938>.
- Летопись... 2016щ. Летопись Московского университета. Быховская Анна Марковна. <http://letopis.msu.ru/peoples/3177>.
- Летопись... 2016э. Летопись Московского университета. Летопись-1941. <http://letopis.msu.ru/letopis/1941>.
- Летопись... 2016ю. Летопись Московского университета. Летопись-1991. <http://letopis.msu.ru/letopis/1991>.
- Летопись-Положение... 1921. Летопись Московского университета. Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921). <http://letopis.msu.ru/documents/2762>
- Летопись-Устав... 1804. Летопись Московского университета. Университетский Устав (5 ноября 1804). <http://letopis.msu.ru/documents/327>.
- Летопись-Устав... 1835. Летопись Московского университета. Университетский устав (26 июля 1835). <http://letopis.msu.ru/documents/2123>
- Летопись-Устав... 1863. Летопись Московского университета. Университетский устав (18 июня 1863). <http://letopis.msu.ru/documents/2760>.
- Летопись-Устав... 1939. Летопись Московского университета. Устав МГУ (1939). <http://letopis.msu.ru/documents/2763>.
- Липшиц С.Ю. 1940. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805-1940) (исторический очерк). Москва: МОИП. 155 с.
- Лунин В.В., Зоркий П.М., Лубнина И.Е. 1999. Российские университеты в XVIII веке. — Вестник Московского университета, Сер. 2. Химия., 40 (5): 345–350.
- Лункевич В.В. 1960. От Гераклита до Дарвина. Очерки истории биологии. 2-е изд. Т. 2. Москва: Учпедгиз. 547 с.
- Любарский Ю.Г. 2009. История зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 744 с.
- Любарский Ю.Г. 2015. Карл Францевич Рулье и Анатолий Петрович Богданов: мастерство организации науки. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 89–109.
- Любарский Ю.Г. 2016. История «Зоологического журнала». — Зоологический журнал, 95 (1): 4–27.
- Магазин... 2002. Русская литература и фольклор. Магазин натуральной истории, физики и химии... <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0761.htm>
- Мануильская Е.Н. (ред.). 1941. 185 лет Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 126 с.
- Менцин Ю.Л., Путря П.В. 2013. Дар Зоя Павловича Зосимы и развитие астрономии в Московском университете. — Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга МГУ. http://www.sai.msu.ru/history/Dar_Zosima.html.
- Микулинский С.В. 1979. Карл Францевич Рулье. Ученый, человек и учитель. 1814–1858 гг. Москва: Наука. 335 с.
- Михайлов К.Г. 2002. Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). Москва: Изд-во КМК. 59 с.
- Михайлов К.Г. 2009. От издателя. — Любарский Ю.Г. История зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. С. 3.
- Морозова С.Г. 2015. А.П. Богданов и Музей прикладных знаний: замыслы и воплощение. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 137–146.
- Моховая... 2015. Моховая. Университетский квартал. <http://www.geogr.msu.ru/science/aero/acenter/atlas/10-11.htm>
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б. 2014. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I). — Ярославский педагогический вестник, 1 (Гуманитарные науки) (4): 27–40.

Общий устав... 1835. Общий устав Российских университетов (26 июля 1835 г.). <http://museum.guru.ru/ustavy/ustav1835/contents.phtml>

Общий устав... 1884. Общий устав Императорских Российских университетов (23 августа 1884 года). <http://www.reformshistory.ru/reformy/reformy-aleksandra-iii/reformaobrazovania/universitetskayareforma/ustav1884-g>.

Организация... 1968. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Ленинград: Наука. 419 с.

Орлова В.Ф. 1991. Герпетологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 137–149.

Отчёт... 1836. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1835го по 1ое января 1836го года. Москва: Универ. типогр. 54 с.

Отчёт... 1837. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1836го по 1ое января 1837го года. Москва: Универ. типогр. 50 с.

Отчёт... 1839. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1840/41 академический и 1837 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 37 с.

Отчёт... 1843. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1841–42 академический и 1842 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 189 с.

Отчёт... 1849. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 82 с.

Отчёт... 1856. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1855–56 академический и 1856 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 92 с.

Отчёт... 1858. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 90 с.

Отчёт... 1860. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1858–59 академический и 1859 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 66 с.

Отчёт... 1863. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета в 1861–62 академическом и 1862 гражданском году. Москва: Универ. типогр. 44 с.

Отчёт... 1866. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1864–65 академический и 1865 гражданский годы. — Приложение к № 7 Московских университетских известий. Москва: Универ. типогр. 102 с.

Отчёт... 1867. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1865–66 академический и 1866 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 126 с.

Отчёт... 1868. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1866–67 академический и 1867 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 97 с.

Отчёт... 1870. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1868–69 академический и 1869 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 94 с.

Отчёт... 1871. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1869–70 академический и 1870 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 119 с.

Отчёт... 1872. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1870–71 академический и 1871 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 95 с.

Отчёт... 1874. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1872–73 академический и 1873 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 102 с.

Отчёт... 1878. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1877 год. Москва: Универ. типогр. 85 с.

Отчёт... 1880. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1879 год. Москва: Универ. типогр. 159 с.

Отчёт... 1885. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1884 год. Москва: Универ. типогр. 168 с.

Отчёт... 1888. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1887 год. Москва: Универ. типогр. 197 с.

Отчёт... 1890. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1890 год. Москва: Универ. типогр. 154 с.

Отчёт... 1894. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1892 год. Москва: Универ. типогр. 180 с.

Отчёт... 1895. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1894 год. Москва: Универ. типогр. 351 с.

Отчёт... 1898. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1896 год. Москва: Универ. типогр. 270 с.

Отчёт... 1901. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1899 год. Москва: Универ. типогр. 285 с.

Отчёт... 1905. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1904 год. Москва: Универ. типогр. 291 с.

Отчёт... 1906. Отчёт Императорского московского университета за 1905 год. Москва: Универ. типогр. 391 с.

Отчёт... 1907. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1906 год, Часть 1я. Москва: Универ. типогр. 412 с.

Отчёт... 1908. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1907 год, Часть 1я. Москва: Универ. типогр. 441 с.

Отчёт... 1910. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1909 год, Часть 1я. Москва: Универ. типогр. 503 с.

Отчёт... 1911. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1910 год. Москва: Универ. типогр. 525 с.

Отчёт... 1912. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1911 год. Москва: Универ. типогр. 421 с.

Отчёт... 1914. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1913 год. Часть II. Москва: Универ. типогр. 425 с.

Отчёт... 1915. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1914 год. Часть II. Москва: Универ. типогр. 392 с.

Отчёт... 1917. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1916 год. Часть II. Москва: Универ. типогр. 118 с.

Отчёт и речь... 1876. Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1876 года. Москва: Универ. типогр. 88 с.

Отчёт по... 1864. Отчёт по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года, представленный бывшим директором Музея свиты Его Императорского Величества генерал-майором Н.В. Исаковым. Санктпетербург: типогр. Рогальского. 178 с.

Павлинов И.Я. 2008. Музейные коллекции как феномен науки. — Известия Музейного фонда им. А.А. Браунера (Одесса), 5 (4): 1–4.

Павлинов И.Я. 2016. Биоразнообразие и биоколлекции: проблема соответствия. — Сборник трудов Зоологического музея Московск. госуд. универ. им. М.В. Ломоносова, 54: 733–786.

Павлинов И.Я., Иванов Д.Л. 2005. Зоологический музей МГУ: коллекции и люди. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 56 с.

Павлинов И.Я., Яхонтов Е.Л. 1991. Териологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 168–193.

Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Багдасарова Т.В. 1978. Гербарий Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 149 с.

Панов В.В. 2002. Архитектурно-типологические принципы проектирования музеев вузов. Дисс.... канд. архитектуры. Москва: Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т жилых и обществ. зданий. 224 с.

Пекарский П.П. 1870. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Императ. акад. наук. 774 с.

Пенчко Н.А. 1952. Основание Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 175 с.

Перепёлкин А.П. 1890. Историческая записка о 30-тилетней деятельности Московского общества сельского хозяйства и его президента И.Н. Шатилова. 1860–1889 г. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон. 746 с.

Петров Ф.А. 2002. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 Российские университеты и устав 1804 года. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 416 с.

Плавильщиков Н.Н., Кузнецов Н.В. 1952. Собираение и изготовление зоологических коллекций. Москва: Госкультпросветиздат. 137 с.

Поздняков Н.Н. 1957. Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность в 1872–1917 гг. (Работа передовых русских учёных в Политехническом музее). — История музейного дела в СССР. Труды научно-исследовательского института музееведения, 1: 129–158.

Постановление... 2011а. Постановление СНК РСФСР от 13.07.1931 № 752 «О реорганизации государственных университетов». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15953>.

Постановление... 2011б. Постановление Совмина РСФСР от 05.06.1978 № 272. «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях РСФСР». <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-normy/t2o.htm>.

Постановление... 2012. Постановление СНК РСФСР от 03.05.1932. «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР». <http://7law.info/ussr/act2q/n577.htm>.

Приказ... 2007. Приказ Минвуза СССР от 05.11.1984 № 725 «Об утверждении Типового положения о музее высшего учебного заведения». <http://lawru.info/dok/1984/11/05/n1182953.htm>.

Проект... 2016. Проект об учреждении Московского университета (12 января 1755). <http://letopis.msu.ru/documents/270>.

Прокопович-Антонский А.А. 2010. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. — Артемьева Т.В. (сост.). Общественная мысль в России XVIII века, Т. 1. Москва: РОССПЭН. С. 403–424.

Протоколы... 1866. Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском московском университете. Год первый. Первое заседание 1 мая 1864. г. — Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Москва: Типогр. Лазаревского инст. восточных языков. С. 1–8.

Пятидесятилетие... 1913. Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862–1912. Исторический очерк. Москва: Скоропечатня А.А. Левенсон. 194 с.

Речь... 1882. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского

университета 12-го января 1882 года. Москва: Универ. типогр. 94 с.

Речь... 1884. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1884 года. Москва: Универ. типогр. 309 с.

Речь... 1885. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1885 года. Москва: Универ. типогр. 168 с.

Речь... 1886. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1886 года. Москва: Универ. типогр. 201 с.

Речь... 1887. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1887 года. Москва: Универ. типогр. 165 с.

Речь... 1890. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1890 года. Москва: Универ. типогр. 154 с.

Речь... 1892. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1892 года. Москва: Универ. типогр. 155 с.

Речь... 1893. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1893 года. Москва: Универ. типогр. 292 с.

Речь... 1901. Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1901 года. Москва: Универ. типогр. 453 с.

Рождественский С.В. 1902. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. Санктпетербург: Мин. нар. прос. 814 с.

ТропЦентр... 2016. Российско-Вьетнамский Тропический научно-исследовательский и технологический центр. <http://tropcenter.ru/about/>.

Россолимо... 2012. Полярная Почта. Россолимо Александр Иванович (1865–1939). <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=6213>

Рубан Н.И. 2014. Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев. — Российское музееведение. http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf.

Рулье К.Ф. 1954. Сомнения в зоологии как науке. — Рулье К.Ф. Избранные биологические произведения. Изд-во Акад. наук СССР. С. 9–29.

Рулье К.Ф. 1855. Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 520–528.

Рулье К.Ф., Спасский М.Ф. 1855. Двигубский Иван Алексеевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 290–294.

Сергеев С.В., Иванов К.М. 2011. Главный архитектор Московского императорского университета. — Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. Москва: Издат. дом Руденцовых. С. 6–11.

Слепкова Н.В. 2015. История Зоологического музея. <https://www.zin.ru/museum/history.html>.

Слепкова Н.В. 2016. Зоологический музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в XIX веке. Принципы экспонирования. — Историко-биологические исследования, 8 (1): 29–65.

Совместная... 2015. Совместная Российско-Монгольская комплексная биологическая экспедиция РАН и АНМ (СРМКБЭ). http://www.sevin.ru/menues1/index_rus.html.

Соколов В.Е., Шишкин В.С. 2005. Развитие отечественной териологии в XIX веке. Москва: Наука. 324 с.

Сорокин В.В. 2006. По Москве исторической. Москва: Тончу. 464 с.

Сотникова С.И. 2011. Естественноисторическая музеология. Томск: Изд-во Томск. госуд. универ. 304 с.

Спасская Н.Н. 2015. Легендарная московская носорожиха: Семирамида, aka Менька. — Научная Россия. <http://scientificrussia.ru/articles/semiramidana-zhe-monka>.

Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). 2015. Любил Россию, Университет, Науку. Зоологические исследования, 18. 213 с.

Станюкович Т.В. 1953. Кунсткамера Петербургской академии наук. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. 240 с.

Сытин А.К. 2014. Ботаник Петр Симон Паллас. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 456 с.

Таран А.В. 2005. Университетские музеи России: прошлое, настоящее, будущее. — Обсерватория культуры: журнал-обозрение, 2: 64–71.

Тимофеев-Рессовский Н.В. 2008. Воспоминания. Москва: Вагриус. 416 с.

Тихомиров А. 1897. Анатолий Петрович Богданов. — Речь и Отчеты Императорского Московского Университета за 1897 г. Москва: Университ. типогр. С. 1–20 [Публикация воспроизведена в: Зоологические исследования, 2015, 18: 30–38.]

Томкович П.С. 1991. Орнитологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 150–167.

Труды... 1909. Труды студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском университете. Кн. 4. Под ред. Г.Г. Щеголева. Москва: Универ. типогр. 149 с.

- Туров С.С. 1956. Зоологический музей Московского университета. Москва: Изд-во Московск. универ. 42 с.
- Туров С.С., Дементьев Г.П. 1940. Очерк истории Зоологического музея Московского университета. — Учёные записки Московского университета. Сер. биология, 54: 176–196.
- Одолламская З. 2016. Московский университет, ул. Моховая, дд. 9–11. — Узнай Москву. <http://um.mos.ru/places/30245/>
- Указатель... 1826. Указатель Императорского московского университета, или краткое описание Кабинетов и других заведений, находящихся при Университете, с показанием всего достопримечательного в оных. Москва: Универ. типогр. 131 с.
- Ульянова Г.Н. 2004. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.). — Экономическая история. Ежегодник. Москва. С. 371–399.
- Университеты..., 1935. Университеты и научные учреждения. 2-е изд. Москва–Ленинград: Объединенное научно-техническое изд-во. 586 с.
- Устав... 1866. Устав Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском московском университете. — Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Москва: Типогр. Лазаревского инст. восточных языков. С. 1–2.
- Фролов Э.Д. 2001. Античный Мусейон в его развитии от частно-правового института к государственному учреждению. — Университетский историк, вып. 1. Изд-во Санкт-Петербург. универ. С. 5–26.
- Ходецкий В.Г. 2004. История создания университетских музеев. — Газета «Московский университет», № 10 (4071). <http://www.getmedia.msu.ru/newspaper/newspaper/4071/all/250.htm>.
- Циммерман А.М. 1855. Глебов Иван Тимофеевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 209–225.
- Чайковский Ю.В. 1997. Старейшее общество и его библиотека. — Москва научная. Москва: Янус-К. С. 392–415.
- Шахермайр Ф. 1986. Александр Македонский, 2-е изд. Москва: Наука. 384 с.
- Шевырёв С.П. 1855. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855. Москва: Универ. типогр. 600 с.
- Шевырёв С.П., Щуровский Г.Е. 1855. Антонский-Прокопович Антон Антонович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 12–36.
- Шишкин В.С. 2001. Федор Карлович Лоренц. — Первое сентября, 10. <http://bio.1september.ru/article.php?ID=200101006>.
- Щелкановцев Я.П. 1897. К истории развития ложных скорпионов (Chernetidae). — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 86. Труды Зоологического отделения общества, 10. Дневник Зоологического отделения общества и Зоологического музея, 2 (5): 1–8.
- Щепкин П.С. 1927. Краткая история императорского Московского университета с 3-го числа месяца июля 1826-го по 27-е число июня 1827 года. Москва: Универ. типогр. 19 с.
- Щуровский Г.Е. 1855а. Политковский Фёдор Герасимович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 280–287.
- Щуровский Г.Е. 1855б. Керштене Иоганн Христиан. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 407–410.
- Щуровский Г.Е. 1855в. Афонин Матвей Иванович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 42–49.
- Щуровский Г.Е. 1855г. Сибирский Иван Андреевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 414–415
- Эйнгорн В. 1912. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году (Переписка Московской дирекции училищ). — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских (1912 г.), кн. 4. 100 с.
- Юренева Т.Ю. 2003. Музей в истории мировой культуры. Москва: Русское слово. 532 с.
- Юровская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). Москва: Инст. антропологии МГУ. 116 с.
- Alexander E.P., Alexander M. 2008. Museums in motion. An introduction to the history and functions of museums. New York: Altamira Press. 352 p.
- Anonymous. 1897. History and present state of the Imperial Museum of Natural History at Moscow. — The Literary Panorama, Vol. 1. London: C. Taylor. P. 601–604.
- Boylan P.J. 1999. Universities and museums: Past, present and future. — Museum Management and Curatorship, 18 (1): 43–56.

Griffin F.J. 1936. On the dates of publication of Motschulsky (V. de), 'Etudes entomologiques', I.–XI., 1853–1862. — *Annals and Magazine of Natural History*. Ser. 10, 17 (98): 256–257.

Fischer G. 1802. *Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris ... von seinem ersten Ursprunge bis zu seinem jetzigen Glanze*. Bd. 1. Frankfurt am Main: Esslinger. 547 S.

Fischer G. 1803. *Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris ... von seinem ersten Ursprunge bis zu seinem jetzigen Glanze*. Bd. 2. Frankfurt am Main: Esslinger. 422 S.

Fischer G. 1806. *Museum d'Histoire naturelle de l'Universite Impériale de Moscou*. Tome premier contenant les mammifères. Moscou: Imprim. C.F. Schildbach. 119 p.

Fischer G. 1807. *Museum Demidoff, ou Catalogue systematique ou raisonne des curiosites de la nature et de l'art. Donnees a l'Universite Impériale de Moscou par son Excellence Monsieur Paul de Demidoff*. *Museum Demidoff mis en ordre systematique et decrit*. Tome 3. *Vegetaux et animaux*. Moscow: Imprim. l'Université Impériale. 330 p.

Fischer G. 1822. *Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosquensis*. Pars I. *Animalia*. *Mosquae: Typus Universit. Caesariae*. 76 p.

Fischer G. 1829. *Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosquensis*. Pars II. *Insecta*. *Mosquae: Typus Universit. Caesariae*. 147 p.

Fischer de Waldheim G. 1832. *Rapport sur les travaux de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou...* Moscou: Imprim. Acad. Impér. Médico-Chirurgical. P. 1–12.

Impey O., Macgregor A. (eds.). 2001. *The origins of museums: The cabinet of curiosities in sixteenth- and seventeenth-century Europe*, 2nd ed. London: House of Stratus. 431 p.

Lourenço M. 2003. Contributions to the history of university museums and collections in Europe. — *Museologia*, 3 (1–2): 17–26.

Ridder-Symoens Hilde, de (ed.). 2003. *A history of the university in Europe: Vol. 1, Universities in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 536 p.

Rossolimo O.L., Pavlinov I.J. 1993. Seventy years of Soviet zoological collections and the lessons they taught us. — Rose C. et al. (eds). *Natural history collections*. Congress book, vol. 3. Madrid. P. 135–142.

Sachs J. 1906. *History of botany, 1530–1860*. Oxford: Clarendon Press. 588 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Хроника Зоологического музея МГУ (1755–1991)

1755 — учреждение Московского университета с Кафедрой натуральной истории (при Медицинском факультете), занявшего здание Аптекарского дома на левой стороне Неглинки; пожертвование Универ-

ситету Н.А. Демидовым унаследованной им части «кабинета Генкеля».

1756 — размещение демидовского дара в помещении только что организованной библиотеки Университета; надзор за этим собранием поручен М.М. Хераскову.

1759 — пожертвование Университету семейством Демидовых остальной части «кабинета Генкеля»; официальное учреждение на этой основе Минералогического кабинета; во главе Кафедры натуральной истории и названного Кабинета поставлен И.Х. Керштенс.

1760-е — Минералогический кабинет в официальных документах начинает именоваться как Натуральный (или Императорский) кабинет.

1770 — во главе Кафедры натуральной истории и Натурального (Минералогического) кабинета поставлен М.И. Афонин в связи с отставкой И.Х. Керштенса.

1777 — во главе Кафедры натуральной истории и Натурального (Минералогического) кабинета поставлен И.А. Сибирский в связи с отставкой М.И. Афонина.

1783 — во главе Кафедры натуральной истории и Натурального (Минералогического) кабинета поставлены Ф.К. Курика и Ф.Г. Политковский в связи с кончиной И.А. Сибирского.

1785 — Ф.Г. Политковский становится единоличным главой Кафедры натуральной истории и Натурального (Минералогического) кабинета в связи с кончиной Ф.К. Курики.

1791 — перевод Кафедры натуральной истории и Натурального (Минералогического) кабинета из Аптекарского дома в центральную часть нового здания Университета на углу Никитской (по правую сторону) и Моховой ул.; закрепление названия «Кабинет натуральной (естественной) истории»; назначение А.А. Антонского-Прокоповича его хранителем; за Ф.Г. Политковским, как профессором Кафедры натуральной истории, по-видимому, сохранилось официальное заведование Кабинетом.

1802 — Император Александр I пожертвовал Университету Семятический кабинет естественной истории; П.Г. Демидов пожертвовал Университету личное собрание предметов естественной истории и артефактов, библиотеки, а также 100 тыс. руб. для содержания Кафедры натуральной истории и профессора при ней.

1804 — принятие нового Устава Университета, согласно которому ранее существовавшая в нём Кафедра натуральной истории преобразована в Демидовскую кафедру с Кабинетом; подчинение университетского Кабинета естественной истории профессору этой Кафедры; приглашение Г.И. Фишера заведовать Демидовской кафедрой и двумя Кабинетами — прежним «Императорским» и вновь учреждённым «Демидовским».

1805–1806 — приведение в порядок обоих Кабинетов натуральной (естественной) истории (размещены в едином помещении из 6 смежных комнат) и их открытие для посещения студентами и затем публикой;

1806–1807 — Фишер публикует 3-томный каталог предметов натуральной истории, в котором обозначает Кабинеты как «императорский» и «демитовский», называя их (на европейский манер) «музеями».

1812 — в связи с нашествием Наполеона эвакуация части Университета и с ним многих предметов натуральной истории в Нижний Новгород; гибель оставшейся их части в Московском пожаре.

1813 — возвращение Университета из Нижнего Новгорода; начало восстановления Кабинета (Музея) естественной истории, временно размещённого в частном наёмном здании на Моховой.

1821(?) — перенос предметов натуральной истории в восстановленное здание Университета; раздельное хранение «императорского» и «демитовского» кабинетов de facto упразднено, они объединены в единый Музей естественной истории во главе с профессором Демидовской кафедры Г.И. Фишером.

1822–1830 — Фишер публикует многотомный каталог Музея естественной истории: список зоологических коллекций (без насекомых) в 1822 г., насекомых в 1829 г., минералогических в 1824, 1827 и 1830 гг.

1832 — самоотставка Г.И. Фишера от должности профессора Демидовской кафедры и заведующего Музеем естественной истории; его преемником становится его сын А.Г. Фишер.

1834 — назначение А.Л. Ловецкого профессором Демидовской кафедры и заведующим Музеем естественной истории в связи с переходом А.Г. Фишера на Кафедру ботаники.

1835 — в структуре Московского университета, утверждённой новым Уставом, отсутствует Демидовская кафедра, вместо неё выделены две новые Кафедры — зоологии и минералогии с геологией, а также учреждены «учебные и вспомогательные пособия и заведения», среди которых Зоологический и Минералогический кабинеты (Музей естественной истории в «официальной» структуре отсутствует, однако в университетских годовых отчётах до конца 1850-х гг. эти кабинеты указываются как его разделы); назначение А.Л. Ловецкого профессором Кафедры зоологии и заведующим Зоологическим кабинетом; в университетских годовых отчётах указывается, что под его «надзором» находится также Музей естественной истории.

1837 — перемещение большей части коллекций (включая все зоологические и некоторые другие) Музея естественной истории в новый корпус Университета по левую сторону Никитской ул.; назначение К.Ф. Рулье хранителем Зоологического кабинета;

разделение его коллекций на «систематические» и «отечественные».

1840 — «неофициальная» передача Кафедры зоологии и Зоологического кабинета под руководство К.Ф. Рулье (не имел профессорского звания) в связи с кончиной А.Л. Ловецкого; в университетском годовом отчётах Кабинет по-прежнему значится как раздел Музея естественной истории, но заведующий последним не указан.

1842 — назначение профессора Медико-хирургической академии И.Т. Глебова главой Кафедры зоологии, К.Ф. Рулье оставлен хранителем Зоологического кабинета (в университетских годовых отчётах заведование Музеем естественной истории по-прежнему не указано).

1843 — Передача в Музей естественной истории большей части зоологических коллекций Анатомического кабинета Московской медико-хирургической академии.

1847 (возможно, несколько раньше) — назначение К.И. Ренара хранителем Зоологического кабинета.

1850 — назначение К.Ф. Рулье профессором Кафедры зоологии;

1851 — с этого года К.И. Ренар указывается в университетских годовых отчётах хранителем Музея естественной истории и Зоологического кабинета.

1858 — «неофициальным» главой Кафедры зоологии становится А.П. Богданов (не имел профессорского звания) в связи с кончиной К.Ф. Рулье.

1861 — большая часть университетских коллекций естественной истории передана во вновь учреждённый Публичный музей; А.П. Богданов назначен хранителем их зоологического раздела; начиная с этого года в университетских годовых отчётах единый Музей естественной истории не указывается — только отдельные Кабинеты.

1863 — новый университетский Устав подтвердил статус Кафедры зоологии (с двумя отделениями) и Зоологического кабинета (с лабораторией «для препарирования и набивания животных»); А.П. Богданов назначен заведующим Кафедрой и Кабинетом (который он неизменно называет Музеумом).

1864–1865 — возвращение зоологических коллекций из Публичного музея в Университет; разделение их на научную (систематическую), показную (экспозиционную) и учебную (лекционную) части; введение «штатного разделения» между Кафедрой и Музеем; возобновление в Музее единой «Шнуровой книги», полный учёт коллекций (кроме насекомых) начат раздельно по основным группам хранения («большие» типы и классы беспозвоночных, млекопитающие, птицы, «гады», рыбы), каждой из них присвоена специфическая литера; введение «Держурной книги».

1866 — возобновление функционирования Зоологического музея как публичного.

1877 — с этого года собрание зоологических предметов при Кафедре зоологии в университетских годовых отчётах титульно фигурирует только как Зоологический музей; лаборатория при Музее, превращённая в учебно-научную, начинает издавать свои труды в «Известиях ИОЛЕАЭ».

1884–1886 — реорганизация экспозиции Музея, обновление витрин и шкафов, включение в неё био-групп; в это время экспозиционный зал закрыт для посещения.

Конец 1880-х — организация в Зоомузее специализированной научной библиотеки (начинает упоминается в годовых отчётах).

1896 — заведующим кафедрой зоологии и Зоомузеем назначен А.А. Тихомиров в связи с кончиной А.П. Богданова.

1898 — закладка здания Зоологического корпуса Московского университета на правой стороне Никитской ул.

1901 — завершение строительства здания Зоологического корпуса и начало его освоения Кафедрой зоологии с Зоомузеем и Институтом (вместе с Музеем) сравнительной анатомии.

1904 — заведующим Кафедрой зоологии и Зоомузеем назначен Г.А. Кожевников в связи с уходом А.А. Тихомирова из Университета; предпринята первая попытка каталогизации систематических коллекций (составлен каталог для амфибий).

1907 — завершение оборудования Зала сравнительной анатомии новыми витринами и размещения в них анатомических коллекций, открытие зала для посетителей.

1909 — завершение оборудования Верхнего зала Зоомузея новыми витринами и размещения в них коллекций птиц и млекопитающих.

1910 — в начале года — освобождение Нижнего зала от всех шкафов и коллекций в связи с аварийным состоянием пола, его полный ремонт; в конце года — завершение ремонта и возвращение коллекций на место.

1911 — открытие Верхнего зала Зоомузея для посетителей; по-видимому, к этому году относится составление картотеки для некоторых групп беспозвоночных.

1910-е (точнее не определено) — утверждение «Правил поступления коллекций в Зоологический Музей [...] и пользования ими», «Правил пользования библиотекой Зоологического Музея...» и «Условий посещения Зоологического Музея...».

1921–1922 — «оккупация» многих помещений Зоомузея вновь учреждёнными Плавморином и НИИЗом.

1924 — в штатное расписание Зоомузея вводится должность научного сотрудника.

1925 — разделение коллекционных фондов Зоомузея на секторы беспозвоночных (зав. Е.В. Боруцкий), насекомых (зав. Б.С. Кузин), позвоночных (зав. В.Г. Гептнер).

1927–1930 — завершение единой «Шнуровой книги», в секции позвоночных начаты индивидуальные «Книги для записи коллекций» по птицам (1927 г.), млекопитающим (1928 г.) и рептилиям+амфибиям (1930 г.); для птиц, кроме того, начата отдельная «Книга поступлений» (1929 г.)

1930 — отставка Г.А. Кожевникова от должности зав. Зоомузеем (за год до этого — от должности зав. Кафедрой зоологии); включение Зоомузея в состав Каф. зоологии беспозвоночных и затем в состав НИИЗа, назначение Л.А. Зенкевича его директором; Институт сравнительной анатомии ликвидирован (преобразован в лабораторию эволюционной морфологии), Музей сравнительной анатомии отнесён к Кафедре зоологии позвоночных; «оккупация» многих помещений Зоологического корпуса службами вновь учреждённого Биологического факультета.

1931 — включение Музея сравнительной анатомии в состав Зоомузея; перевод Зоомузея (в его новом составе) из подчинения университетским структурам в прямое подчинение Главнауки Наркомпроса; получение им названия «Московский зоологический музей»; назначение В.Н. Макарова директором Зоомузея; в секции беспозвоночных начаты индивидуальные «Книги для записи коллекций» по паукам, ракообразным.

1932 — постановлением Совнаркома Зоомузею присвоено официальное титульное обозначение «Государственный зоологический музей при Московском государственном университете» (однако в музейских документах он по-прежнему значится как «Московский зоологический музей»); введена должность зам. директора по научной части (назначен С.С. Туров); утверждены три основных отделения: охотничьего хозяйства (в основном экспозиционные функции, зав. С.Д. Перелешин), филогении (на основе бывшего Музея сравнительной анатомии, зав. Б.С. Матвеев), научно-систематическое (зав. С.С. Туров), в последнем выделены секции: млекопитающих (зав. В.Г. Гептнер), птиц (зав. Г.П. Дементьев), рептилий и земноводных (зав. Н.В. Шибанов), рыб (зав. Г.В. Никольский), насекомых (зав. Б.С. Кузин), беспозвоночных животных (зав. Г.Г. Абрикосов); в штатном расписании некоторые зав. секциями обозначены как старшие научные сотрудники, прочие — как научные сотрудники 1-го разряда, техническому персоналу присвоен статус сотрудников 2-го разряда; бывшая единая «Шнуровая книга» разделена по вновь выделенным секциям; заведена «Книга поступлений» в секции пресмыкающихся; введены «Правила пользования материалами и коллекциями Зоологического музея МГУ»; распоряжением Сектора науки Наркомпроса Зоомузею предписано издавать сборник научных трудов «Известия Зоологического музея»; в связи с выездом Плавморина начата реконструкция Нижнего зала; начато обогащение экспозиционных залов и вестибюля рисованными картинами и пан-

но с изображениями животных в природной среде (в основном работы В.А. Вагагина).

1932–1933 — начата реконструкция музейной экспозиции; реорганизация показного материала в Верхнем зале в основном по «охотничье-промысловому» принципу

1933 — завершение реорганизации экспозиции и открытие для посетителей Нижнего зала; «Известия Зоологического музея» переименованы в «Труды Зоологического музея».

1934 — утверждено «Положение о Государственном зоологическом музее»; Музей в его годовом отчёте значится как «Центральный государственный зоологический музей»; Зал сравнительной анатомии освобождён от сторонних организаций; введено звание «действительного члена Зоологического музея», присвоенное некоторым старшим научным сотрудникам (просуществовало 2 или 3 года); заведовать экспозицией назначен А.А. Парамонов; в секции беспозвоночных начата «Книга для записи коллекций» по отдельным классам моллюсков; в секции млекопитающих начата «Книга поступлений».

1935 — Музей в годовом отчёте обозначен как «Московский государственный зоологический музей»; в его структуру введён Учёный совет; изменены названия секций, которые вместо русских стали «латинизированными»: териологии, орнитологии, герпетологии, ихтиологии, энтомологии; для млекопитающих заведена повидовая картотека (карточки формата А5 в форме «накопительных ведомостей»); в экспозиции во многом восстановлен систематический принцип организации показного материала; некоторым сотрудникам Музея впервые присвоены (без защиты) официально введённые учёные степени доктора и кандидата наук.

1936 — зав. секцией энтомологии назначен А.Н. Желоховцев; начата книга для регистрации рассылки энтомологических коллекций.

1937 — ликвидация отделений, переименование секций в отделы; переименование филогенетического отделения в отдел эволюционной морфологии; такое же название получает соответствующий экспозиционный зал.

1938 — в штатном расписании Зоомузея некоторые старшие науч. сотрудники переведены в профессорскую должность, научн. сотрудники 1-го разряда переделаны просто в научн. сотрудников; зав. отделом эволюционной морфологии назначен А.Н. Дружинин связи с уходом Б.С. Матвеева из Зоомузея.

1939 — возвращение Зоомузея под полную юрисдикцию Московского университета, в новом университетском Уставе он обозначен как «Музей зоологии»; в музейных документах он начинает значиться под современным названием «Зоологический музей МГУ»; в связи с уходом В.Н. Макарова из Зоомузея его директором назначен Н.С. Ульянин (май–сентябрь), затем Н.Н. Филиппов (с октября).

1941 — начало Великой отечественной войны; Зоомузей закрывают, часть его коллекций и сотрудников эвакуируют в Ашхабад; оставшаяся часть коллекция переносится в Нижний зал и в университетские подвалы; исп. обязанностей директора назначен С.С. Туров в связи с уходом Н.Н. Филиппова из Зоомузея; исп. обязанностей зав. отделами назначены: Б.Н. Цветков — беспозвоночных животных, Н.Н. Плавильщиков — энтомологии, В.А. Световидова — ихтиологии и герпетологии, А.М. Судиловская — орнитологии, Л.Г. Морозова-Турова — териологии, Д.Н. Гофман — эволюционной морфологии.

1942 — директором Зоомузея назначен С.С. Туров; открыты для посещения экспозиционные залы второго этажа; почти все эвакуированные сотрудники вернулись в Москву.

1943 — возвращение коллекций из Ашхабада (через Свердловск).

1944–1945 — постепенное размещение коллекций на прежних местах.

1945 — замена должности зам. директора по научной части на таковую учёного секретаря, на неё назначен Н.А. Гладков; зав. отделами (пере)назначены: В.Г. Гептнер — териологии, Г.П. Дементьев — орнитологии, И.И. Малевич — беспозвоночных животных, Д.Н. Гофман — эволюционной морфологии; открывается Нижний зал.

1946 — зав. отделом экспозиции назначен Н.Н. Плавильщиков; зав. отделом энтомологии (пере)назначен А.Н. Желоховцев; зав. отделом герпетологии назначен Е.Н. Спангенберг; зав. таксидермической мастерской назначен П.С. Николаев.

1948 — зав. отд. орнитологии назначен Н.А. Гладков, учёным секретарём назначен Д.М. Вяжлинский.

1948–1950 — по причинам административного и финансового характера из Зоомузея со штатных единиц уходит большинство «старых» научных сотрудников, главным образом профессоров (Г.П. Дементьев, В.Г. Гептнер, С.С. Туров, Н.А. Гладков); С.С. Туров остаётся директором «на общественных началах» (без оплаты), другие остаются при Музее в статусе консультантов; в 1950 г. зав. отд. беспозвоночных «на общественных началах» приглашён Е.В. Боруцкий, зав. отд. орнитологии и териологии назначены, соответственно, А.М. Судиловская и Л.Г. Морозова-Турова; в отд. орнитологии и териологии повидовая картотека перешла на формат карточке А4; в них же была начата позкземлярная каталогизация (карточки в стандартном библиографическом формате).

1951 — в связи с подготовкой к переезду Университета на Ленинские горы залы Нижний и Эволюционной морфологии отводятся под хозяйственные нужды, их закрывают для посещения; заведовать таксидермической мастерской назначен В.И. Пивоваров в связи с кончиной П.С. Николаева.

1952 — подвальные помещения также отдаются под эти же «хозяйственные нужды», коллекции от-

туда перенесены в Верхний зал, его закрывают для посещения.

1954 — замена должности учёного секретаря Зоо музея на таковую зам. директора по научной части, в течение года её последовательно занимают А.Г. Банников, Н.А. Гладков, Г.А. Викторов; зав. отд. герпетологии назначен Р.Л. Бёме.

1954–1955 — освобождение большей части помещений Зоо музея от сторонних служб и организаций, приведение фондовых коллекций в порядок.

1955 — экспозиционные залы открываются для посещения; на должность зам. директора по научной части назначен Д.М. Вяжлинский.

1956 — зав. библиотекой назначена В.И. Короткова; в библиотеке начато ведение картотеки-каталога и инвентарных книг.

1959 — зав. отд. териологии назначена О.Л. Россолимо в связи с уходом Л.Г. Морозовой-Туровой на пенсию.

1960 — директором Зоо музея (на «общественных началах») назначен С.Г. Соин в связи с уходом С.С. Турова из Зоо музея.

1962 — приказом ректората МГУ подтверждено положение Зоо музея в составе Биологического факультета; зав. отд. экспозиции назначена Н.П. Куликова в связи с кончиной Н.Н. Плавильщикова; зав. отд. герпетологии назначена В.Ф. Положихина (Орлова) в связи с переходом Р.Л. Бёме на другую должность.

1964 — директором Зоо музея (на «общественных началах») назначен Н.А. Гладков в связи с уходом С.Г. Соина с должности.

1965 — приказом Министерства высшего образования Зоо музей отнесён к первой группе оплаты труда; научных сотрудников, работающих в Зоо музее, официально зачислили в штат профильных кафедр Биологического факультета; «Труды Зоологического музея МГУ» получили дополнительное титульное название «Исследования по фауне Советского Союза».

1968 — зав. таксидермической мастерской назначен В.П. Радин в связи с уходом В.И. Пивоварова на пенсию.

1970 — директором Зоо музея (на «общественных началах») назначена О.Л. Россолимо в связи с уходом Н.А. Гладкова с должности.

1971 — Зоо музей закрывается из-за аварийного состояния пола Нижнего зала, все коллекции и витринные шкафы из этого зала выносятся, начата его реконструкция.

1972 — зав. отд. эволюционной морфологии назначен В.А. Долгов в связи с кончиной Д.Н. Гофмана.

1974 — зав. отд. ихтиологии назначена И.А. Веригина в связи с кончиной А.А. Световидовой; зав. отд. экспозиции назначена Н.Р. Павлова в связи с уходом Н.П. Куликовой на пенсию; в отд. териологии заведена картотека для типовой коллекции.

Вторая половина 1970-х и начало 1980-х — жилые помещения в торцевых частях Зоологического корпуса и коридор 3-го этажа его «анатомического крыла» освобождаются и входят в состав Зоо музея; полностью переоборудована лекционная аудитория; многие прежние и новые помещения фондохранилищ оборудованы металлическими стеллажами, в них в изменённом порядке размещены научные коллекции (установление точной хронологии требует специальной работы с архивными документами).

1976 — введена должность главного хранителя, на неё назначена Н.Р. Павлова; зав. отд. экспозиции назначена Л.Г. Марусова; зав. отд. беспозвоночных животных назначена Н.И. Кудряшова в связи с кончиной Е.В. Боруцкого; должность зам. директора по научной части заменена на таковую учёного секретаря.

1977 — на должность учёного секретаря назначен А.И. Шаталкин в связи с уходом Д.И. Вяжлинского из Зоо музея; одновременно Шаталкин назначен зав. отд. энтомологии в связи с кончиной А.Н. Желоховцева; зав. отд. орнитологии назначен П.С. Томкович в связи с кончиной А.М. Судиловской.

1978 — на должность зав. отд. эволюционной морфологии назначен В.С. Никольский в связи с уходом В.А. Долгова из Зоо музея.

1979 — приказом Министерства высшего и среднего специального образования Зоологический музей МГУ отнесён к первой группе оплаты труда (повторение приказа от 1965 г.).

1981 — главным хранителем назначена Л.Г. Марусова в связи с уходом Н.Р. Павловой из Зоо музея; зав. отд. беспозвоночных животных назначен М.В. Гептнер в связи с переходом Н.И. Кудряшовой на другую должность.

1982 — зав. библиотекой назначена Г.В. Костылева в связи с уходом В.И. Коротковой на пенсию.

1983 — Зоо музей включён в НИЧ МГУ (Научно-Исследовательская Часть, утверждена в 1980 г.) в качестве самостоятельного подотдела в рамках отдела «Зоология позвоночных».

1985 — Нижний зал открыт для посещения; в Верхнем зале начата полная реконструкция экспозиции; зав. отд. эволюционной морфологии назначена Е.Д. Васильева в связи с уходом В.С. Никольского из Зоо музея.

1986 — на Биологическом факультете учреждена научно-исследовательская «Лаборатория таксономической зоологии и кадастровых исследований» с территориальным базированием в Зоологическом корпусе, зав. лабораторией назначена О.Л. Россолимо с сохранением должности директора Зоо музея (на «общественных началах»); все научные сотрудники, фактически работающие в Зоо музее, зачислены в штат лаборатории; в структуре Музея выделены два «макроотдела»: научно-фондовой работы (во главе с главным хранителем, в него включены научно-хранительские секторы), теории и методики

музейного дела (зав. И.В. Иксанова, основным полем деятельности определена экспозиция); в Зале эволюционной морфологии начата полная реконструкция экспозиции.

1987 — зав. отд. энтомологии назначен А.Л. Озеров в связи с переходом А.И. Шаталкина на другую должность.

1988 — главным хранителем назначена С.А. Кулешова в связи с переходом Л.Г. Марусовой на другую должность.

1989 — Верхний зал открыт для посетителей.

1990 — Зал эволюционной морфологии открыт для посетителей; учёным секретарём назначен Д.Л. Иванов в связи с переходом А.И. Шаталкина на другую должность; зав. отд. ихтиологии назначена Е.Д. Васильева в связи с уходом И.А. Веригиной на пенсию.

1991 — Зоомузею официально присвоен статус научно-исследовательского учреждения, этот статус включён в его название («Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова»); О.Л. Россолимо (пере)назначена на штатную (с отпуском) должность директора Зоомузея; лаборатория таксономической зоологии упразднена, числящиеся при ней научные сотрудники официально включены в штат Зоомузея; из его структуры исключены ранее выделенные «макроотделы», научно-хранительские отделы переименованы в секторы; сборник трудов «Исследования по фауне Советского Союза» переименован в «Исследования по фауне».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Краткий биографический справочник

В настоящем разделе приведены очень краткие биографические сведения о персонах, упомянутых в основном тексте статьи, которые в той или иной форме содействовали развитию Зоологического музея МГУ. Именно эта их деятельность отражена в данном справочнике.

Абрикосов Георгий Георгиевич (1901–1967) — специалист по мшанкам; заведовал отд. беспозвоночных животных Зоомузея в 1932–1941 гг.; автор раздела по мшанкам в 1-м томе сводки «Животный мир СССР» (1936).

Агаджанян Александр Карэнович (1949 г. р.) — **известный** специалист по ископаемым млекопитающим; работал экскурсоводом в Зоомузее в 1964–1965 гг., заведует лаб. млекопитающих в Палеонтологическом ин-те РАН; неоднократно передавал в Зоомузей коллекции млекопитающих; автор книги «Позднекайнозойские грызуны и зайцеобразные территории СССР» (1983, соавт.).

Адамс Михаил Иванович (1780–1832) — натуралист, профессор Московского универ.; содействовал возобновлению Кабинета натуральной истории в 1810-е гг.

Азаров Василий Антонович (1931–?) — строитель; работал в Зоомузее зам. директора по административно-хозяйственной части в 1980–1998 гг.

Александр I Павлович (1777–1825) — российский император (с 1801 г.); в 1802 г. купил для Московского унив. Семятический кабинет натуральной истории; в 1804 г. утвердил первый для России Общий университетский устав; согласно основанному на нём Уставу Московского университета Кафедра натуральной истории преобразована в одноимённую Демидовскую кафедру с Кабинетом.

Александр II Николаевич (1818–1881) — российский император (с 1855 г.); в 1863 г. утвердил новый Общий университетский устав, даровав университетам значительные свободы. Благодаря этому А.П. Богданов смог инициировать создание «свободного» Общества любителей естествознания, игравшего значительную роль в жизнедеятельности Зоомузея.

Александровская Татьяна Олеговна (1850 г. р.) — специалист по изменчивости бесхвостых амфибий России; работала лаборантом-зоологом в отд. герпетологии Зоомузея в 1972–1987 гг.; затем учитель в средней школе.

Алексеев Владимир Николаевич (1951 г. р.) — специалист по систематике перепончатокрылых насекомых; работал в Зоомузее (экскурсовод, научный сотрудник) в 1976–1982 гг.; затем преподаватель в Орехово-Зуевском педагогическом ин-те.

Алексеев Владимир Семёнович (1795–1862) — купец, меценат; жертвованием коллекций содействовал восстановлению Кабинета натуральной истории после пожара 1812 г.

Алпатов Владимир Владимирович (1898–1979) — известный зоолог широкого профиля, изучал разных беспозвоночных в основном с экологической точки зрения; одним из первых российских биологов стал применять биометрические методы; в 1920-х гг. — учёный хранитель Зоомузея, позже руководитель лаб. экологии в НИИЗ.

Альбрехт Людвиг Карлович (1844 – после 1898) — музыкант, энтомолог-любитель и коллекционер; собранная им коллекция бабочек Московской губ. (ок. 6 тыс. экз.) хранится в Зоомузее.

Антонова Елена Михайловна (1936–2007) — специалист по биологии и распространению чешуекрылых; работала в Зоомузее с 1958 г. лаборантом и затем научным сотрудником отд. энтомологии, в 1971–1974 гг. в должности зам. директора Зоомузея по административно-хозяйственной работе; долгое время руководила энтомологическим кружком при каф. энтомологии Биологического ф-та МГУ.

Антонский-Прокопович (Прокопович-Антонский) Антон Антонович (1762–1848) — лектор, просветитель, администратор; участвовал в налаживании работы Кабинета натуральной истории Московского унив. в 1791–1803 гг., затем заведовал каф. минералогии и сельского домоводства, Физико-математическим отд., в 1819–1826 гг. ректор Университета; его взгляды на натуральную историю изложены в речи «Слово о начале и успехах наук и в особенности естественной истории» (1791); издавал

первый в России естественно-научный журнал «Магазин естественной истории, физики и химии...».

Антропов Александр Валентинович (1955 г. р.) — специалист по систематике перепончатокрылых насекомых; работает в Зоомузее с 1982 г. сначала экскурсоводом, затем научным сотрудником отд. энтомологии.

Арнольди Константин Владимирович (1901–1982) — известный специалист по муравьям; в 1946–1950 гг. работал (по совместительству, основное место работы ИМЖ АН СССР) научным сотрудником в Зоомузее.

Афонин Матвей Иванович (1739–1810) — один из первых российских натуралистов и профессоров; слушал курс у К. Линнея и защитил под его руководством диссертацию; профессор Кафедры натуральной истории и хранитель Кабинета при ней в Московском унив. в 1770–1777 гг.

Бабенко Владимир Григорьевич (1950 г. р.) — специалист по биологии и распространению птиц; работал в отд. орнитологии Зоомузея в 1976–1989 гг., затем преподаватель в Московском государственном педагогическом ин-те; известен как популяризатор естественнонаучных знаний.

Банников Андрей Григорьевич (1915–1985) — известный зоолог-позвоночник широкого профиля, исследователь фауны Монголии; работал профессором в университете Улан-Батора, в Педагогическом ин-те им. В.П. Потёмкина (Москва); в 1954 г. занимал должность зам. директора Зоомузея по науке; в Зоомузее хранятся почти все собранные им в Монголии коллекционные материалы; автор книги «Млекопитающие Монгольской народной республики» (1954).

Барышева Ирина Константиновна (1956 г. р.) — работала лаборантом в отд. орнитологии Зоомузея в 1978–1988 гг.

Беккер Эрнест Георгиевич (1874–1962) — специалист по систематике и эволюции низших насекомых; работал ассистентом на каф. зоологии и одновременно в Зоомузее с 1897 по 1917 гг. (с перерывами); после революции работал в лаборатории Г.А. Кожевникова, одновременно служа учёным хранителем коллекции беспозвоночных Зоомузея (в 1920-х гг.); многие годы читал лекции по энтомологии на Биологическом ф-те МГУ.

Берг Лев Семёнович (1876–1950) — знаменитый биолог, биогеограф, эволюционист; в начале 1900-х гг. исследовал рыб Средней Азии и передавал в Зоомузей значительные коллекционные материалы из бассейнов Аральского моря и Балхаша; автор книг «Рыбы пресных вод Российской империи» (1916), «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (1922), «Ландшафтно-географические зоны СССР» (1931).

Березовский Михаил Михайлович (1848–1912) — зоолог широкого профиля, археолог и этнограф, участник экспедиций в Центр. Азию; часть собран-

ных им весьма значимых в научном отношении коллекций хранится в Зоомузее.

Бёме Рюрик Львович (1927–2000) — известный специалист по распространению и биологии птиц; работал в Зоомузее в 1954–1964 гг., в том числе в 1954–1962 гг. заведовал отд. герпетологии; автор научно-популярных книг и определителей «Птицы нашего края» (1968), «Птицы лесов и гор» (1981, соавт.) и др.

Богачёв Алексей Владимирович (1909–1997) — специалист по жесткокрылым насекомым, известный коллекционер; в 1970-е гг. пожертвовал в Зоомузей свою коллекцию насекомых.

Богданов Анатолий Петрович (1834–1896) — знаменитый зоолог и антрополог, выдающийся организатор и популяризатор естествознания; руководитель каф. зоологии Московского унив. — неофициально с 1858 г., официально (также директор Зоомузея) с 1863 г. до смерти; основал в 1963 г. Общество любителей естествознания (позже Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии), был инициатором ряда научно-популярных выставок в Москве, на основании которых потом по его же инициативе были учреждены Московский зоосад, Музей прикладных знаний (ныне Политехнический), Антропологический музей; воспитал много учеников, которые стали крупными учёными; автор книг «Зоология и зоологическая хрестоматия» (1862–1865), «Медицинская зоология» (1883–1888), «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии» (1888–1891).

Богоявленский Николай Васильевич (1870–1930) — зоолог-гистолог; в конце 1890-х и в начале 1900-х гг. ассистент при Зоомузее; во время экспедиций по Средней Азии собирал коллекционный материал и передавал в Зоомузей.

Большунов Павел Николаевич — мастер-таксидермист; в 1930-е гг. работал в Зоомузее; детали биографии неизвестны.

Борзенков Яков Андреевич (1832–1883) — известный зоолог-анатом; многое сделал для развития Кабинета сравнительной анатомии при Московском унив. и Московского зоосада; автор учебников «Исторический очерк направлений, существовавших в зоологических науках в 19 столетии» (1881), «Чтение по сравнительной анатомии» (1884).

Боруцкий Евгений Владимирович (1897–1976) — известный специалист по систематике пресноводных ракообразных; работал в Зоомузее в 1925–1932 гг. хранителем коллекции беспозвоночных животных (и одновременно в одноимённой лаборатории НИИ-За); затем аспирант в НИИЗ и сотрудник Косинской биостанции; после 1950 г. заведовал отд. беспозвоночных животных Зоомузея (на общественных началах).

Бостанжогло Василий Николаевич (1860–1920) — предприниматель, энтомолог-любитель; бабочки и птицы его сборов хранятся в Зоомузее.

Буленджер Джордж Альберт (Boulenger George Albert) (1858–1937) — бельгийско-британский зоолог-ихтиолог; работал хранителем в некоторых музеях Европы, в том числе в Британском; присылал некоторые ихтиологические материалы в Зоомузей.

Бурцев Павел Александрович (1874–?) — морской офицер, натуралист-любитель; некоторые его сборы хранятся в Зоомузее; детали биографии неизвестны.

Бутурлин Сергей Александрович (1872–1938) — известный исследователь птиц Сибири; в 1920-е гг. «на общественных началах» работал в Зоомузее, тогда же передал в Зоомузей свою коллекцию тушек птиц; автор книги «Полный определитель птиц СССР» (1934–1941, соавт.).

Быковский Константин Михайлович (1841–1906) — известный архитектор, главный архитектор Московского унив. в конце XIX в.; автор большого количества архитектурных проектов зданий и городских комплексов г. Москвы, в т. ч. университетского комплекса на Моховой, включая Зоологический и Ботанический корпусы.

Быховская Анна Марковна (1901– не ранее 1964) — зоолог; на протяжении 1930–1937 гг. (в разные периоды) возглавляла Биологический ф-т Московского унив., его зоологическое отд., НИИЗ; затем работала в Ин-те медицинской паразитологии и малярии (Самарканд).

Вальх Р.Р. — значительные поступления его сборов по насекомым (при посредстве Комиссии для исследования фауны Московской губернии) указаны в отчётах по Зоомузею за первые годы XX в.; детали биографии не известны.

Васильева Екатерина Денисовна (1952 г. р.) — известный специалист по систематике и распространению костистых рыб; работает в Зоомузее с 1978 г. научным сотрудником, в 1985–1990 гг. заведовала отд. эволюционной морфологии, с 1990 г. по наст. время заведует отд. ихтиологии; автор книг «Рыбы Чёрного моря» (2007), «Рыбы морей России: аннотированный каталог» (2014, соавт.).

Васильева Маргарита Владимировна (1921–2001) — териолог; работала в Зоомузее с 1940 г. на разных должностях (в штате с 1947 г.).

Ватагин (Шереметьевский) Василий Алексеевич (1883–1969) — знаменитый художник-анималист; участвовал в художественном оформлении нескольких московских естественнонаучных музеев — сначала Сравнительной анатомии и Дарвинского, потом Зоологического; в 1932–1958 гг. работал в штате Зоомузея; выпущена книга с репродукциями его картин «Образ животного в искусстве» (2004).

Вепринцев Борис Николаевич (1928–1990) — биофизик; получил широкую известность своими записями голосов птиц в природе, выпустил не-

сколько пластинок; часть его записей хранится в фонотеке Зоомузея.

Веригина Инна Александровна (1931 г. р.) — специалист по анатомии карповых рыб; работала в Зоомузее с 1956 г., в 1974–1990 гг. заведовала отд. ихтиологии.

Вермель Евгений Матвеевич (1904–1972) — зоолог-гистолог; в 1930-е гг. один из руководителей НИИЗ, позже преподавал в Московском педагогическом ин-те, затем работал во Всесоюзном ин-те информации АН СССР; автор книги «История учения о клетке» (1970).

Викторов Георгий Александрович (1925–1974) — специалист по систематике и распространению перепончатокрылых насекомых; в 1954 г. зам. директора Зоомузея по науке, затем работал в Акад. наук; передавал в Зоомузей многочисленные коллекционные сборы насекомых; автор книги «Проблемы динамики численности насекомых» (1967).

Виноградов Михаил Евгеньевич (1927–2007) — зоолог, известный специалист по биологии морского планктона, коллекционер; передал в Зоомузей большую коллекцию морских ракообразных, чешуекрылых; автор книги «Вертикальное распределение океанического зоопланктона» (1968).

Волцит Ольга Викторовна (1954 г. р.) — специалист по систематике клещей; работает в Зоомузее научным сотрудником с 1989 г.; с 2010 г. руководит сект. общественно-научных проектов; редактирует журнал «Асагина»; соавт. книги «Атлас птиц города Москвы» (2014).

Воробьёв Константин Александрович (1899–1988) — специалист по биологии птиц; участвовал в многочисленных экспедициях, собранные коллекции передавал в Зоомузей.

Всеволодова-Перель Тамара Семёновна (1930 г. р.) — специалист по олигохетам; курировала коллекции по ним в Зоомузее, имела постоянное рабочее место.

Вучетич Виктор Николаевич (1881–1945) — орнитолог; работал на Карадагской научной станции, в Бюро кольцевания птиц (Москва); его сборы насекомых хранятся в Зоомузее.

Вяжлинский Дмитрий Михайлович (1902–1983) — териолог-охотовед; работал в Зоомузее с 1940 г. научным сотрудником, с 1948 г. в должности учёного секретаря, в 1955–1976 гг. зам. директора Зоомузея по научной части.

Генкель Иоганн Фридрих (Henckel Johann Friedrich) (1678–1744) — известный германский минералог и химик; у него в начале 1740-х гг. А.Н. Демидов купил коллекцию, заложившую основу университетского Минералогического кабинета.

Гептнер Владимир Георгиевич (1901–1975) — известный специалист по систематике, распространению и биологии млекопитающих России; работал с 1925 по 1950 гг. в Зоомузее сначала учёным хранителем позвоночных животных, затем (с переры-

вом на годы войны) заведующим отд. териологии; профессор каф. зоологии позвоночных МГУ с сохранением постоянного рабочего места в Зоомузее; в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по наземным позвоночным, а также большая личная библиотека; автор книг и учебников «Общая зоогеография» (1936), «Фауна позвоночных животных Бадхыза» (1956), соредатор многотомного издания «Млекопитающие Советского Союза» (1961–1976).

Гептнер Михаил Владимирович (1940–2002) — специалист по систематике и распространению морских ракообразных; работал в Ин-те океанологии АН СССР, с 1981 г. научный сотрудник Зоомузея, в 1981–1996 гг. заведовал отд. беспозвоночных.

Гершкович Надежда Львовна (1913–?), специалист по блохам, сотрудник Ин-та эпидемиологии, имела постоянное место в Зоомузее (1960–80-е гг.); её большая коллекция хранится в Музее.

Гладков Николай Алексеевич (1905–1975) — известный специалист по биологии птиц; работал в Зоомузее с 1934 по 1969 гг., в 1945–1947 гг. занимал должность учёного секретаря, в 1948–1954 гг. заведовал отд. орнитологии, в начале 1960-х гг. — научный консультант отд. орнитологии, в 1964–1969 гг. — директор Зоомузея; читал многочисленные курсы на Биологическом и Географическом ф-тах МГУ; автор книги «Как летают птицы» (1952), соавтор многих орнитологических определителей.

Глебов Иван Тимофеевич (1806–1884) — известный анатом и медик; служил профессором при Медико-хирургической акад., после её присоединения к Московскому унив. заведовал в нём сначала Кафедрой и Кабинетом зоологии, затем Кафедрой и Кабинетом сравнительной анатомии и физиологии.

Горячев Виктор Николаевич (1951 г. р.) — специалист по систематике моллюсков; работал научным сотрудником в Зоомузее в 1974–1988 гг.

Гофман Дмитрий Николаевич (1901–1972) — зоолог-эмбриолог; работал в Зоомузее (с перерывами) с 1938 г., с 1941 (1943?) г. исполнял обязанности зав. отд. эволюционной морфологии, официально заведовал им с 1950 г.

Грацианов Валериан Иванович (1876–1932) — зоолог-ихтиолог; в 1910-е гг. ассистент Зоомузея.

Даревский Илья Сергеевич (1924–2009) — известный зоолог-герпетолог, специалист по систематике рептилий и амфибий (главным образом отечественной фауны; открыл явление партеногенеза у позвоночных животных; курировал коллекцию отд. герпетологии Зоомузея в начале 1950-х г.; автор книг «Скальные ящерицы Кавказа» (1967), «Редкие и исчезающие животные: земноводные и пресмыкающиеся» (1988), «Evolution and ecology of partenogenesis in reptiles» (1992).

Дашкова (урожд. Воронцова) Екатерина Романовна (1743–1810) — высокопоставленная придворная, играла заметную роль в истории российского просвещения, в 1783–1794 гг. директор Петербург-

ской акад. наук; в 1807 г. пожертвовала Московскому унив. свой Кабинет натуральной истории.

Двигубский Иван Алексеевич (1772–1839) — естествоиспытатель; в начале своей карьеры в 1798–1803 гг., наряду с Антонским, служил смотрителем Кабинета натуральной истории; затем профессор и наконец ректор Московского унив.; автор книг «Primitiae Faunae Mosquiensis...» (1802), «Prodromus Faunae Rossicae» (1804).

Дементьев Георгий Петрович (1898–1969) — **крупный** специалист по систематике и распространению птиц; с 1926 г. работал сверхштатным сотрудником Зоомузея, с 1931 по 1947 гг. заведующий его отд. орнитологии; затем занимал разные должности на Биологическом ф-те МГУ, сохраняя постоянное рабочее место в Зоомузее; в Зоомузее хранятся его многочисленные орнитологические сборы, а также большая личная библиотека; автор (соавт.) многотомных книг «Полный определитель птиц СССР» (1934–1941), «Птицы Советского Союза» (1951–1954).

Демидов Акинфий Никитич (1678–1745) — один из первых представителей предпринимательской династии Демидовых, основатель горнозаводской промышленности на Урале; в начале 1740-х гг. купил у И.Ф. Генкеля его коллекцию, заложившую основу университетского Минералогического кабинета.

Демидов Григорий Акинфиевич (1715–1761) — сын А.Н. Демидова, промышленник, увлечённый ботаник и меценат, состоял в длительной и плодотворной переписке с К. Линнеем, основал один из первых в России ботанический сад в Соликамске; был инициатором пожертвования в 1759 г. Московскому унив. всего семейного демидовского собрания предметов натуральной истории.

Демидов Никита Акинфиевич (1724–1789) — сын А.Н. Демидова, промышленник, меценат; первым среди братьев пожертвовал в 1755 г. Московскому унив. принадлежавшую ему часть «кабинета Генкеля».

Демидов Николай Никитич (1773–1828) — сын Н.А. Демидова, финансист, придворный чиновник и меценат; в 1813 г. пожертвовал Московскому унив. коллекцию для воссоздания Кабинета натуральной истории после Московского пожара.

Демидов Павел Григорьевич (1739–1821) — сын Г.А. Демидова, промышленник, меценат; учился в Гёттингенском унив., затем у К. Линнея; в 1802 г. пожертвовал Московскому унив. свой Кабинет натуральной истории, библиотеку и капитал для их содержания; в его честь были названы университетские Демидовская кафедра и Кабинет.

Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1788) — сын А.Н. Демидова, промышленник, меценат; вместе с братьями пожертвовал в 1759 г. Московскому унив. семейную коллекцию натуралий; в 1770-е гг. организовал в Москве ботанический сад на территории Нескучного сада.

Дервиз Сергей Павлович, фон (1863–1943) — богатый предприниматель и меценат; в 1880-е гг. неоднократно жертвовал на нужды ИОЛЕАЭ значительные денежные суммы, на которые организовывались экспедиции и поездки членов Общества, издавались его труды, закупались экспонаты для Зоомузея.

Долгов Вячеслав Алексеевич (1937 г. р.) — специалист по систематике насекомыхных млекопитающих; работал в Зоомузее с 1959 г. сначала экскурсоводом, потом научным сотрудником отд. териологии, в 1972–1978 гг. заведовал отд. эволюционной морфологии; затем на Биологическом ф-те МГУ; автор книги «Бурозубки Старого Света» (1985).

Дорн Феликс Антон (Dohrn Felix Anton) (1840–1909) — германский зоолог; основатель (1870 г.) и руководитель Зоологической станции близ Неаполя; её нередко посещали А.П. Богданов и его ученики, там коллектировали и привозили сборы в Зоомузей.

Дружинин Александр Николаевич (1901–1959) — зоолог-анатом; сотрудник и в 1938–1941 гг. зав. отд. эволюционной морфологии Зоомузея.

Дружинин Пётр Михайлович (1764–1827) — адъюнкт Московского унив., затем директор училищ Московской губернии; в 1813 г. через газету «Московские ведомости» обратился «ко всем друзьям Университета» с просьбой помочь в восстановлении погибших в Московском пожаре библиотеки и коллекций.

Дунаев Евгений Анатольевич (1964 г. р.) — специалист по систематике и распространению ящериц; работает в Зоомузее с 1987 г., руководит Кружком юных натуралистов при Зоомузее; соавтор ряда учебных пособий-определителей и цветных атласов по рептилиям, в том числе «Земноводные и пресмыкающиеся России» (2012).

Егорова Марина Васильевна (1903–?) — работала лаборантом в отд. орнитологии Зоомузея в 1942–1958 гг.

Елизавета Петровна (1709–1761) — российская императрица (с. 1741 г.); В 1755 г. учредила в Москве Университет, в структуре которого были предусмотрены Кафедра и Кабинет натуральной истории (предшественник Зоомузея).

Елпатьевский Владимир Сергеевич (1877–1957) — зоолог; хранитель Зоомузея в 1900-е гг.

Ёжиков Иван Иванович (1893–1941) — зоолог-эмбриолог; служил ассистентом и хранителем Зоомузея в 1920-е гг.

Желоховцев Анатолий Николаевич (1903–1976) — специалист по систематике перепончатокрылых насекомых; работал в Зоомузее с 1932 г., заведовал отд. энтомологии с 1936 г. (с перерывом на войну 1941–1945 гг.); в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по некоторым группам насекомых и личная библиотека.

Жерихин Владимир Васильевич (1945–2001) — специалист по эволюции и систематике насекомых,

историческому развитию природных экосистем; работал в Палеонтологическом ин-те Акад. наук; в 1960–1967 гг. работал экскурсоводом и имел постоянное рабочее место в Зоомузее; важнейшие исследования опубликованы в посмертном сборнике «Избранные труды по палеоэкологии и филогенетике» (2003).

Жильярд Доменико (1785–1845) — швейцарский архитектор, работавший в Москве; проектировал общественные здания в центре Москвы после пожара 1812 г., в том числе Московский унив.; в этом здании в 1820–1830-е гг. размещался Музей естественной истории.

Житков Борис Михайлович (1872–1943) — зоолог-охотовед, известный деятель охраны природы и акклиматизации; в 1904 г. учёный хранитель Зоомузея; в 1918–1930 гг. профессор каф. зоологии Московского унив., в 1930–1931 гг. заведовал несколькими кафедрами Биологического ф-та; участник многочисленных экспедиций, собранные в них материалы хранятся в Зоомузее; автор книг и учебников «Охрана животных и разведение пушных зверей» (1919), «Жизнь леса» (1926), «Биология лесных зверей и птиц» (1928).

Завадовский Борис Михайлович (1895–1951) — зоолог-физиолог, популяризатор биологии; основатель в 1922 г. и первый директор Биологического музея им. К.А. Тимирязева; в 1930-е гг. выдвинул идею создания в Москве Объединённого естественнонаучного музея, который должен был соединить музеи Зоологический, Дарвиновский и Биологический.

Зевина Галина Бенциановна (1926–2002) — специалист по систематике ракообразных; в начале 1950-х гг. работала в Зоомузее, затем в Ин-те океанографии Акад. наук; в 1960 и 1970-е гг. сторонний куратор по этой группе в Зоомузее, имела постоянное рабочее место.

Земпер Карл (Semper Karl Gottfried) (1832–1893) — германский зоолог и путешественник; в Зоомузее хранится часть его сборов по фауне Филиппинских о-вов.

Зенгер Николай Карлович (1841–1877) — зоолог, специалист по различным беспозвоночным животным; служил хранителем Зоомузея в 1863–1877 гг.; активно участвовал в подготовке организуемых А.П. Богдановым выставок и институций (в частности, Музея прикладных знаний), в организации хранения и учёта коллекций Зоомузея.

Зенкевич Лев Александрович (1889–1970) — крупный специалист по систематике, распространению и биологии полихет; участвовал в организации Плавморина, НИИЗ; с 1930 г. зав. каф. общей зоологии и с 1934 г. зав. каф. зоологии беспозвоночных животных Биологического ф-та МГУ; в 1930 г. ненадолго возглавил Зоомузей (в связи с включением его в состав НИИЗа); автор книг «Фауна и биологическая продуктивность моря» (1951), «Биология морей СССР» (1963).

Зими́на Лена Викторовна (1925–2009) — специалист по систематике и распространению двукрылых насекомых; работала в отд. энтомологии Зоомузея в 1949–1984 гг.; участвовала в многочисленных экспедициях, коллекционные сборы хранятся в Зоомузее.

Зограф Николай Юрьевич (1851–1919) — известный зоолог-анатом; в 1870-е гг. ассистент и хранитель Зоомузея, в начале 1900-х гг. руководил научным студенческим кружком при каф. зоологии и Зоомузее; с 1912 г. читал курс «Экспериментальная зоология», положив начало преподаванию генетики в Московском унив.; автор книг и учебников «Музыка природы. Естественнонаучные очерки» (1890), «Зоология беспозвоночных. Лекции» (1896), «Курс зоологии» (1898–1900), «Задачи акклиматизации в России» (1909).

Иванов Дмитрий Люмбергович (1955 г. р.) — специалист по систематике, морфологии и распространению моллюсков; работает в Зоомузее с 1980 г., сначала как методист (зав. экскурсионным бюро), потом научный сотрудник, в 1991–2000 гг. учёный секретарь Зоомузея, в 2000–2013 гг. заведующий отд. беспозвоночных животных; автор книг (соавт.) «Малакологическая коллекция Павла Григорьевича Демидова...» (1991), «Типы моллюсков в Зоологическом музее МГУ» (2000), «Моллюски в мировой кулинарии» (2009).

Иванов И.Ф. — мастер-таксидермист, работавший в Зоомузее в 1880-е гг.; детали биографии неизвестны.

Иконников Николай Флегонтович (1885–1970) — зоолог; в русском зарубежье известный генеалог; ассистент Зоологического музея в 1900-е гг.; участник экспедиций в Юж. Америку, Ср. Азию, Приморье, многие его сборы хранятся в Зоомузее.

Иксанова Ирина Викторовна (1939 г. р.) — музеевед; была приглашена работать в Зоомузей в 1986 г. как зав. отд. теории и методики музейного дела, руководила реконструкцией Верхнего зала и Зала эволюционной морфологии, уволилась в 1991 г.

Исаев Василий Исаевич (1854–1911) — микробиолог и эпидемиолог; участвовал судовым врачом в кругосветном походе судна «Адмирал Нахимов» (1888–1890 гг.), собирал в нём зоологические коллекции, которые поступили в Зоомузей.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891) — крупный военный и государственный деятель; попечитель Московского учебного округа в 1859–1863 гг.; по его распоряжению в 1861 г. во вновь учреждённый Публичный музей была передана значительная часть зоологических и геологических коллекций Московского унив.

Каврайский Фёдор Фёдорович (1866–1921) — зоолог-позвоночник, исследовал распространение и биологию рыб юга России; в нач. 1890-х гг. ассистент при Зоомузее; участвовал в многочисленных экспедициях, сборы хранятся в Зоомузее.

Казак Матвей Фёдорович (1738–1812) — знаменитый архитектор; на протяжении 1770-х и 1780-х гг. руководил перестройкой центра Москвы; спроектировал новое здание Московского унив. на Моховой, в котором с 1791 г. размещался Кабинет натуральной истории; здание сгорело во время пожара 1812 г.

Калякин Михаил Владимирович (1963 г. р.) — специалист по систематике и распространению птиц Евразии; работает в Зоомузее с 1985 г. как экскурсовод, затем научный сотрудник, в 2000–2009 гг. учёный секретарь, с 2009 г. директор Зоомузея; работал в экспедициях Тропцентра; автор книг «Трофические адаптации и экология бьюль-бюлей (Pycnonotidae, Aves) фауны Вьетнама» (2002), «Атлас птиц города Москвы» (2014, соавт.).

Каменская Раиса Александровна (1928–?) — лаборант «классической» музейной школы; работала в ленинградском ЗИНе в 1951–1966 гг. и в Зоомузее в 1967–1998 гг.

Карелин Григорий Силыч (1801–1872) — известный естествоиспытатель и путешественник по югу Сибири, Киргизским степям, Туркестану (1820–1840-е гг.); собирал многочисленные коллекции и передавал их на хранения в центральные музеи, в том числе в Зоомузей.

Келейникова Светлана Иннокентьевна (1923–2014) — специалист по систематике жесткокрылых насекомых; работала научным сотрудником в отд. энтомологии Зоомузея в 1955–1982 гг.

Керцелли Николай Григорьевич (1821–1882) — археолог-любитель, участвовал с А.П. Богдановым в раскопках древнеславянских курганов, собранные ими коллекции первоначально хранились в Зоомузее; составил и опубликовал каталоги коллекций Румянцевского и Дашковского музеев.

Керштене Иоганн Христиан (Kerstens Johann Christian) (1713–1802) — германский естествоиспытатель, приглашён в Московский унив. профессором в 1758 г.; заведовал Кафедрой и Кабинетом натуральной истории в 1759–1770 гг.; затем вернулся на родину.

Кишинский Александр Александрович (1937–1980) — специалист по биологии и распространению птиц Дальнего Востока; сторонний куратор части орнитологической коллекции и имел постоянное рабочее место в Зоомузее, передавал в него собранные в экспедициях коллекции; автор книги «Орнитофауна северо-востока Азии: История и современное состояние» (1988, посмертно).

Коблик Евгений Александрович (1963 г. р.) — специалист по систематике и распространению птиц, популяризатор зоологических знаний и художник-анималист; работает в Зоомузее с 1989 г. сначала экскурсоводом, затем научным сотрудником; автор книг «Разнообразие птиц» (2001), «Птицы России и сопредельных регионов» (отдельные тома, 2005, 2011, соавт.).

Кожевников Григорий Александрович (1866–1933) — зоолог широкого профиля, изучал биологию медоносной пчелы; воспитал много учеников, ставших крупными специалистами в разных областях зоологии; ассистент Зоомузея с 1888 г., его хранитель с 1896 г., заведующий каф. зоологии и директор Зоомузея с 1904 г., под его руководством в начале XX в. было освоено здание Зоологического корпуса; был одним из инициаторов учреждения Всероссийского общества охраны природы и в 1924 г. стал его первым председателем; основал Косинскую биологическую станцию, организовал учебную зоологическую практику студентов на Севастопольской биологической станции; отставлен от всех должностей в 1929–1930 гг.

Комаров Алексей Никанорович (1879–1977) — известный художник-анималист; его картины украшают экспозиционные залы и художественные собрания многих музеев страны, в том числе Зоомузея; иллюстрировал многие научные и научно-популярные книги.

Кондаков Николай Николаевич (1908–1999) — энтомолог и известный художник-анималист; работал в ряде научных институтов, участвовал в экспедициях; художник-иллюстратор научных и научно-популярных трудов; подарил Зоомузею огромный архив своих рисунков и уникальную коллекцию бабочек ок. 12 тысяч экземпляров.

Короткова Вера Ивановна (1909–2000) — заведовала библиотекой Зоомузея в 1956–1981 гг., затем ушла на пенсию; немало сделала для восстановления библиотеки после переезда Московского унив. на Ленинские горы.

Корчагин Александр Николаевич (1860–?) — зоолог-позвоночник, служил при Зоомузее в 1890-е гг. ассистентом, затем хранителем; детали биографии неизвестны.

Костылева Галина Васильевна (1936 г. р.) — заведовала библиотекой Зоомузея в 1982–1993 гг., организовала на более современной основе справочно-поисковую каталожную систему.

Котова Клавдия Петровна (1921–?) — лаборант-препаратор отд. териологии Зоомузея в 1969–1983 гг.

Котс Александр Фёдорович (1880–1964) — зоолог широкого профиля, музейевед, основатель (по разным трактовкам в 1907 или в 1913 гг.) и первый директор (до 1964 г.) Дарвиновского музея; в начале 1920-х гг. служил также директором Московского зоопарка.

Кронеберг Александр Иванович (1844–1910) — зоолог; некоторая часть собранных им коллекций хранится в Зоомузее.

Кудряшова Наина Ивановна (1929 г. р.) — специалист по систематике и биологии клещей-краснотелок; работала в Зоомузее 1976–1981 гг. зав. отд. беспозвоночных животных, затем как научный сотрудник этого отдела, с 1994 г. (в связи с уходом на пенсию) как его внештатный сотрудник; автор книги

«Клещи краснотелки (Acariformes, Trombiculidae) Восточной Палеарктики» (1998).

Кузин Борис Сергеевич (1903–1973) — специалист по систематике и биологии жесткокрылых насекомых; работал в Зоомузее с 1924 г., в 1925–1935 гг. заведовал сект. насекомых (энтомологии); затем работал на административных должностях в нескольких научных учреждениях.

Кузнецов Александр Александрович (1926–2013) — орнитолог, писатель, альпинист; работал в Зоомузее в 1977–1988 гг.; автор многочисленных научно-популярных и художественных книг.

Кузьмин Алексей Борисович (1955 г. р.) — мастер-таксидермист; с 1980 г. (с перерывами) работает в Зоомузее, где неоднократно организовывались выставки его фотографических работ.

Кулагин Николай Михайлович (1860–1940) — зоолог и натуралист широкого профиля; с 1884 г. ассистент при Зоомузее, в 1889–1894 гг. его хранитель; позже работал в разных научных учреждениях и ВУЗах, заведовал каф. энтомологии Биологического ф-та МГУ.

Кулешова Светлана Иннокентьевна (1940 г. р.) — биолог; работала директором Биологического музея в 1969–1986 гг., директором Дарвиновского музея в 1986–1988 гг., главным хранителем Зоомузея в 1988–1996 гг.

Куликова (урожд. Канарейкина) Нина Петровна (1917–2009) — зоолог; работала в Зоомузее с 1945 г. в разных должностях, в 1962–1974 гг. заведовала экспозицией, в 1978 г. вышла на пенсию.

Кунерт Вильгельм (Kuhnert Friedrich Wilhelm:) (1865–1926) — знаменитый германский художник-анималист и путешественник; его картины украшают многие музеи мира, некоторое их количество имеется в Зоомузее; автор альбома «Animal Portraiture» (1912).

Курика Феодосий Константинович (1755–1785) — доктор медицины, экстраординарный профессор Кафедры натуральной истории и Кабинета при ней в 1783–1785 гг.

Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович (1737–1796) — учёный-натуралист и путешественник; некоторые его сборы поступили в Кабинет натуральной истории Московского унив.

Лангсдорф Георг Генрих, фон (Григорий Иванович) (1774–1852) — натуралист и этнограф, путешественник, государственный деятель; в свою бытность российским консулом в Бразилии собрал там значительную научную коллекцию, часть которой хранится в Зоомузее.

Лейкарт Рудольф (Leuckart Rudolf) (1822–1898) — германский зоолог-беспозвоночник; профессор Гёттингенского и Гиссенского университетов; при А.П. Богданове присылал в Зоомузей коллекции по водным беспозвоночным.

Леонович Владимир Владимирович (1924–1998) — орнитолог, искусствовед; работал учёным секре-

тарём в Изобразительном музее имени А.С. Пушкина; в многочисленных экспедициях собирал кладки яиц и записывал голоса птиц; коллекция кладок поступила на хранение в Зоомузей.

Ловецкий Алексей Леонтьевич (1787–1840) — натуралист, популяризатор научных знаний, профессор минералогии и зоологии; с 1815 г. преподавал в Медико-хирургической акад., с 1824 г. также в Московском унив.; с 1834 г. заведовал университетской Кафедрой с Кабинетом зоологии и Музеем естественной истории, также служил деканом Физико-математического ф-та; автор учебников «Краткое начертание естественной истории животных...» (1825–1828), «Краткое руководство к познанию племён человеческого рода...» (1838).

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — знаменитый российский естествоиспытатель; подготовил проект структуры Московского унив., предусматривавший создание Кафедры и Кабинета натуральной истории — предшественника Зоомузея.

Лоренц Фёдор Карлович (1842–1909) — орнитолог-любитель и известный художник-таксидермист, искусный в деле изготовления биорупп; в конце 1860-х гг. основал в Москве фирму, которая впоследствии стала таксидермической студией; многочисленная продукция фирмы Лоренца украшает многие естественнонаучные музеи, в том числе Зоомузей и Дарвиновский.

Луцкая Софья Владимировна (1927–?) — орнитолог, работала лаборантом в отд. орнитологии Зоомузея в 1959–1977 гг., вела школьный кружок.

Любарский Георгий Юрьевич (1959 г. р.) — специалист по систематике жесткокрылых насекомых, по теории и истории систематики, исследует историю науки; работает научным сотрудником в отд. энтомологии Зоомузея с 1982 г.; автор книг «Архетип, стиль и ранг в биологической систематике» (1996), «История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры» (2009), «Биологическая систематика: эволюция идей» (2011, соавт.).

Люде (по мужу Волкова) Вера Фёдоровна (1904–1965) — зоолог-любитель; собирала в Манчжурии коллекции мелких млекопитающих и насекомых, часть которых хранится в Зоомузее.

Мазурин Константин Митрофанович (1866–1927) — фабрикант, музыковед, коллекционер-любитель; материалы по тропическим бабочкам из его коллекции хранятся в Зоомузее.

Макаров Василий Никитович (1887–1953) — зоолог-позвоночник, известный специалист по охране природы и заповедному делу; в 1931–1939 г. возглавлял Зоомузей, приложил много сил для организации его работы в составе Наркомпроса.

Малевиц Иосиф Иосифович (1904–1973) — специалист по олигохетам; работал в разных учреждениях, в 1946–1950 гг. возглавлял отд. беспозвоночных Зоомузея.

Марусова Людмила Георгиевна (1943 г. р.) — работала в Зоомузее в 1968–1976 гг. экскурсоводом, в 1976–1981 гг. зав. отд. экспозиции, в 1981–1988 гг. главным хранителем.

Матвеев Борис Степанович (1889–1973) — зоолог-анатом, специалист по онтогенезу позвоночных животных; в 1930 г. возглавил Музей сравнительной анатомии, после его включения в Зоомузей — филогенетическое отд. последнего (до 1938 г.); заведовал каф. зоологии позвоночных Биологического ф-та МГУ в 1931–1951 гг.; в 1960-е гг. — научный консультант отд. сравнительной анатомии Зоомузея.

Матёкин Пётр Владимирович (1917–2010) — специалист по систематике и биологии наземных моллюсков, эколог; в разные годы зав. каф. дарвинизма, общей экологии, зоологии беспозвоночных МГУ; на протяжении 1950–1970-х гг. был сторонним куратором коллекции моллюсков Зоомузея; автор учебников «Зоология» (1963), «История биологии» (1982).

Матюшкин Евгений Николаевич (1941–2003) — териолог и зоогеограф, специалист по биологии кошачьих; работал научным сотрудником в Зоомузее в 1969–1983 гг., затем преподавал на Географическом ф-те МГУ; автор книги «Рысь» (1974).

Межев Борис Владимирович (1949 г. р.) — специалист по систематике и распространению морских ракообразных; работал в ряде научных институтов, участвовал в морских рейсах, работал в Зоомузее в 1981–1986 гг. лаборантом, до 1996 г. научным сотрудником в отд. беспозвоночных животных.

Мекк Карл Фёдорович, фон (1821–1876) — предприниматель, один из создателей российского железнодорожного транспорта; меценат, пожертвовал значительную сумму на организацию Кафедры и Музея антропологии при Московском унив.

Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — крупный орнитолог и зоогеограф, наряду с Г.А. Кожевниковым был в числе лидеров русской зоологической школы и воспитал много учеников; в 1883 г. возглавил Кабинет сравнительной анатомии при Московском унив., в 1901 г. преобразовал его в одноимённый Институт и Музей, которым руководил до 1911 г.; ректор Московского унив. в 1917–1919 гг.; основал при нём и возглавил лаб. зоогеографии и сравнительной анатомии (1917–1930 гг.); один из создателей и первый директор НИИЗ (1922–1923 гг.); автор книг «Дарвинизм в биологии и близких к ней науках» (1886), «Птицы России» (1893–1895), «Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии» (1906), «Очерк истории фауны Европейской части СССР» (1934).

Месяцев Иван Илларионович (1885–1940) — гидробиолог и зоолог-беспозвоночник; в начале 1920-х гг. служил хранителем Зоомузея; один из организаторов Плавмор(н)ина, возглавлял его в 1922–1933 гг.; декан Физико-математического ф-та (1929–1930 гг.) и заведующий каф. зоологии позвоночных (1931 г.).

Московского унив.; автор книг «Пловучий морской институт и его полярная экспедиция 1921 г.» (1922), «Материалы к зоогеографии русских северных морей» (1923).

Мильн-Эдвардс Альфонс (Milne-Edwards Alphonse) (1835–1900) — известный французский зоолог, директор Национального музея естественной истории в Париже; при его содействии в Зоомузей поступила коллекция редких представителей позвоночных фауны Мадагаскара.

Михайлов Кирилл Глебович (1961 г. р.) — специалист по систематике и фауне пауков России; работает в Зоомузее с 1983 г. как экскурсовод, с 1989 г. как научный сотрудник в отд. беспозвоночных; основатель издательства КМК, специализирующегося на публикации научных журналов и книг; автор книги «Каталог пауков территории бывшего Советского Союза» (1997).

Мольтрехт Арнольд Карлович (Арнольд-Кристиан-Александр) (1874–?) — медик и энтомолог-любитель, исследовал бабочек Дальнего Востока, часть собранной им большой коллекции бабочек передал в Зоомузей.

Морозова-Турова Лидия Георгиевна (1901–1978) — териолог; в Зоомузее работала с 1939 г., в 1942–1944 гг. временно и в 1950–1959 гг. постоянно заведовала отд. териологии; уделяла большое внимание налаживанию хранительской работы, ввела поэкземплярную каталогизацию коллекций.

Мочульский Виктор Иванович (1810–1871) — офицер и разведчик Генштаба, энтомолог-любитель, специалист по систематике жесткокрылых насекомых; описал большое количество новых видов, собрал очень крупную коллекцию, с 1911 г. её основная часть хранится в Зоомузее.

Муралевич Вячеслав Степанович (1881–1942?) — специалист по многоножкам; в 1910-е гг. ассистент Зоомузея; в нём хранятся некоторая часть его сборов.

Назьмов Николай Константинович (1908–1998) — замечательный мастер-таксидермист, практиковавший «скульптурную таксидермию»; работал во многих московских музеях; в штате Зоомузея числился в 1932–1942 и в 1980–1985 гг., его основные работы — «Лежбище морских котиков», «Семья гепардов», «Стадо сайгаков».

Насонов Николай Викторович (1855–1939) — известный зоолог-беспозвоночник; ассистент Зоомузея в 1878–1880 гг.; профессор и директор Зоологического музея Варшавского унив. в 1890–1906 гг.; в 1907–1921 гг. директор Зоологического музея в Санкт-Петербурге (Петрограде), при нём основал фундаментальное серийное издание «Фауна России и сопредельных стран» (затем «Фауна СССР»); в Зоомузее хранятся его ранние коллекционные сборы.

Никитский Николай Борисович (1947 г. р.) — специалист по систематике жесткокрылых насекомых; работал в ряде научно-исследовательских

институтов, с 1982 г. научный сотрудник отд. энтомологии Зоомузея; участник многочисленных экспедиций по всей России, собирает значительные научные коллекции; автор (соавт.) книг и учебников «Жесткокрылые... Приокско-Террасного биосферного заповедника» (1996), «Лесная энтомология» (2010).

Николаев Павел Сергеевич (1888–1951) — мастер-таксидермист, работал в Зоомузее с 1938 г.

Николай I Павлович (1796–1855) — российский император (с 1825 г.); в 1835 г. утвердил новый Общий университетский устав, согласно которому Демидовская кафедра была разделена на несколько профильных (зоологии, минералогии и др.), каждая со своим одноимённым Кабинетом.

Никольский Владимир Сергеевич (1948–2009) — специалист по анатомии насекомыхных млекопитающих; работал научным сотрудником в Зоомузее с 1973 г., в 1978–1985 гг. заведовал отд. эволюционной морфологии.

Никольский Георгий Васильевич (1910–1977) — известный специалист по систематике и биологии рыб; в 1932–1939 гг. возглавлял отд. ихтиологии в Зоомузее, после войны был научным консультантом этого отдела; с 1940 г. до конца жизни заведовал каф. ихтиологии Биологического ф-та МГУ; с 1950-х гг. также заведовал лабораторией в ИЭМЭЖ Акад. наук; в Зоомузее хранятся многочисленные коллекции его сборов, а также большая личная библиотека; автор книг и учебников «Рыбы Таджикистана» (1938), «Рыбы Аральского моря» (1940), «Биология рыб» (1944), «Рыбы бассейна Верхней Печоры» (1947), «Частная ихтиология» (1950), «О проблеме вида и видообразования» (1972).

Нордман Александр, фон (1803–1866) — финский зоолог, ботаник и палеонтолог; работал в самых разных областях естествознания и учреждениях; передал в Зоомузей в 1840-е гг. коллекцию птиц с Украины и Кавказа.

Огнёв Сергей Иванович (1886–1951) — известный специалист по систематике, распространению и биологии млекопитающих; работал под началом Г.А. Кожевникова при Кафедре и Музее зоологии с 1910 г.; с 1923 г. научный сотрудник и с 1935 г. заведующий лаб. зоологии позвоночных НИИЗ; известен как замечательный лектор, преподавал в ряде ВУЗов, в 1941–1950 гг. заведовал кафедрой зоологии в Московском городском педагогическом ин-те; всю жизнь собирал личную коллекцию, продана частями в Зоомузей; в Зоомузее также хранится его большая личная библиотека; автор книг и учебников «Млекопитающие Московской губернии» (1913), «Звери Восточной Европы и Северной Азии» (1928–1954), «Экология млекопитающих» (1951).

Озеров Андрей Леонидович (1955 г. р.) — специалист по систематике двукрылых насекомых; работает в Зоомузее с 1981 г., с 1987 г. по наст. время заведует отд. энтомологии; участник многочисленных экспедиций на Дальний Восток; автор нескольких

опубликованных каталогов по типовой коллекции насекомых Зоомузея.

Орлова (урожд. Положихина) Валентина Фёдоровна (1939 г. р.) — специалист по систематике рептилий; работает в Зоомузее с 1962 г., с 1965 г. по наст. время заведует отд. герпетологии, участница многочисленных экспедиций; автор книг (соавт.) «Земноводные и пресмыкающиеся России» (2012), «Змеи. Атлас-определитель» (2014).

Ошанин Василий Фёдорович (1844–1917) — известный зоолог, географ и путешественник, исследователь Туркестана; часть собранных им коллекций хранится в Зоомузее.

Павлинов Игорь Яковлевич (1950 г. р.) — известный специалист по систематике млекопитающих, по теории и истории систематики и филогенетики; работает в Зоомузее с 1967 г. — сначала на технических должностях, с 1977 г. научным сотрудником, зав. отд. териологии в 1995–2008 гг.; автор книг «Систематика современных млекопитающих» (2003), «Введение в современную филогенетику» (2005), «История биологической систематики: эволюция идей» (2013), «Номенклатура в систематике. История, теория, практика» (2015).

Павлова Наталья Рудольфовна (1937 г. р.) — зоолог, работала в Зоомузее 1954–1962 гг. на разных технических должностях, в 1974–1976 гг. заведовала отд. экспозиции, в 1976–1981 гг. главный хранитель Зоомузея.

Пандер Христиан Иванович (1794–1865) — естествоиспытатель и путешественник, один из основоположников палеонтологии в России; участник российской посольской экспедиции в Бухарский эмират в 1820–1821 гг., привёз оттуда коллекционные материалы в Кабинет натуральной истории Московского унив.

Панфилов Дмитрий Викторович (1923–1995) — энтомолог и зоогеограф, специалист по перепончатокрылым насекомым; работал в Зоомузее научным сотрудником в 1952–1954 гг.; затем сторонний куратор коллекции указанной группы в 1960–1970-е гг.; основным местом работы были академические Инст. географии и короткое время Палеонтологический инст.

Парамонов Александр Александрович (1891–1970) — известный биолог-эволюционист; возглавлял экспозицию Зоомузея в 1934–1937 гг., числясь за отд. млекопитающих; автор 3-томной сводки «Основы фитогельминтологии» (1962, 1964, 1970), учебников (соавт.) «Курс общей биологии» (1944), «Дарвинизм» (1978).

Перелешин Сергей Дмитриевич (1900–1959) — зоолог-охотовед; работал в Зоомузее в 1919–1937 гг. (с перерывами), в 1925–1933 гг. руководил экспозицией, в 1932–??? гг. заведовал отделом охотничьего хозяйства.

Перель Т.С. — см. Всеволодова-Перель Т.С.

Пётр I Алексеевич (1672–1725) — русский царь (с 1682 г.) и российский император (с 1721 г.); был инициатором формирования в России научно-образовательной системы европейского типа; в 1714 г. учредил первую в России музейную институцию естественноисторического профиля — Кунсткамеру; 1724 г. учредил первую в России Академию наук с Университетом при ней.

Пивоваров Владимир Иванович (1923–1990) — мастер-таксидермист, работал в Зоомузее в 1946–1968 гг., с 1951 г. заведовал таксидермической мастерской.

Пичугина Светлана Васильевна (1951 г. р.) — работает в Зоомузее с 1976 г. лаборантом отд. беспозвоночных животных.

Плавильщиков Николай Николаевич (1892–1962) — специалист по систематике жесткокрылых насекомых, популяризатор науки; работал в Зоомузее в 1919–1921 гг. учёным хранителем коллекций, заведовал в 1941–1945 гг. отд. энтомологии, с 1946 г. отд. экспозиции; в Зоомузее хранятся его энтомологические сборы, а также большая личная библиотека; автор книг «Жуки-дровосеки (Cerambycidae)» (1936, 1940, в серии «Фауна СССР»), «Очерки по истории зоологии» (1941), «Определитель насекомых» (1948), «Гомункулюс» (1958).

Покровский Сергей Викторович (1874–1945) — специалист по паукам; ассистент Зоологического музея в 1900-е гг.; его сборы хранятся в Зоомузее.

Политковский Фёдор Герасимович (1756–1809) — профессор натуральной истории в Московском унив., в 1783–1803 гг. заведовал университетскими Кафедрой и Кабинетом (Музеумом) натуральной (естественной) истории; опубликовал труд «Слово о происхождении и пользе истории натуральной» (1785).

Положихина В.Ф. — см. Орлова В.Ф.

Поляков Григорий Иванович (1876–1939) — орнитолог; собранная им большая коллекция тушек птиц хранится в Зоомузее.

Постовская Тамара Ивановна (1947 г. р.) — работала в Зоомузее в 1972–2003 гг. лаборантом отд. эволюционной морфологии.

Пржевальский Владимир Михайлович (1840–1900) — брат Н.М. Пржевальского; пожертвовал в Зоомузей коллекцию птиц, оставшуюся после смерти брата.

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) — знаменитый путешественник, исследователь Центральной Азии; часть собранных в его экспедициях коллекционных материалов поступила в Зоомузей.

Прокопович-Антонский А.А. — см. Антонский-Прокопович А.А.

Птушенко Евгений Семёнович (1888–1969) — орнитолог широкого профиля, преподаватель каф. зоологии позвоночных МГУ; в конце 1930-х гг. научный сотрудник Зоомузея; в 1960-х гг. сторонний

куратор некоторых разделов его орнитологической коллекции; соавт. сводок «Птицы Советского Союза» (1952, 1954), «Определитель птиц СССР» (1948, 1964).

Пуцилло Михаил Павлович (1845–1889) — историк, чиновник канцелярии генерал-губернатора Вост. Сибири; собранные им коллекции через ИОЛЕАЭ пожертвованы Зоомузею.

Радин Владимир Павлович (1928–2008) — мастер-таксидермист, работал в Зоомузее в 1951–1989 гг. (с перерывами); с 1968 г. заведовал таксидермической мастерской; автор чучел тигра, гориллы, гигантских панд, выставленных в Верхнем зале Зоомузея.

Разорёнова Анна Петровна (1903–1988) — териолог; работала в Зоомузее в 1937–1939 гг.; в 1980-е гг. руководила кружком юных биологов при МОИП.

Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) — государственный деятель, попечитель Московского университета, министр народного просвещения; пожертвовал личные собрания для восстановления Кабинета натуральной истории при Московском унив. после пожара 1812 г.

Райхенбах Людвиг (Reichenbach Heinrich Gottlieb Ludwig) (1793–1879) — германский натуралист, директор Королевских естественнонаучных музеев; в Зоомузее хранятся некоторые полученные от него коллекционные материалы.

Расницын Александр Павлович (1836 г. р.) — известный специалист по систематике и истории насекомых, эволюционист-теоретик; участвовал в многочисленных экспедициях, передавал в Зоомузей собранные коллекции; автор книг «Происхождение и эволюция низших перепончатокрылых» (1969), «Избранные труды по эволюционной биологии» (2005), «Введение в палеознтомологию» (2008, соавт.).

Ренар Карл Иванович (1809–1886) — врач по образованию, переехал из Германии в Россию в 1834 г.; служил препаратором и затем хранителем Анатомического кабинета при Медико-хирургической акад., с 1847 г. (возможно, раньше) по 1862 гг. хранитель Зоологического кабинета в Московском унив., с 1851 г. указывается также как хранитель университетского Музея естественной истории; с 1863 г. хранитель Этнографического кабинета в Публичном музее; с 1840 г. в администрации ИМОИП, с 1884 г. его президент.

Ришар Ф. — чучельный мастер, сопровождал Семятичский кабинет в Москву и затем служил при университетском Кабинете натуральной истории; упомянут в музейном каталоге Фишера (1806 г.) и в университетском годовом отчёте за 1835 г.; детали биографии неизвестны.

Розенгауэр Вильгельм Готтлиб (Rosenhauer Wilhelm Gottlieb) (1813–1881) — германский специалист по членистоногим, профессор в университете Эрлангена; передавал в Зоомузей некоторые сборы по паукообразным и насекомым.

Ромашов Дмитрий Дмитриевич (1899–1963) — известный генетик, энтомолог-любитель; собранная им коллекция насекомых передана в Зоомузей.

Россолимо Ольга Леонидовна (1928 г. р.) — специалист по изменчивости млекопитающих; работала в Зоомузее с 1954 г., заведовала отд. териологии с 1959 г., директор Зоомузея с 1970 по 2009 гг.; провела полную реконструкцию хранилищ и экспозиционных залов Зоомузея в 1970–1980-е гг.; автор книг (соавт.) «Систематика млекопитающих СССР» (1987), «Разнообразие млекопитающих» (2004).

Рулье Карл Францевич (1814–1858) — знаменитый натуралист, основатель московской школы зоологии, блестящий лектор и пропагандист «экологического» подхода к изучению живой природы; в 1836 г. служил хранителем Анатомического кабинета при Медико-хирургической акад., в 1837–1850 гг. — хранитель Зоологического кабинета в Московском университете; в 1950 г. назначен зав. Кафедрой зоологии, сохранив общее «введение» за одноимённым Кабинетом, а также за Музеем естественной истории; автор трудов «О влиянии наружных условий на жизнь животных» (1845), «Жизнь животных по отношению к внешним условиям» (1852).

Сабанеев Леонид Павлович (1844–1898) — известный зоолог-позвоночник и натуралист, участник многочисленных экспедиций, популяризатор любительской охоты и рыбалки; некоторые его сборы хранятся в Зоомузее; автор книг «О фауне позвоночных Среднего Урала» (1870), «Звериный промысел в Уральских горах» (1872), «Таблицы для определения родов и видов пресноводных рыб, встречающихся в России» (1876).

Савельев Петр Семёнович (1890–?) — мастер-таксидермист; работал в Зоомузее с 1935 по 1965 гг. (с перерывами).

Сазонов Юрий Игоревич (1950–2002) — специалист по глубоководным рыбам; работал в Инст. океанологии Акад. наук, в Зоомузее научный сотрудник в 1990–2002 гг.; участвовал в морских научных экспедициях, собранные коллекции хранятся главным образом в Зоомузее.

Сатуниин Константин Алексеевич (1863–1915) — зоолог-позвоночник; начал работу в Комиссии по изучению фауны Московской губернии при ИОЛЕАЭ, участвовал в экспедициях, его сборы хранятся в Зоомузее; затем исследовал фауну млекопитающих Кавказа; автор книги «Млекопитающие Кавказского края» (1915–1920).

Световидова Александра Александровна (1904–1974) — специалист по систематике карповых рыб; работала в Зоомузее научным сотрудником с 1940 г., заведовала отд. ихтиологии (во время войны также отд. герпетологии); уделяла большое внимание налаживанию хранительской работы.

Свиридов Андрей Валентинович (1946 г. р.) — известный специалист по чешуекрылым насекомым, автор оригинальной концепции диагностических

ключей; работает в Зоомузее научным сотрудником с 1976 г.; активно участвует в разработке Красных книг; автор книги «Ключи в биологической систематике: теория и практика» (1994).

Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) — выдающийся зоолог-анатом и эволюционист, специалист по индивидуальному развитию позвоночных животных, основатель российской школы эволюционной морфологии; сын Н.А. Северцова; в 1902–1911 гг. работал в Киевском унив., в 1911 г. возглавил Институт и Музей сравнительной анатомии при Московском унив., в начале 1920-х гг. участвовал в организации НИИЗ, был одним из его первых директоров, в 1930 г. учредил и возглавил лаб. эволюционной морфологии при Акад. наук (в 1934 г. преобразована в Институт эволюции животных, теперь ИПЭЭ РАН); автор книги «Этюды по теории эволюции» (1921).

Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) — крупный специалист по систематике и распространению позвоночных животных Средней Азии, исследователь природы этого региона; за время экспедиций собрал значительный коллекционный материал, большая часть которого хранится в Зоомузее; автор книг «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» (1856), «Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных» (1873).

Селиванов Алексей Васильевич (1851–1915) — специалист по многоножкам; некоторые его сборы хранятся в Зоомузее; автор книги «Материалы к изучению русских тысяченожек» (1884).

Семпер К. — см. Земпер К.

Серебровский Павел Владимирович (1888–1942) — орнитолог; работал в Зоологическом музее в Санкт-Петербурге; некоторые его ранние сборы по птицам хранятся в Зоомузее.

Сибирский Иван Андреевич (1745–1783) — профессор натуральной истории Московского унив., с 1777 г., заведовал Каф. и Кабинетом натуральной истории.

Скалон Василий Николаевич (1903–1976) — зоолог-охотовед; некоторые его сборы млекопитающих Сибири и Монголии хранятся в фондах Зоомузея.

Слюнин Николай Васильевич (1850–1926) — медик, известный исследователь Дальнего Востока, доктор медицины; участник многочисленных экспедиций и морских походов; по поручению ИОЛЕАЭ разработал программу сбора научных коллекций в морских походах силами судовых врачей; автор книг «Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов» (1895), «Современное положение нашего Дальнего Востока» (1908).

Смирнов Евгений Сергеевич (1898–1977) — известный специалист по систематике двукрылых, разрабатывал методы нумерической систематики; в начале 1920-х гг. служил ассистентом и заведующим библиотекой НИИЗ и Зоомузея; с 1940 г. заве-

довал каф. энтомологии Биологического ф-та МГУ; собранные им в экспедициях коллекции хранятся в Зоомузее; автор книг и учебников «Очерки по теории эволюции (1924, соавт.), «Животное и среда» (1927), «Таксономический анализ» (1969).

Смолин Пётр Петрович (1897–1975) — известный натуралист и активный организатор юннатского движения; работал в начале 1920-х гг. в Московском зоопарке, участвовал в создании КЮБЗ; с 1946 г. главный хранитель Дарвиновского музея, организовал юннатский кружок при ВООП, ставший школой для многих известных зоологов, в том числе работающих в Зоомузее.

Соин Сергей Гаврилович (1912–1985) — специалист по анатомии рыб; в 1960–1963 гг. был директором Зоомузея, с 1977 г. зав. каф. ихтиологии Биологического ф-та МГУ; автор книги «Приспособительные особенности развития рыб» (1868).

Соколов Владимир Евгеньевич (1928–1998) — известный зоолог, специалист по морфологии млекопитающих, организатор научных исследований, популяризатор; с 1967 г. директор ИЭМЭЖ Акад. наук (ныне ИПЭЭ РАН) Акад. наук; был одним из организаторов Советско-монгольской комплексной биологической экспедиции и Тропцентра; собираемые их участниками большие и исключительно интересные коллекционные в основном хранятся в Зоомузее; автор книг «Кожный покров млекопитающих» (1973), «Систематика млекопитающих» (1973–1979).

Сокольская Нина Леонидовна (1918–2009) — специалист по систематике олигохет; работала научным сотрудником в отд. беспозвоночных животных Зоомузея в 1947–1980 гг.

Спангенберг Евгений Павлович (1898–1968) — специалист по распространению и биологии птиц, известный популяризатор знаний о природе; работал в Зоомузее с 1946 г. сначала заведующим отд. герпетологии, с 1950 г. научным сотрудником отд. орнитологии; участвовал в многочисленных экспедициях и активно коллектировал птиц, коллекции хранятся в Зоомузее; автор книг «Животный мир Азербайджана» (1951), «Записки натуралиста» (1948), «Птицы Советского Союза» (1951, соавт.).

Спиридонов Василий Альбертович (1957 г. р.) — зоолог, специалист по морским ракообразным; работал в Зоомузее с 1990 г. научным сотрудником сект. беспозвоночных животных, в 1996–2000 гг. его заведующим.

Стевен Христиан Христианович (1781–1863) — российский ботаник шведского происхождения, основатель Никитского сада в Крыму, любитель-энтомолог; жертвовал коллекции насекомых для восстановления Кабинета натуральной истории при Московском унив. после пожара 1812 г.

Степанян Лео Суренович (1931–2002) — специалист по систематике птиц; работал в различных ВУЗах и научных институтах, участвовал в много-

численных экспедициях; ; сторонний куратор части орнитологической коллекции в Зоомузее; собрал значительную личную коллекцию тушек и кладок птиц, купленную в Зоомузей; автор книги «Конспект орнитологической фауны СССР» (1990).

Строганов Александр Сергеевич (1733–1811) — государственный деятель, крупный землевладелец и горнозаводчик; с 1800 г. президент Императорской Акад. художеств и директор Императорской Публичной библиотеки; был коллекционером, пополнил Минералогический кабинет Московского унив. коллекцией рыб и земноводных.

Судиловская Ангелина Михайловна (1903–1976) — специалист по распространению птиц России; работала в Зоомузее с 1938 г., в 1942–1944 гг. временно, а с 1950 г. постоянно заведовала отд. орнитологии, большое внимание уделяла хранительской работе; автор книг (соавт.) «Определитель птиц СССР» (1948), «Птицы Советского Союза» (1951–1954)

Сушкин Пётр Петрович (1868–1928) — крупный специалист по систематике и распространению птиц; работал в Ин-те сравнительной анатомии и на каф. зоологии Московского унив., позже в Зоологическом ин-те Акад. наук; его ранние экспедиционные сборы по птицам хранятся в Зоомузее; автор книг «Птицы Средней Киргизской степи» (1908), «Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии» (1938).

Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) — зоолог и администратор; с 1887 г. служил хранителем Зоомузея, в 1896–1904 гг. — заведующий каф. зоологии и Зоомузеем, затем ректор Московского унив.; активно содействовал возведению Зоологического корпуса на Никитской ул.

Томкович Павел Станиславович (1952 г. р.) — известный специалист по систематике, распространению, биологии и охране куликов; работает в Зоомузее с 1974 г. лаборантом, с 1976 г. научным сотрудником, с 1977 г. по наст. время заведует отд. орнитологии; автор книг (соавт.) «Птицы Европейской России. Полевой определитель» (2001), «Атлас ареалов гнездящихся куликов Российской Арктики» (2012).

Тургенев Александр Михайлович (1772–1863) — российский чиновник, тобольский гражданский губернатор; жертвовал свои сборы в Кабинет натуральной истории Московского унив. для его восстановления после пожара 1812 г.

Туров Сергей Сергеевич (1891–1975) — специалист по биологии млекопитающих, популяризатор; работал в Зоомузее в 1920-е гг. ассистентом, с 1932 г. зам. директора по науке, с 1942 по 1960 гг. его директор; с 1950 г. заведовал каф. зоологии Московского городского педагогического ин-та; участвовал в организации многих экспедиций, заповедников; в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по наземным позвоночным, а также личная библиоте-

ка; автор книг «Натуралист-фотограф» (1937), «По родному краю» (1979, посмертно).

Турова Л.Г. — см. Морозова-Турова Л.Г.

Тюрин Евграф Дмитриевич (1792–1870) — архитектор; автор проекта Аудиторного корпуса Московского унив. (перестроен из бывшей усадьбы Пашковых), во флигеле которого с середины 1830-х до начала 1900-х гг. размещался Музей естественной истории (Зоологический музей).

Уваров Сергей Семёнович (1786–1855) — государственный деятель, министр народного просвещения (1833–1849); при его активном участии в начале 1840-х гг. Медико-хирургическая академия со всеми своими подразделениями была присоединена к Московскому унив., в результате чего Анатомический кабинет Академии был влит в университетский Зоологический кабинет (в составе Музея естественной истории).

Ульянин Николай Семёнович (1903–1941) — зоолог; в 1939 г. некоторое время исполнял обязанности директора Зоомузея.

Унгевиттер Хуго (Ungewitter Hugo) (1869–1944) — германский художник; в Зоомузее хранится одна из его картин.

Усов Сергей Алексеевич (1827–1886) — зоолог с широким кругом интересов; профессор каф. зоологии Московского унив.; участвовал в организации Московского зоосада, стал его первым директором; автор книги «Таксономические единицы и группы» (1867).

Успенский Савва Михайлович (1920–1996) — специалист по биологии и охране полярных птиц и млекопитающих; передавал в Зоомузей свои коллекционные сборы, был в нём сторонним куратором и имел постоянное рабочее место; автор книг «Птицы Советской Арктики» (1958), «Родина белых медведей» (1974).

Ухтомский Дмитрий Васильевич (1719–1774) — известный архитектор, главный архитектор г. Москвы в период правления Императрицы Елизаветы; автор проекта перестройки Аптекарского дома, в котором с конца 1750-х до начала 1790-х гг. размещался Минералогический кабинет (предшественник Зоологического музея).

Федосеева Елена Борисовна (1955 г. р.) — специалист по морфологии и биологии муравьёв; в Зоомузее работала в 1986–1990 гг. экскурсоводом, в 2000–2004 гг. главным хранителем, в наст. время научный сотрудник отд. энтомологии.

Федулов Владимир Константинович (?–1941) — мастер-таксидермист, потомственный чучельщик; заведовал таксидермической мастерской в Зоомузее с 1932 г.

Федченко Алексей Павлович (1844–1873) — зоолог, известен как исследователь природы Туркестана; руководил Туркестанской учёной экспедиции, большинство коллекционных сборов хранятся в

Зоомузей; автор серийного издания «Путешествие в Туркестан» (опубликованы посмертно).

Филиппов Николай Николаевич (1895–1972) — дипломат и сотрудник «органов», энтомолог-любитель; возглавлял Зоомузей в 1939–1941 гг.; часть собранных им коллекций насекомых хранится в Зоомузее.

Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич (1803–1884) — натуралист; сын Г.И. Фишера; преподавал в Медико-хирургической акад. в Москве, в 1832–1834 гг. возглавлял Кафедру и Музей натуральной истории в Московском унив., затем каф. ботаники там же.

Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (Иоган Готтхельф) (1771–1853) — натуралист; обучался в Гёттингенском унив.; в 1805–1832 гг. возглавлял Кафедру и Кабинеты (затем единый Музей) натуральной истории в Московском унив.; в 1805 г. основал МОИП; очень много сделал для первоначального формирования Зоомузея и его восстановления после войны 1812 г.; автор каталогов и книг «Museum d'Histoire naturelle de l'Universite Impériale de Moscou» (1806), «Museum Demidoff...» (1807), «Zoognosia tabulis synopticis illustrata» (1813–1814), «Entomographia imperii rossici» (многотомное издание, 1820–1850), «Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosqensis» (1822, 1829).

Флинт Владимир Евгеньевич (1924–2004) — орнитолог, специалист по охране природы, популяризатор зоологических знаний; работал научным сотрудником Зоомузея в 1969–1976 гг., пополнил его коллекцию значительным собранием птичьих кладок; затем заведующий отделом во Всероссийском НИИ охраны природы; основатель в 1993 г. и первый президент Союза охраны птиц России; автор книг (соавт.) «Птицы СССР» (1968), «Редкие и исчезающие животные» (1985), «Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика» (2000).

Фрейрейс Вильгельм (1789–1825) — медик, препаратор, путешественник, спутник Г. Лангсдорфа в Бразильской экспедиции; свои сборы передавал в Кабинет натуральной истории Московского унив.

Харузин Алексей Николаевич (1864–1932) — этнограф и антрополог; участвовал в некоторых организованных им экспедициях, собирал коллекции для Зоомузея; с начала 1890-х гг. на государственной службе.

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) — литератор и издатель, «обербиблиотекариус», директор и затем куратор Московского унив.; опекал дарованный Университету «кабинет Генкеля» до 1759 г.

Хотовицкая Валентина Ирадионона — гражданка Австралии российского происхождения; в 1986 г. передала в Зоомузей крупную коллекцию раковин тропических моллюсков; детали биографии неизвестны.

Цалкин Вениамин Иосифович (1903–1970) — специалист по копытным; работал научным сотрудником в Зоомузее в 1943–1950 гг.

Цветаяев Анатолий Васильевич (1903–1980) — зоолог-любитель, знаток биологии бабочек, путешественник, коллекционер; работал главным инженером на фабрике учебных пособий «Природа и школа»; после его смерти собранная им огромная коллекция бабочек была куплена в Зоомузей.

Цветков Борис Николаевич (1905–1945) — специалист по наземным моллюскам, исследовал фауну Сред. Азии; с середины 1930-х гг. работал в Зоомузее, в 1941–1945 гг. возглавлял отд. беспозвоночных.

Шаталкин Анатолий Иванович (1943 г. р.) — специалист по систематике двукрылых насекомых, исследует теорию систематики и эволюционных учений; работает в Зоомузее научным сотрудником с 1976 г., в 1977–1987 гг. заведовал отд. энтомологии; в 1977–1990 гг. — учёный секретарь Зоомузея; автор книг «Биологическая систематика» (1988), «Философия зоологии Жана Батиста Ламарка...» (2009), «Таксономия. Основания, принципы и практика» (2012).

Шатилов Иосиф Николаевич (1824–1889) — чиновник, землевладелец, агроном и лесовод, с 1864 г. возглавлял Императорское московское общество сельского хозяйства; собирал зоологические коллекции (в основном птиц) в разных местах европейской части России, многие из них хранятся в Зоомузее.

Шибанов Николай Владимирович (1903–1960) — специалист по фауне рептилий России; в Зоомузее работал в 1932–1943 гг. заведующим отд. герпетологии (до 1941 г.); затем администратор на Биологическом ф-те МГУ; в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по рептилиям, а также личная библиотека.

Шилейко Анатолий Алексеевич (1940 г. р.) — специалист по систематике наземных моллюсков; работал в Зоомузее в 1963–1968 гг. экскурсоводом; научный сотрудник ИПЭЭ РАН; постоянно пополнял коллекции Зоомузея; сторонний куратор этой группы; автор большого количества обзорных монографий по моллюскам.

Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог-анатом, эволюционист; в 1880-е гг. служил ассистентом при Кафедре и Музее зоологии Московского унив.; затем перешёл в Санкт-Петербургский унив., заведовал в нём каф. зоологии, был его ректором; автор учебников «Курс зоологии позвоночных» (1891–1892, соавт.), «Биологические основы зоологии» (1901), «Курс сравнительной анатомии позвоночных животных» (1903).

Шувалов Иван Иванович (1727–1797) — государственный деятель; стоял у истоков Московского унив.; в конце 1750-х гг. содействовал передаче в него коллекции Демидовых, составившей основу Минералогического кабинета.

Щелкановцев Яков Павлович (1870–1938) — специалист по систематике некоторых групп насекомых и паукообразных; с конца 1890-х гг. ассистент Зоомузея, в 1904–1908 гг. учёный хранитель его коллекций; автор учебника «Краткий курс зоологии: пособие к лекциям преимущественно для студентов медиков» (1924).

Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) — известный геолог и популяризатор естествознания, профессор Московского унив.; в 1830–1860-е гг. руководил Минералогическим кабинетом, входившим (полуофициально) в состав Музея естественной истории; один из основателей и первый президент ИОЛЕАЭ, один из основателей и первый председатель Музея прикладных знаний (ныне Политехнический); автор книг и учебников «Органология животных» (1834), «Геологическое путешествие по Алтаю» (1846), «История геологии Московского бассейна» (1866–1867).

Эшшольц Иоганн Фридрих (1793–1831) — врач и естествоиспытатель, путешественник; в качестве судебного врача принял участие в кругосветном плавании на бриге «Рюрик»; часть собранных им коллекций хранится в Зоомузее.

Яблоновская (урожд. Сапега) Анна Паулина (1728–1800) — представительница княжеского рода Яблоновских; Император Александр I в 1802 г. купил у её наследников принадлежавший ей известный Семятический кабинет натуральной истории для Московского унив.

Яхонтов Евгений Леонидович (1965 г. р.) — териолог; работал в Зоомузее в 1987–1995 гг. научным сотрудником в отд. териологии; возглавлял этот отдел в 1991–1994 гг., главный хранитель Зоомузея в 1995 г.

Яшнов Владимир Андреевич (1892–1977) — зоолог-беспозвоночник; ассистент Зоологического музея в 1910-е гг.; позже сотрудник НИИЗа и Плавмор(н)ина.